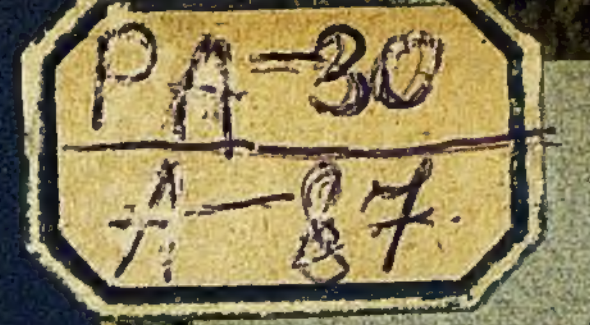


ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ III.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

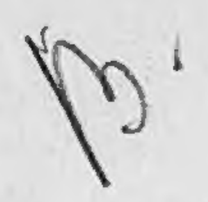
ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета,

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

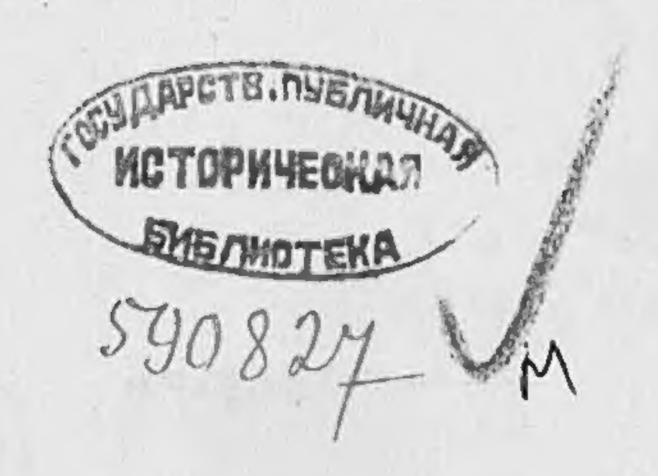
ВЫПУСКЪ III.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1901.



Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

И. д. Декана Д. Корсаковъ.



лямъ въ корыстныхъ и эгоистичныхъ представителяхъ мѣстной православной іерархіи, іезуиты при всѣхъ усиліяхъ не могли привлечь на свою сторону простонародье, господствовавшую массу западно-русскаго населенія, городского и сельскаго,—напротивъ, своими происками и насиліями вызвали въ этой массѣ открытый протестъ и такія силы на защиту исконной вѣры, какихъ, повидимому, никакъ не предполагали. Защита выступила—въ лицѣ церковныхъ братствъ.

Начальная исторія западно-русскихъ православныхъ церковныхъ братствъ не достаточно выяснена. Въ древней Руси, почти съ до-историческихъ временъ существовали зачатки братствъ, такъ называемыя „братчины". Благопріятныя условія западно-русской городской жизни могли дать этимъ зачаткамъ особое развитіе. Общественная жизнь въ литовскихъ и западно-русскихъ городахъ была издавна особенно развита. По примѣру западной Европы, здѣсь издавна существовали купеческія гильдіи, промысловые и торговые союзы или цехи; развитію послѣднихъ очень много способствовало издавна существовавшее во многихъ городахъ литовской Руси „магдебургское право",—существованіе котораго, въ свою очередь, значительно содѣйствовало бо́льшему вообще сравнительно развитію въ юго-западной Руси общественно-городской жизни (сущность „права" состояла въ томъ, что управленіе городомъ въ сильной степени переходило въ руки самихъ горожанъ). Въ связи съ этими особыми условіями общественной жизни западно-русскихъ городовъ, вѣроятно, и стоитъ древнѣйшая исторія западно-русскихъ церковныхъ братствъ. Точнаго момента ихъ возникновенія указать нельзя; первыя историческія извѣстія о нихъ относятся къ половинѣ XV вѣка. Случайное извѣстіе этого времени указываетъ на существованіе двухъ такихъ братствъ—одного въ Львовѣ [1439], другого въ Вильнѣ [1458]. На первыхъ порахъ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, братства являлись съ характеромъ учрежденій ис-

ключительно церковно-хозяйственныхъ и религіозно филантропическихъ. Братчики, въ среду которыхъ въ началѣ принимались и люди католическаго вѣроисповѣданія, даже католическіе духовные,—исключительно заботятся о нуждахъ своего прихода и своей церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, братства примыкаютъ къ торговымъ гильдіямъ, нося на себѣ какой-то торгово-промышленный отпечатокъ. На послѣднее указываютъ самыя названія древнѣйшихъ братствъ: „кушнерское“, „кожемяцкое“ и т. п. Впрочемъ, каково бы ни было первоначальное происхожденіе этихъ братствъ, уже очень скоро, съ половины и 80-хъ гг. XVI вѣка, особенно же предъ наступленіемъ брестской уніи и вслѣдъ за нею, для всѣхъ нихъ главною, вполнѣ сознательною, цѣлью дѣятельности становится—распространеніе въ мѣстномъ православномъ населеніи о б р а з о в а н і я и защита п р а в о с л а в і я, а вмѣстѣ и своей н а р о д н о с т и, отъ все болѣе и болѣе усиливавшейся пропаганды іезуитовъ. На этотъ новый характеръ дѣятельности братствъ ясно указываютъ „Чинъ Львовскаго братства“ 1586 года и „Чинъ Виленскаго братства“ 1588 года. Около времени брестской уніи, и число братствъ и ихъ дѣятельность въ указанномъ направленіи особенно усиливается. „Борьба съ протестантствомъ и латинствомъ придала этимъ бытовымъ и филантропическимъ учрежденіямъ религіозный характеръ, а унія еще тѣснѣе сплотила эти союзы и направила ихъ къ охранѣ церкви православной. При отпаденіи аристократическихъ родовъ въ протестантство и латинство,—среднее сословіе, купцы и мѣщане, сомкнулись тѣснѣе, соединяя бытовые интересы съ церковными и не щадя ни силъ, ни средствъ на помощь нуждамъ церкви“... Главнымъ своимъ дѣломъ братства считаютъ заведеніе школъ и типографій, составленіе и печатаніе церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, развитіе учебной литературы, и, наконецъ, путемъ литературной полемики, открытую борьбу съ усиливавшимся въ странѣ

католичествомъ. Въ ряду другихъ своими главнѣйшими обязанностями братчики ставятъ себѣ—„радити о церкви Божой“, „радити и пилное старане мѣти, абы наука вшелякая христіянскимъ дѣтемъ въ школѣ была; обмыслити [заботиться] дидаскалови учоному, пилному набоженства, науку досконалую дѣтемъ щире даючому, тризвому, слушное выховане и нагороду, жебы за пилною наукою его люде росли“... „Отъ наукъ, заявляютъ братчики—хвала всемогущаго Бога на землѣ множится, потѣха родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ ростетъ, рѣчи посполитой оброна моцная и оздоба предивная фундуется и цвѣтетъ“... Основывая у себя въ 1615 году церковное братство, кіевскіе граждане въ „уписѣ“ на его учрежденіе писали: „Начинаемъ сіе душеспасителное друголюбное соединеніе, братство церковное, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ—на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашому россійскому роду сыномъ всходнего православія, обывателемъ воеводства кіевскаго, такъ духовнаго вшелякаго, яко и свѣтскаго стану, и всее рѣчи посполитое мѣстское и всѣмъ христоименитымъ людемъ, на выконаніе христіанскихъ милосердныхъ учинковъ, такъ духовныхъ, въ размноженью и вкорененью христіанскихъ добродѣтелей честнаго иноческого житія, въ подаваню наукъ учтивыхъ и въ цвиченію дѣтей народу христіанского“... „Что есть въ нашей земли братство православныхъ?“—писали въ 1625 году кіевскіе братчики къ московскому думному дьяку Ив. Т. Грамматину, и отвѣчаютъ: „Братство нарицается, егда христіане православныи, живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ ляховъ, унѣятовъ и проклятыхъ еретиковъ, и хотяще отъ нихъ отлучатися и съ ними ничто же смѣстно имѣти, сами съ собою любовію совокупляются, имена своя во едино вписуютъ и братіами нарицаются: се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ. Сіе братство и мы, граждане и благороднiи, духовныи и мирстіи

во градѣ Кіевѣ, идѣже иновѣрство возрастаетъ, сотворихомъ"... „На утвержденіе благочестія и правосл. апостольскія и отеческія вѣры, такожде на твердѣйшее отраженіе и отгнаніе ересей, въ церковь Божію отъ врага всѣхъ общаго діавола насѣянныхъ, мы христіане различныхъ сановъ, достоинствъ и упражненій суще, въ единство любве и въ тождество духа совокупльшися братство... устроихомъ",—писали тогда же кіевскіе братчики къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, и продолжаютъ: „И училище отрочатомъ православнымъ милостію Божіею языка славено-россскаго, еллино-греческаго и прочіихъ дидаскаловъ великимъ иждивеніемъ устроихомъ,—да не отъ чуждаго источника піюще, смертоноснаго яда западнія схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклонятся"... Лучшею рекомендаціею успѣшнаго выполненія западно-русскими православными братствами этихъ задачъ служитъ отчасти заявленіе уніатскаго митрополита Рутскаго, который, донося о заботахъ своихъ по распространенію въ странѣ уніи, писалъ,—что этимъ заботамъ великую препону полагаетъ новое, основанное здѣсь [въ Кіевѣ] схизматиками братство; „трудно и думать о чемъ нибудь добромъ [т. е. благопріятномъ для латино-уніатовъ], если оно не будетъ уничтожено"...

Упомянутыя древнѣйшія братства, львовское и виленское, были первыми, выступившими на поприще общественно-церковной дѣятельности съ офиціальныхъ характеромъ учрежденій, признанныхъ и утвержденныхъ церковной властью. Львовское было утверждено антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1585 году, виленское констант. патр. Іеремію въ 1588 году. Оба братства были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самихъ патріарховъ и надѣлены были вслѣдствіе этого обширными полномочіями.

Рядомъ съ братствами львовскимъ и виленскимъ, уже очень рано въ самой Вильнѣ видимъ нѣсколько другихъ

братствъ,—какъ упомянутыя „кушнерское", „кожемяцкое" и др. Въ 1579 году возникаетъ братство въ Мстиславлѣ; въ 1582 г.—братство росское, въ предмѣстьѣ Вильны, Росѣ, а также—въ Гологорсѣ и Гроднѣ; въ 1589 г.— „кушнерское" братство въ Могилевѣ; ок. 1589 г. возникаетъ братство въ Замостьѣ, уставъ котораго былъ утвержденъ въ 1606 г.; также въ Люблинѣ,—при чемъ братчикамъ позволялось „наука школная чадомъ своимъ мѣти, пришелцовъ убогихъ по чину школному примовати" и пр. Въ 1591 г. возникаетъ братство въ Брестѣ, въ 1592 г. въ Минскѣ, Кричевѣ, Оршевѣ и Перемышлѣ; въ 1594 году, въ грамотѣ брестскаго собора упоминается цѣлый рядъ новыхъ братствъ, неизвѣстно когда возникшихъ, но уже существовавшихъ въ это время: красноставское, гольшанское, городецкое, галицкое бѣльское, и „многія другія". Вслѣдъ за брестской уніей 1696 г. открываются новыя братства: въ 1597 г.—въ Минскѣ, въ 1615—въ Кіевѣ, въ 1617 въ—Луцкѣ, и т. д.

Всѣ эти быстро возникшія братства имѣли въ общемъ одинаковое внутреннее устройство и преслѣдовали одни и тѣ же цѣли. Дѣятельность ихъ главнымъ образомъ направлялась, какъ уже замѣчено было, на поднятіе образованія въ мѣстномъ православномъ населеніи и на борьбу съ католической пропагандой. Въ видахъ того и другаго, братства больше всего заботились о распространеніи въ краѣ православныхъ школъ и типографій.

Какъ было уже замѣчено, образованіе въ юго-западной Руси въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ; до 70-хъ гг. XVI ст. во всей области Великаго Княжества Литовскаго мы не видимъ напр. сколько нибудь правильно организованныхъ школъ для православнаго населенія: и здѣсь, какъ въ сѣверо-восточной Руси, были только частные „мастера", у которыхъ на дому учились начальной гра-

мотѣ желающіе, и преимущественно тѣ, которые готовились къ духовному званію. Православныя школы начинаютъ появляться въ Литвѣ и юго-западной Руси лишь съ началомъ просвѣтительной дѣятельности браствъ, и на первыхъ порахъ,—по почину частныхъ лицъ. Ок. 1572 г. кн. К. К. Острожскій первый открылъ на свои средсгва начальную школу въ Туровѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1577 году, другую школу во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ 1580 году имъ же были основаны двѣ школы—въ Острогѣ и Слуцкѣ, обѣ на личныя средства князя. Школы это принадлежали, по видимому, къ разряду высшихъ, и имѣли особенно важное значеніе для края. Ант. Поссевинъ въ своихъ донесеніяхъ указываетъ на нихъ какъ на препятствія къ готовящейся уніи: въ Острогѣ и Слуцкѣ, пишетъ онъ, имѣются свои типографіи и училища,—„въ коихъ сей расколъ (православіе) питается“.. Въ 1586 году, по образцу острожской и луцкой школъ, открыло школу и браство львовское у себя въ Львовѣ. Не задолго до смерти, Острожскимъ же была основана школа въ монастырѣ дерманскомъ... Отдавая дерманскій монастырь подъ общежитіе, въ своей записи (1602 года) по этому поводу, кн. К. К. Острожскій требуетъ, чтобы въ монастырь принимались только такіе иноки, которые бы имѣли твердое рѣшеніе исполнять монашескіе уставы „и которые бы зайшли до науки; маютъ тѣжъ способнѣйшіе до науки учиться письма словенского, грецкого и латинского, отъ особъ вѣры святое восточное будуще“...

До насъ сохранился уставъ львовской школы, утвержденный въ 1586 году патр. Іереміею. По уставу, учитель долженъ былъ не только обучать чтенію и письму, но и „грамматикѣ, риторикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ“; по всѣмъ этимъ предметамъ учитель долженъ выдавать ученикамъ „записки“. Кромѣ того, послѣ обѣда, учитель обучалъ воспитанниковъ „пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному

пѣнію". По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ; называлась она „школою греческаго и славянскаго письма". Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, думаютъ, что это школа была, если не изъ высшихъ, то средняя... Въ 1588 г. такая же школа открыта была мѣстнымъ братствомъ въ Вильнѣ. Въ этой школѣ преподавался уже и латинскій языкъ,—какъ видно изъ письма виленскихъ братчиковъ къ львовскимъ, въ 1619 году. . „Лѣта 1617-го, пишутъ братчики, Божіею помощію сооружихомъ каменнымъ наздапіемъ домъ школьный, въ пять училищъ (классовъ) раздѣленый, отъ нихъ же во трехъ латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется, въ четвертомъ русская, пятое во славенскаго и греческаго языка наказаніе: въ нихъ же всѣхъ своего рода и благочестія трудолюбны учителя имѣти промышляюще, посылахомъ, о нихже искусныхъ на дѣло сіе вѣдѣхомъ, молихомъ и убѣждахомъ; донынѣ обаче соизволенія ихъ не улучихомъ. За еже и васъ братію благочестивую, о полезномъ церкви Христовы многопромысливую, и родови своему теплѣ прилежащую братію умолены быти симъ посланіемъ нашимъ тщимся и уповаемъ, да его же таковыхъ мужей близъ васъ быти вѣсте, или увѣсте, моленіемъ вашимъ убѣждена къ намъ, во общую рода нашего пользу, препослете"... Для этой школы, кажется, въ 1619 г. Мелетія Смотрицкій, бывшій въ то время ея преподавателемъ, и составилъ свою извѣстную *Славянскую грамматику*. Въ кіевской братской школѣ, до преобразованія ея въ академію, было четыре отдѣленія: 1) русская школа, 2) инфима, 3) грамматика и 4) синтаксисъ. Въ 1591 г. брестскіе мѣщане устраиваютъ у себя въ Брестѣ церковное братство и при немъ школу,— „свою мѣстную волную рускую, для науки дѣтей ихъ мѣщанскихъ, такъ тежъ и иныхъ посполитныхъ людей,

ктобы кольвекъ з народу хрестьянского въ науку языка русскаго до тое школы ихъ мѣстское дати хотѣлъ“,—почему и названа въ грамотѣ „русскою школой“. Впрочемъ, школа брестская уже въ 1597 г. королевскимъ приказомъ отдана была Игнатію Поцѣю, „чтобы онъ постерегалъ, аже бы тамъ наука добрая и порядокъ слушный во всемъ быти моглъ“, т. е. для превращенія православной школы въ уніатскую... Въ 1592 г. была открыта школа въ Минскѣ, при братствѣ мѣстномъ, „для науки (наученья) дѣтокъ малыхъ“: братству позволялось въ школѣ „бакаляра ховати и тамъ дѣтей письму греческому и русскому учити“. Кромѣ этой, повидимому, весьма незначительной и, кажется, вскорѣ прекратившейся школы, въ Минскѣ же, при другомъ братствѣ, существовала другая школа, возникшая вмѣстѣ съ братствомъ въ 1613 году. Отъ этого другого минскаго братства до насъ сохранился любопытный протестъ, поданный братчиками на монаховъ мѣстной уніатской церкви, по поводу насилій и оскорбленій, какія терпѣли ученики братской православной школы отъ учениковъ уніатской: братство жалуется, что уніатскіе монахи научаютъ „выростковъ и хлопятъ своей школы“ ловить братскихъ школьниковъ и дѣлать имъ всевозможныя обиды; уніатскіе ученики, „слушаясь черньцовъ-бакаляровъ своихъ“, схватывали православныхъ дѣтей по улицамъ, „били ихъ и кровавили безнаказанно“... Въ 1592 году устроена была школа въ Перемышлѣ. Въ 1594 году въ Бѣльскѣ. Въ 1597 г. возникшее братство въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего существованія, выхлопотало особую грамоту, которою учреждалась при братствѣ школа „для безмезднаго обученія дѣтей вписныхъ братій и убогихъ сиротъ языку и письму славянскому, русскому, греческому, латинскому и польскому“, и позволялось „держать ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для преподаванія въ школѣ и для проповѣди слова Божія“.

Братская могилевская школа, нѣсколько разъ, по навѣтамъ уніатовъ, перемѣнявшая свое мѣсто въ городѣ, существовала до позднѣйшаго времени и служила въ свое время „однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ православія въ краѣ". Въ 1615 году возникаетъ братство и при немъ школа въ Кіевѣ— будущая Академія... Въ 1617 году открывается школа въ Луцкѣ при мѣстномъ братствѣ; въ 1624 году луцкая братская школа составила для себя „уставъ", утвержденный королемъ и дошедшій до насъ подъ названіемъ: *Артикулы правъ школы греко-латино-словянской Луцкой и порядокъ школьный.* Въ 1634 году луцкое братство подверглось жестокому нападенію іезуитовъ и уніатовъ: послѣ праздничной процессіи, нѣсколько членовъ іезуитской коллегіи, собравъ толпу до ста человѣкъ, вооруженные, напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу, нещадно избили игумена, монаховъ, старцевъ, учениковъ—всѣхъ, „абы только было русинъ"... Луцкое братство и школа существовали около ста лѣтъ, пока наконецъ, въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка, не были отданы уніатамъ. Нѣсколько позднѣе открываются при мѣстныхъ братствахъ новыя школы—въ Пинскѣ (1633), Оршанскѣ (1649) и т. д.

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ школъ, нужно думать, было въ общихъ чертахъ одинаково. Помимо упомянутаго устава львовской школы, нѣкоторое понятіе объ устройствѣ братскихъ школъ можетъ дать названный сейчасъ „уставъ" луцкой школы. По правиламъ этого устава,—„въ школѣ учатъ только наукамъ и добродѣтели; поэтому запрещается ученикамъ имѣть какія либо инструменты и ими заниматься, а также для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на православіи, они не должны имѣть у себя „никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ"... Ученики дѣлились на три отдѣленія: одни учились „литерамъ и складамъ", другіе „чи-

тали на память", третьи „выкладывали, разсуждали, разумѣли". Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ передъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, на которой онъ переписалъ дома тотъ урокъ,—„затѣмъ долженъ учиться, подъ руководствомъ учителя, псалтыри, грамматикѣ и другимъ наукамъ"... Учитель обязанъ выдавать ученикамъ „въ запискахъ ученія отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отецъ, философовъ, поэтовъ, историковъ и проч." Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго въ теченіе недѣли; кромѣ того въ этотъ же день „учились пасхаліи и луннаго теченія и церковному пѣнію"... Въ дни воскресные и праздничные „учитель долженъ разсказывать дѣтямъ о праздникѣ и учить волѣ Божіей, послѣ же обѣда объяснять евангеліе и апостолъ того праздника"... Изъ числа учениковъ выбирали на каждую недѣлю двоихъ или четверыхъ, по очереди, чтобы они подметали и отапливали школу, сидѣли у дверей и замѣчали поздно приходящихъ и рано выходящихъ, также не знающихъ уроковъ, шалуновъ—въ классѣ, на улицахъ и въ церкви". Часто опускающихъ классы въ школу не принимали... Порядокъ преподаванія былъ слѣдующій: „научивши учениковъ складывать литеры, начинали обучать ихъ церковному пѣнію и вмѣстѣ грамматикѣ; затѣмъ приступали къ риторикѣ и діалектикѣ, которыя должны были излагаться на языкѣ славянскомъ; а списавши по русски риторику и діалектику, можно было переходить къ другимъ частямъ философіи"... „Школы славенское наука починается: напервѣй научившися складовъ литеръ, потомъ грамматики учать, при томъ же церковному чину учать, читаню, спѣваню.., а такъ тому научатся, до большихъ приступаючи, къ діалектицѣ и риторикѣ...

и ныме философскимъ письмамъ школѣ належащимъ“... (уставъ луцкой школы). Въ львовской школѣ ученія грамматическое и діалектическое преподавались повидимому уже до 1592 года. Ученики каждый день должны были говорить по гречески или по славянски, а не простою мовою: „Также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другого пыталъ по грецку, абы ему отповѣдалъ по словенску, а тыжъ пытаются по словенску, а бы имъ отповѣдалъ по простой мовѣ. И тыжъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, оно словенскою и грецкою“ (уставъ луцкой школы). Изъ языковъ, кромѣ русскаго и славянскаго, въ братскихъ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ видимъ, преподавали греческій и латинскій. Болѣе или менѣе обычнымъ названіемъ школъ въ королевскихъ грамотахъ было „греко-латино-словенскія“. Въ 1604 году виленское братство, какъ мы видѣли, сожалѣло, что у нихъ „латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется“. Когда въ 1591 году митр. Михаилъ Рогоза прибылъ во Львовъ и посѣтилъ здѣшнюю братскую школу,—ученики школы привѣтствовали его греческими и славянскими стихами. „О довольно широкомъ примѣненіи греческаго языка въ южнорусскихъ школахъ свидѣтельствуютъ, замѣчаетъ проф. Голубевъ, дошедшіе до насъ памятники на греческомъ языкѣ, принадлежащіе перу наставниковъ и воспитанниковъ южнорусскихъ школъ (*Греческая грамматика*, изд. 1591 г. во Львовѣ, *Просфонима* и друг. панегирики на греческомъ языкѣ). Самыя названія учителей—дидаскалами, а учениковъ спудеями нельзя не считать признакомъ значительнаго преобладанія въ означенныхъ школахъ греческаго элемента“. Преподаваніе латинскаго языка также существовало въ западно-русскихъ школахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократныя указанія вышеприведенныхъ письменныхъ памятниковъ и актовъ,—но было поставлено, очевидно, гораздо

ниже преподаванія языка греческаго. Возвышеніе уровня преподаванія латинскаго языка, какъ и всей вообще „латинской науки“—въ исторіи западно-русскаго образованія принадлежало Петру Могилѣ. Сильвестръ Коссовъ въ своей защитѣ вновь устроенныхъ Могилою училищъ—въ частности долженъ былъ защищать и необходимость преподаванія въ нихъ латинскаго языка. „Первая причина, писалъ онъ между прочимъ, почему нашему народу потребна латинская наука—та, чтобы нашей Руси не называли глупою Русью. А то поѣдетъ бѣдняга русинъ на трибуналъ, на сеймъ на сеймикъ, въ городской или земскій судъ,—смотришь безъ laciny, placi winy: ни судьи, ни стряпчаго, ни ума, ни посла; глядитъ только то на того, то на другого, вытаращивъ глаза, какъ ворона“... Что вообще въ братскія школы уже рано стала проникать „латинская прелесть“—въ видѣ не только латинскаго языка, но и другихъ латинскихъ наукъ, косвеннымъ свидѣтельствомъ этого являются нападки на латинскую науку со стороны Іоанна Вишенскаго, который писалъ въ Зачапкѣ: „Боячися, жебы есте дѣти своя хитростію и ересью латинскою не отравили и не поморили, залецаю вамъ православнымъ правовѣрную школу, и пораду даю, чого ся учити имѣютъ, чтобы дѣти ваши спасли, и по васъ благочестіе задержали и христіанство своей вѣры не стратили. Во первыхъ ключъ, или грецкую или словенскую грамматику да учатъ. По граматицѣ же, во мѣсто л ж и в о е д і а л е к т и к и (зъ бѣлаго въ черное, а изъ чернаго въ бѣло перетворяти учащее), тогда бо учатъ богомолебного и праведнословнаго Часословца; во мѣсто х и т р о р ѣ ч н ы х ъ с и л л о г и з м ъ и в е л е р ѣ ч и в о е р и т о р и к и, тогда учатъ богоугодно молебный Псалтырь; во мѣсто ф и л о с о ф і и, надворнѣе и по воздуху мысль разумную скитатися зиждущее, тогда учатъ плачивый и смиренно-мудривый Охтаикъ, а по нашему церковнаго благочестія догматы, Осмогласникъ: таже конечное и богоугодное предспѣяніе въ разумѣ дѣльное богословіе; тог-

да учать святую евангельскую проповѣдь, съ толкованіемъ простымъ, а не хитрымъ, не слухи (рѣчь упремудривши токхо) чесати словомъ проповѣднымъ, але силу св. Духа влагати въ слышащихъ сердца“...

Вообще курсъ преподаванія въ братскихъ школахъ былъ, какъ видимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, довольно обширнымъ. Во многихъ изъ школъ препоподавались: ариѳметика, грамматика, поэзія, риторика, діалектика, а иногда— и „другія части“ философіи. Въ 1590 году кіевскій митр. Михаилъ въ своей „клятвенной грамотѣ“ на львовскихъ мѣщанъ Рудька и Билдагая, отлучая ихъ отъ церкви, писалъ: „Маемъ того вѣдомость, ижъ вы соединившися зъ епископомъ львоскимъ, тамошнему братству львовскому храму Пречистыа Богоматере поваднился на нихъ самыхъ и на школьное ихъ ученіе, будучи противни непомалу книгамъ святымъ распространенію и слова Божого пропов ѣди священническаго ученья, и много стропотныхъ словъ съ козногласіемъ отъ хульнаго наученія въ единомысліи злѣ ревнуюющи, и глаголющи на братство тамошнее всяко неправду, причитаючи имъ нѣшто въ несовершенной науцѣ пустошного и растлѣнного и малопотребного отъ нихъ ученія, запрещаючи своимъ злымъ наукомъ до нихъ приходити, граматыческаго, діалектическаго и риторическаго ученія и церковного согласія научитися, многимъ людемъ до ихъ соборне школы“... Въ нѣкоторыхъ „высшихъ“ школахъ курсъ преподаванія повидимому расширялся даже до полнаго объема такъ назыв. семи „свободныхъ паукъ“; королевская грамота 1592 года даетъ львовскому братству „pro tractandis liberis artibus [подъ семьею „свободными науками“ разумѣлись: грамматика, логика, риторика, географія. ариѳметика, астрономія, музыка]. Но вообще главнымъ образомъ вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. Писанія, изученіе твореній отцовъ церкви, церковнаго устава, чтеніе и пѣніе. Главной цѣлью этихъ школъ было низшее, первоначальное образованіе. Правда, братства

повидимому, употребляли всѣ силы на то, чтобы расширить и поднять уровень преподаванія въ своихъ школахъ, но часто встрѣчали непреодолимое препятствіе къ этому въ крайнемъ недостаткѣ способныхъ православныхъ учителей... Уже въ 1592 г. кн. Острожскій, въ письмѣ къ львовскому братству, жалуется на скудость въ своей школѣ учителей и на великій вслѣдствіе этого „научный голодъ"... „Всѣ ваши попытки поднять просвѣщеніе не удаются",—писалъ, обращаясь къ православнымъ, М. Смотрицкій, послѣ своего перехода въ унію. Плохи были ваши школы прежде, а теперь стали еще хуже. Гдѣ училища острожское, львовское, брестское и другія? А виленское? Много было потрачено на него кошту [издержекъ], а пользы мало; вотъ уже сколько лѣтъ изъ него, какъ изъ камня,—ни огня, ни воды... Дѣти въ вашихъ школахъ только и получаютъ тотъ прибытокъ, что изъ телятъ становятся волами"... Любопытныя данныя для характеристики братскихъ школъ 20-хъ гг. XVII ст. представляетъ *посланіе* къ львовскимъ братчикамъ александрійскаго патр. Кирилла Лукариса...—Позже, во второй половинѣ XVII в., въ православныя бартскія школы переходитъ обычай польскихъ и мѣстныхъ іезуитскихъ училищъустраивать въ школѣ, при участіи самихъ учениковъ, театральныя представленія духовнаго содержанія, мистеріи и діалоги;такъ, въ 1689 году въ львовской школѣ было дано такое представленіе, „съ великою пышностью, при многочисленномъ стеченіи зрителей"....

Но каково бы ни было устройство этихъ школъ, каковъ бы ни былъ уровень преподаванія въ нихъ, изъ сохранившихся отрывочныхъ указаній мы можемъ замѣтить, что уровень этотъ въ общемъ былъ далеко не ничтожнымъ; братскія школы имѣли огромное значеніе для края. Довольно того, что эти школы были первыми школами для западно-русскаго православнаго населенія, первыми разсадниками среди него образованія. Другимъ весьма важнымъ достоинствомъ западно-русскихъ братскихъ школъ была ихъ общесословность,—доступъ въ нихъ былъ сво-

бодно открытъ для всѣхъ сословій, духовныхъ и свѣтскихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, даже нищихъ. До насъ сохранились „списки“ учениковъ нѣкоторыхъ школъ, съ указаніемъ званій каждаго изъ нихъ; въ одномъ изъ такихъ списковъ [львовскаго братства, 1588 года], напримѣръ, значится: „Катерина вдова дала [въ ученье] сына ея Юлка—н и щ і й.... „Богатые предъ убогими—говорилось въ школьныхъ уставахъ—ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою. Ибо всѣ мы братія о Христѣ, всѣ мы члены одной главы, Христа, и ни одинъ членъ, напр. глазъ рукѣ и рука ногѣ не можетъ сказать: «Ты мнѣ не нужна“.... Возставая противъ сословной заносчивости, Іоаннъ Вишенскій писалъ, обращаясь къ людямъ, съвысока относившимся къ горожанамъ и крестьянамъ: „Пытаю тебя, ругателя имени, чимъ ты лѣпшій отъ холопа? Албо ты не таяжъ матерія, глина и персть, ознай ми? албо ты ни тое тѣло и кровь? албо ты не тая жь желчь, харкотина, слина и тлѣніе? или ты отъ каменя утесанъ и не маешь кишокъ и слюзу холопскаго? ознай ми... А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или наветь и золотый, только такій же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ же ты ея лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ? Явно, ничимъ другимъ, только хулою и величаніемъ гордости предъ человѣки, а предъ всевидящимъ Окомъ окаяннѣйшій и всѣхъ тварей безчестнѣйшій еси“...

Вмѣстѣ съ школами въ предѣлахъ юго-западной Руси къ концу XVI в. разростается и книгопечатаніе. Типографіи быстро возникаютъ одна за другой. Печатаніе славянскихъ книгъ началось еще съ конца XV в., и заграницей. Въ 1490—1491 годахъ, въ Краковѣ, нѣкто Ш в а й п о л т ъ Ф ѣ о л ь, „мѣщанинъ краковскій, изъ нѣмець, нѣмецкого рода», напечаталъ первыя славянскія книги: *Осмогласникъ* (Октоихъ), *Часословецъ*, *Псалтирь съ возслѣдованіемъ*, *Тріодь Постную* и *Тріодь Цвѣтную*. Въ 1493—1512 гг. нѣсколько богослужебныхъ славянскихъ книгъ было издано въ Венеціи, Цетиньѣ, Угровлахіи. Въ 1517—1519 гг., въ Прагѣ, нѣкто Ф р а н ц и с к ъ С к о р и н а,

„докторъ врачебныхъ наукъ, зъ Полоцка,“ предпринялъ изданіе всей *Библіи* на „русскомъ“ языкѣ,—держась отчасти латинской Бібліи Вульгаты, отчасти Библій чешской и греческой. Изданіе выходило отдѣльными выпусками, которыхъ вышло 22. Въ 1517 г. имъ же, въ Прагѣ, издана была *Псалтирь*. Въ 1525 г Скорина перенесъ свою типографію въ Вильну и напечаталъ здѣсь *Апостолъ* и *Малую подорожную книжицу*; въ послѣднюю вошли: Псалтирь, Часословецъ, акаѳисты, каноны, Шестодневецъ, Святцы краткіе и пасхалія. Типографія Скорины была первою типографіей въ литовской Руси. Мѣстныя западно-русскія типографіи начинають возникать съ половины XVI в. Такъ, въ 1562 г. мы видимъ типографію въ Несвижѣ [мѣстечко слуцк. уѣзда, минск. губ.], гдѣ были напечатаны *Катихизисъ* и *Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ* Симона Буднаго, въ литовско-русскомъ переводѣ Въ 1569 году открыта типографія въ Заблудовѣ [мѣстечко въ бѣлостокск. уѣздѣ, гродненн. губ.], въ имѣньѣ гетм. Г. А. Ходкевича, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ Москвы, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ, первые русскіе книгопечатники; на средства Ходкевича они издали здѣсь въ 1568—1569 гг. *Учительное Евангеліе*. Съ 1574 г. открывается типографія во Львовѣ и скоро переходитъ въ вѣдѣніе братства. Въ 1575 г. заводится новая топографія, въ Вильнѣ. Въ 1580 г. кн. К К. Острожскій открываетъ на свои средства типографію въ Острогѣ, нѣсколько позднѣе—въ Дермани. Ок. того-же времени возникаетъ типографія нѣкоего Тяпинскаго, и т. д. Въ первыхъ годахъ XVII в. мы видимъ дѣйствующими въ юго-западной Руси уже цѣлый рядъ типографій—въ Эвю, Крилосѣ, Стрятинѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, Почаевѣ, Рахмановѣ, Луцкѣ, Кутеинѣ.... [Впрочемъ, многіе изъ возникшихъ типографіи были кочевыми: типографы ѣздили по знатнымъ панамъ, печатали въ ихъ маетностяхъ и, перемѣняя выходные и посвятительные листы, подносили одну и ту же книгу разнымъ патронамъ. Противъ этихъ кочевыхъ типогра-

фовъ особенно вооружался Петръ Могила]. Богатые монастыри, какъ кутеинскій, оршанскій, уневскій, черниговскій, елицкій и др., старались заводить у себя собственныя типографіи. Рядомъ съ печатаніемъ, продолжалась и прежняя переписка книгъ, уже напечатанныхъ: такъ издатель „Псалтыри“, напечатанной въ Вильнѣ въ 1575 году, прося снисхожденія къ своему труду, замѣчаетъ: „Хотящіи же преписовати или прочитати книгу сію“...

Нѣсколькими годами позднѣе, какъ существенное дополненіе къ возникавшимъ повсюду братскимъ школамъ, а также и для ихъ дальнѣйшей поддержки и развитія,—въ 1631 году, въ Кіевѣ, „труды и тщаніемъ“ кіевск. митр. Петра Могилы, основывается „коллегія,“ или „академія,“ высшее училище для образованія православныхъ. Мы не будемъ останавливаться на исторіи возникновенія Кіевской академіи; мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ сохранившихся свидѣтельствъ, дающихъ понятіе о томъ характерѣ и объемѣ преподаванія наукъ, какіе введены были въ новооснованной школѣ уже на самыхъ первыхъ порахъ: этихъ данныхъ, думаемъ, будетъ достаточно, чтобы видѣть, какъ значительно отличалась основанная Могилою коллегія—и кругомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ и самымъ характеромъ и методомъ преподаванія—отъ прежнихъ братскихъ школъ. Особенно важной въ этомъ отношеніи является небольшая книжка, изданная въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1632 г. подъ заглавіемъ *Евхаристиріонъ албо вдячность* и пр.,—поднесенная къ пасхѣ этого года Петру Могилѣ „спудеями“ основанной имъ школы. Книжка представляетъ собою рядъ привѣтствій митрополиту. Петра Могилу привѣтствуетъ Геликонъ,—„садъ умѣетности первый, осмъ кореній вызволеныхъ наукъ въ собѣ маючій, презъ пречестнѣйшого его милости господина отца киръ Петра Могилу въ Россіи новофундованый“, и Парнасъ—„садъ умѣетности второй“, который „стараньемъ и коштомъ ясне превелебнѣйшого

въ Христѣ его мил. госп. о. к. Петра Могилы архим. кіевскаго, воеводича земль Молдавскихъ, подъ часъ весны особливое кународови Россійскому ласки Божеи, десять лѣторослій наукъ вызволенныхъ южъ зъ себе выпущаетъ". Изъ „вызволеныхъ наукъ" первой привѣтствуетъ „грамматика" [„учитъ словъ и мовы"], за нею „реторика" [„учитъ словъ и вымовы"], далѣе „діалектика" [„учитъ разумного въ рѣчахъ познаваня"], „ариѳметика" [„учитъ личбы"], „музика" [„учитъ спѣваня"], „геометріа" [„учитъ землѣ размѣреня"], „астрономіа" [„учитъ бѣговъ небесныхъ"]—наконецъ, „корень и верхъ всѣхъ наукъ и умѣетностей, ѳеологіа" [„учитъ бозскихъ речій"]. Всѣ эти науки, въ лицѣ „спудеовъ", каждая отдѣльно, првѣтствуютъ Петра Могилу. Очевидно, всѣ они уже преподавались въ заведенной коллегіѣ... Въ концѣ августа 1633 года, Исаія Трофимовичъ Козловскій, ректоръ новой коллегіи [переведенной передъ этимъ изъ Кіевопечерской Лавры въ Кіевъ и соединенной съ существовавшимъ тамъ братскимъ училищемъ], въ одномъ письмѣ къ митрополичьему намѣстнику сообщаетъ: „Мы першего сентеврія зачинаемъ по старому: я курсъ философіи, отецъ Коссовъ реторики...; отецъ Пацевскій поетику...; и прочіи усвоихъ школахъ"...—Основанная Академія такимъ образомъ значительно расширяла дотолѣ извѣстный въ братскихъ школахъ кругъ наукъ. Имѣя своими профессорами людей съ западно-европейскимъ образованіемъ, академія развивала, и въ обществѣ и въ литературѣ, серьезное научное направленіе, знакомила общество съ западною наукою, западнымъ методомъ изученія, западными идеями... Нельзя впрочемъ, къ сожалѣнію, не прибавить, то все это вносилось въ той мертвой, схоластической формѣ, которая господствовала въ то время на западѣ. Упомянутая сейчасъ книжка „Евхаристиріонъ" съ этой стороны получаетъ особое значеніе: ея содержаніе, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Голубевъ, „служитъ краснорѣчивымъ доказа-

тельствомъ того, что тотъ внѣшній блескъ схоластической науки, тѣ риторическія фразы и „хитрорѣчіе", которыя были присущи западно-европейскимъ, въ особенности іезуитскимъ коллегіямъ,—сразу же пустили глубокіе корни и въ могилянскомъ гимназіумѣ"...

Дѣятельность западно-русскихъ православныхъ братствъ не была единичной, изолированной; напротивъ, она какъ нельзя лучше отвѣчала религіозному возбужденію края во всемъ обществѣ.

Дѣятельность православныхъ братствъ отчасти предшествуется, отчасти сопровождается дѣятельностью совершенно отдѣльныхъ, частныхъ лицъ, которыя или тѣсно примыкаютъ къ братствамъ, находятся съ послѣдними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, предшествуя своими трудами развитію ихъ дѣятельности... Главными изъ такихъ лицъ были: кн. А. М. Курбскій, кн. К. К. Острожскій,—вмѣстѣ съ ихъ предшественникомъ, „докторомъ лѣкарскихъ наукъ", Францыскомъ Скориною „съ Полоцка"; изъ духовенства: Гедеонъ Балабанъ Елисей Плетенецкій, Петръ Могила... Не говоримъ о другихъ лицахъ, сочувствовавшихъ и содѣйствовавшихъ борьбѣ—о лицахъ, которыя напр. давали средства на изданіе православныхъ книгъ, на заведеніе школъ и т. п. Іовъ Борецкій въ своемъ *Совѣтованіи о благочестіи*, въ 1621 г., убѣждаетъ современное православное духовенство „возбуждать и приготовлять ко святому мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и сердца народа..., писать и печатать въ защиту благочестія книги... Въ церквахъ, каждый воскресный и праздничный день должна быть проповѣдь..; заводить по городамъ школы..." Гетманъ Сагайдачный († 1622) въ *духовномъ завѣщаніи* отказываетъ львовскому братству 1500 злотыхъ— „на школу братства, на

науку и на цвиченье бакаларовъ учоныхъ, на выхованье учонаго майстра, въ греческомъ языку бѣглого, церкви Божой и дѣткамъ христіанскимъ народу россійскаго потребнаго"... Весьма характерной личностью близкаго къ этому времени является Афанасій Филипповичъ († 1648), въ которой мы видимъ какъ бы „совокупность всѣхъ наиболѣе крупныхъ чертъ, опредѣляющихъ весьма точно настроеніе сторонниковъ православной вѣры въ первой половинѣ XVII столѣтія"... Частныя, единичныя мѣры не удовлетворяютъ Филипповича; его идеалъ, цѣль всей его жизни—„грунтовное" успокоеніе православія во всѣхъ польскихъ владѣніяхъ, и полное, окончательное уничтоженіе уніи. Филипповичъ былъ по своему человѣкъ очень образованный. Многочисленныя, уцѣлѣвшія до нашего времени, его разсужденія, суплики и меморіалы объ уніи, о бѣдственномъ состояніи православной церкви, о неустройствахъ въ церкви римской и т. п., свидѣтельствуютъ. о томъ, что онъ хорошо зналъ польскій, латинскій и греческій языки, обладалъ громадной начитанностью въ литературѣ. Не говоримъ также о цѣлыхъ монастыряхъ, иноки которыхъ принимали нерѣдко также посильное участіе въ общемъ умственномъ движеніи. Во главѣ западно-русскихъ православныхъ монастырей стояла въ это время Кіево-печерская Лавра, остававшаяся до самаго конца XV в.. въ сильномъ запустеніи, но къ концу XVI в. сдѣлавшаяся самой богатой обителью въ юго-западной Руси. Съ этого-же времени Лавра примыкаетъ и къ общему, возникшему въ странѣ, религіозному движенію. Ея архимандриты, какъ Никифоръ Туръ [1593—1599], Елисей Плетенецкій [1599—1624], Захарій Копыстенскій [1624—1627], подготовили въ ней своею просвѣтительною дѣятельностью почву для дѣятельности Петра Могилы [1647—1649]. Елисей Плетенецкій собралъ около себя цѣлое общество ученыхъ иноковъ: въ концѣ XVI—нач. XVII вв., мы видимъ въ Кіево-печерской Лаврѣ завѣдующими изданіями монастыря—Захарія Копыстенскаго,

Памву Берынду, Стефана Берынду, Тарасія Левонича Земку, Лаврентія Зизанія Тустановскаго, Іосифа Кириловича, Гавріила Дороѳеевича, Филоѳея Кизаревича, Александра Митуру, Тимоѳея Александровича Вербицкаго и мкр. др. Почти всѣ эти лица, по словамъ Копыстенскаго, „были згромажены на святое мѣсце“ [въ Кіево-печерскую Лавру] Елисѣемъ Плетенецкимъ: имъ „на этомъ мѣсцѣ держаны и якъ духовнымъ такъ въ изобиліи и тѣлеснымъ выхованемъ пѣстованы и загрѣваны“... Иногда эти лица, какъ напр. Гедеонъ Балабанъ, временно находились, въ силу особыхъ, личныхъ причинъ, во враждебныхъ отношеніяхъ къ братствамъ, — но это было исключеніемъ; вообще же дѣятельность названныхъ лицъ вездѣ и всюду направлялась къ той-же одной цѣли, которую имѣли у себя и братства—къ поднятію просвѣщенія въ средѣ православныхъ, къ борьбѣ съ разными антиправославными мнѣніями, въ обиліи распространявшимися въ краѣ, и особенно—къ борьбѣ съ католической прапагандой, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Труды этихъ дѣятелей, труды отрывочные, случайные, тѣсно примыкая, по своему характеру и по своимъ цѣлямъ, къ болѣе широкой дѣятельности братствъ, имѣли въ высшей степени благотворное значеніе—въ смыслѣ еще бо́льшаго усиленія этой дѣятельности, въ смыслѣ поддержки и развитія общаго, возникшаго въ странѣ, умственно-религіознаго движенія.

Особенно важными въ этомъ отношеніи были, какъ наиболѣе ранніе, труды Франциска Скорины, кн. А. М. Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго.

Біографическія свѣдѣнія о Францискѣ Скоринѣ—вообще очень скудны. Ни годъ рожденія его, ни годъ смерти неизвѣстны. „Не извѣстно въ точностью и мѣсто его окончательнаго образованія, а равно и самое его вѣроисповѣданіе... На основаніи нѣкоторыхъ соображеній

проф. Владимировъ высказываетъ предположеніе, что „въ 1517 году, когда онъ издалъ свою первую книгу въ Прагѣ, ему было не менѣе 27 лѣтъ“... Послѣднее извѣстіе о Скоринѣ съ годомъ относится къ 1535 году. Во всякомъ случаѣ,—„нельзя сомнѣваться въ томъ, замѣчаетъ изслѣдователь, что по происхожденію онъ былъ русскій и родился въ Полоцкѣ. На свое русское происхожденій Скорина всякій разъ указываетъ въ своихъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ: „доктора Франциска Скорины съ Полоцька“...; „въ лѣкарскыхъ наукахъ доктора, Франциска Скоринина сына, съ Полоцка“...; „ученаго мужа Ф. Скорины изъ славнаго града Полоцка, въ наукахъ и въ лѣкарствѣ учителя“..; „выкладомъ ученаго мужа, въ лѣкарскихъ наукахъ доктора, Франциска Скорина сына, изъ славнаго града Полоцка“ и т. д. Въ концѣ предисловія къ Псалтыри онъ замѣчаетъ, что издаетъ свою книгу—„къ пожитку посполитого доброго, наиболѣй съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ“... Францискъ Скорина принадлежалъ къ богатой купеческой фамиліи въ Полоцкѣ,—въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ и старинныхъ городовъ юго-западной Руси; около 1525 года „докторъ“ Францискъ Скорина становится постояннымъ жителемъ Вильны,—имѣетъ здѣсь свою типографію... Къ этому времени, даже за нѣсколько лѣтъ раньше—уже окончился наиболѣе дѣятельный періодъ издательныхъ трудовъ Скорины, протекшій въ Прагѣ, въ Богеміи... Почему типографская дѣятельность Скорины перенесена была въ Вильну, почему прекратилась она въ Прагѣ, а потомъ скоро и въ Вильнѣ—изслѣдователи не даютъ отвѣта...

Замѣчательно, Курбскій относился съ неодобреніемъ къ изданіямъ Скорины, считалъ „переводъ Скорины Полоцкаго“ сдѣланнымъ „съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ“. Но мнѣніе это—лишь недоразумѣніе.... По вы-

водамъ позднѣйшаго изслѣдователя, переводъ библейскихъ книгъ Скорины и его толкованія въ предисловіяхъ—„не имѣютъ никакого отношенія къ протестантскимъ переводамъ св. Писанія“; нельзя считать этотъ переводъ также и „выраженіемъ исключительно католическаго направленія“... Библія русская Скорины издана „для православныхъ читателей юго-западнаго Руси съ общей нравственно-просвѣтительной цѣлью,—дать читателямъ полную и понятную Библію“. Отсюда и свобода въ переводѣ Скорины...

Русское происхожденіе и православіе издателя лучше всего доказывается самымъ характеромъ его изданій; составъ и вѣроисповѣдный характеръ этихъ изданій — строго православный.

Нельзя не отмѣтить въ западно-русской литературѣ этого времени стремленія къ передачѣ книгъ св. Писанія на языкѣ мѣстномъ, народномъ. Насколько сильно было это стремленіе,—свидѣтельствуютъ такіе памятники, какъ *Пересопницкое Евангеліе*, южно-рускій переводъ *Пѣсни Пѣсней*, начатое печатаніемъ *Евангеліе* Тяпинскаго и др. п.

Это направленіе съ полной опредѣленностью сказывается и въ изданіяхъ Скорины: издавая церковно-славянскія книги, онъ выставляетъ на поляхъ противъ старо-славянскихъ, по его мнѣнію, „неразумныхъ (непонятныхъ) простымъ людемъ“—„рускія слова“, а въ своихъ исправленіяхъ и переводахъ вводитъ „рускій языкъ“, придерживаясь лишь отчасти нѣкоторыхъ старославянскихъ выраженій. Главная цѣль изданій Скорины—„наученіе простыхъ людей руского языка“... Именно эта цѣль указывается и въ упомянутыхъ сейчасъ западно-русскихъ памятникахъ XVI в., рукописныхъ и печатныхъ: *Пересопницкое Евангеліе* 1556 — 1561 гг. пишется „для лѣпшого выразумленя люду христіянскаго посполитого...“,—*Учительное Евангеліе* 1569 г. печатается „выразумѣнія ради простыхъ людей“, — *Евангеліе* Тяпинскаго „для лѣпшого разсудку“ и т. д. и т. д.

Въ концѣ „Подорожной Книжицы“ Фр. Скорины приложены „Светьци кроткіи“, имѣющи въ собѣ раздѣлены времена на нашу землю, колико которые дни въ году или нощи держать часовъ и дробныхъ, и яко година пребудеть которому дню или нощи, все написано есть... За „светцами“ слѣдуетъ „Пасхалія на многа лѣта, замыкаючи справу празниковъ“. Въ святцахъ, при названіяхъ мѣсяцевъ, приводятся и ихъ славянскія наименованія: „Мѣсець сентеврій зовемы вресень, октоврій рекомы листопадъ, ноемврій иже есть груден ь, декаврій еже есть проснинецъ, генуарь зовемы стычень, февраль рекомы люты, мартъ рекомы марецъ, апрѣль зовемы квѣтень, май по тому же май, іюнь рекомы чирвецъ, іюль рекомы липецъ, августъ рекомы серпень“....

Свою издательскую дѣятельность Скорина началъ съ Псалтыри, самой распространенной книги въ древней Руси. Изданная имъ въ Прагѣ, въ 1517 году, *Псалтырь* является прототипомъ громаднаго количества слѣдовавшихъ затѣмъ изданій так. наз. Учебной Псалтыри, издавна употреблявшейся въ древней Руси и одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ древне-русскихъ читателей. Изданіе начинается „предисловіемъ“, гдѣ издатель говоритъ объ особой важности и высокихъ достоинствахъ Псалтыри, сравнительно съ другими книгами Ветхаго Завѣта. Каждая изъ священныхъ книгъ, говоритъ авторъ, заключаетъ въ себѣ одно что-нибудь: Книги Закона, напр., научаютъ, какъ достигать вѣчной жизни, Притчи наставляютъ добрымъ обычаемъ...; „Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаеть, и всѣхъ тыхъ учить и все проповѣдуеть. Суть бо в ней псалмы, яко бы сокровище всихъ драгыхъ скарбовъ, всяки и немощи духовныи и тѣлесныи уздравляють, душу и смыслы освѣщають, гнѣвъ и ярость усмиряють, миръ и покой чинять, смутокъ и печаль отгоняють, чювствіе в молитвахъ дають, людей въ пріязнь зводять, ласку и милость укрѣпляють, бѣсы изгоня-

ють, ангелы на мощь призывають. Псаломъ есть щитъ противъ бѣсовскымъ нощнымъ мечтаніемъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и работамъ, защититель младыхъ и радость, старымъ потѣха и пѣсни, женамъ пабожьная молитва и покраса, дѣтемъ младымъ початокъ всякое доброе науки, дорослымъ помноженіе въ науцѣ, мужемъ моцное утверьженіе... И что есть, чего в псалмахъ не найдешь? Нѣсть ли тамъ величества божия и хвалы его; тамъ есть справедливость, тамъ есть чистота душевная и тѣлесная, тамъ есть наука всякое правды, тамъ мудрость и разумъ доскональый, тамъ есть милость и друголюбство безъ льсти.. Вси тыи речи, якобы у великомъ сокровищи, в сей малой Псалтыри найдешь. И видечи таковые пожитки въ такъ малой книзѣ, я Францишекъ Скорининъ сынъ съ Полоцька, въ лѣкарскыхъ наукахъ докторъ, повелѣлъ есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскымъ языкомъ...,—къ пожитку посполитого доброго, наиболѣи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ..." Въ концѣ предисловія, говоря о самомъ изданіи, Скорина замѣчаетъ: „Положилъ есми нѣкоторые на сторонвцахъ в сеи Псалтыри главы з разныхъ книгъ, а то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма згожаються съ Псалтырею, и одно на другое светчить. А то чтути въ тыхъ книгахъ, ихже суть главы на боцѣхъ пописаны, знайдете. Также положилъ есми на боцѣхъ нѣкоторыи слова для людей простыхъ, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть: онагри и геродеево жилище и хлябіе, и иные слова, которыи суть въ Псалтыри неразумныи простымъ людемъ,—найдуть е на боцѣхъ рускимъ языкомъ, что которое слово знаменуеть. Теже розделилъ есми вси псалмы на стихи по тому, яко ся в иныхъ языцѣхъ дѣлить"... Предисловіе это въ главномъ содержаніи заимствовано изъ извѣстнаго „Предисловія въ на-

чало псалмовъ Василія В.", очень нерѣдко помѣщавшагося въ началѣ славянскихъ списковъ Псалтыри; впрочемъ, отчасти „предисловіе" Скорины напоминаетъ собою и одно изъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, — посланіе къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ [см. Migne'я, Part. Curs. Compl., ser. gr., t. XXVII, col. 11—60]. Любопытны упоминаемыя здѣсь объясненія, дѣлаемыя на поляхъ, различныхъ словъ и выраженій текста, казавшихся непонятными для простыхъ читателей. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

въ текстѣ:	**на поляхъ:**
мескъ	„мулъ"...
хлябіи—	„продухъ"...
стакти—	„ладанъ"...
въскую непъщуете—	„что возъгледаете"...
вретище—	„власеница"...
потребятся—	„змажутся"...
еѳіоплене—	„муринове"...
непщевахъ—	„мнѣхъ"...
налецающе —	„накладающе"...
во истуканныхъ—	„в резаніяхъ"...
пажити—	„паствы"...
тимъпанъ—	„бубенъ"...
прозябоша—	„вознікоша"...
буии—	„дурнии"...
неясыти—	„пельликанови"...
въ дебрѣхъ—	„въ долинахъ"...
онагри —	„лоси"...
геродеево—	„соколово"...
скумни—	„львенята"...
утрънევати—	„предъ свитаніемъ воставати"...

на троскотъ —	„на быліе“...
нафөою —	„нефтию“ и т. п.

Относительно самого текста Псалтыри Викторовъ замѣчаетъ: „Изъ сравненія Скорининскаго изданія Псалтыри съ рукописными списками ея и печатными изданіями разныхъ эпохъ и мѣстностей—оказывается, что основаніемъ для разсматриваемаго изданія послужила рукопись не древней и не южно-славянской редакціи, а редакціи, вопервыхъ, русской, вовторыхъ, современной самому издателю... По сличенію текста Скорининой Псалтыри съ древне-славянскимъ текстомъ ея, мы пришли къ убѣжденію, продолжаетъ Викторовъ,—что Скорина для своего изданія Псалтыри взялъ именно этотъ текстъ и перепечаталъ его почти съ буквальною точностью, дозволивъ себѣ только самыя незначительныя исправленія“... Текстъ этого изданія всего ближе подходитъ „къ тексту Псалтыри, ка́къ онъ читается въ Геннадіевской Библіи 1499 г., и вообще въ русскихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ XVI в...“ Впрочемъ, „не рушаючи самое Псалтыри“,—издатель все же сдѣлалъ въ текстѣ нѣкоторыя измѣненія, поправки, состоящія или въ нѣкоторомъ измѣненіи правописанія и въ перемѣнѣ звуковъ, соотвѣтственно мѣстному выговору („тобѣ“ вм. тебѣ, „навчи“ вм. научи, и т. п.), или въ грамматическихъ формахъ, изрѣдка въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, наконецъ, во внесеніи нѣсколькихъ чисто русскихъ словъ и оборотовъ, которыми онъ замѣнялъ устарѣвшія славянскія формы. Поправки принадлежали отчасти лично самому издателю, отчасти сдѣланы по Вульгатѣ. То же самое относится и къ поясненіямъ на поляхъ.

Кромѣ *Псалтыри* 1517 г.,—изъ библейскихъ книгъ Скориною были изданы (перечисляемъ въ порядкѣ ихъ выхода): *Кн. Іова* (1517), *Притчи царя Соломона* (1517), *Кн. Іис. сына Сирахова* (1517), *Кн. Пѣснь Пѣсней* (1518), *Екклесіастъ царя Соломона* (1518), *Кн. премудрости Божіей* (1518),

Кн. Іис. Навина (1518), *Четыре книги Царствъ* (1518), *Кн. Бытія* (1518), *Исходъ* (1519), *Левитъ* (1519), *Числъ* (1519), *Второзаконіе* (1519), *Кн. Судей Израилевыхъ* (1519), *Кн. Руѳъ* (1519), *Кн. Іудиѳъ* (1519), *Кн. Есѳирь* (1519), *Плачъ пр. Іереміи* (1519), *Кн. пр. Даніила* (1519). Мѣстомъ изданія была Прага, въ Богеміи. Книги издавались „накладомъ (на средства) Богдана Онькова сына, радци (совѣтника) мѣста (города) Виленьского". Изданіе украшено многочисленными заставками и гравюрами. Въ началѣ каждой книги—предисловіе Фр. Скорины; въ концѣ—послѣсловіе, въ которомъ указывается имя трудившагося надъ переводомъ и время выхода книги изъ типографіи.... „Предисловія" составлены отчасти подъ ближайшимъ вліяніемъ твореній блаж. Іеронима,—по крайней мѣрѣ „светый Ерасимъ презвитеръ" не разъ упоминается въ нихъ Скориною. Въ *предисловіи къ кн. Левитъ* Скорина замѣчаетъ: „Пишеть св. Герасимъ учитель великій ко Амбросію во епистолѣ своей, в ней же воспоминаеть вси книги Ветхаго и Новаго Завѣта"...; въ *предисловіи на кн. Есѳирь* указывается на пользованіе его трудами: „Св. Еронимъ или Ерасимъ презвитеръ, онъ же былъ есть по воплощеніи Слова Божія лѣтъ четыреста, выложилъ на латинскій языкъ съ халдейскаго, еврейскаго и греческаго зуполне, чего во еврейскихъ книгахъ не пишеть, положилъ къ концу, не рушаючи ихъ особнѣ, и на главы раздѣлилъ. Азъ теже наслѣдуя мужа светого"... Въ *предисловіи на кн. Премудрости Соломона* Скорина ссылается прямо на „предмовку светого Ерасима въ сію книгу". Въ *предисловіи къ кн. пр. Даніила*, замѣчая, что „Іудеи не имаютъ зуполна книгъ Даніила"—Скорина продолжаетъ: „Ѳеодосій же учитель великій греческаго языка выложилъ с халдейскаго письма на греческое, и св. Еронимъ на латинское зуполне. А подле ихъ выкладу, не толико чтеть Данила пророка церковь Христова латинскимъ а греческимъ языкомъ,

по и сирскимъ и египетскимъ. Азъ теже недостойный послѣдовникъ ихъ, нароженый въ рускомъ языку, съ помощію Божіею, яко повиненъ сый размножати хвалу Христову и посполитое доброе, межи иными пророки светыми, выложихъ и Данила... на рускій языкъ зуполне"...

Предисловія Скорины весьма любопытны, особенно самое обширное изъ нихъ, приложенное при кн. Бытія— *Предсловіе доктора Франциска Скорины съ Полоцька во всю Библію рускаго языка.* Авторъ указываетъ великую общеобразовательную важность Библіи и дѣлаетъ обозрѣніе всѣхъ ея книгъ. „Библіа греческимъ языкомъ, по руски сказуется книги.. Можете тымъ именемъ называти вси книги Ветхаго и Новаго Закону для достойности его, понеже Библія зуполная все то въ собѣ замыкаеть... Добре Григорей Великій учитель вселенскій о сей книзѣ пишетъ, глаголя: Святое писмо всѣ иные науки превышаеть, понеже еда бываеть чтено, подъ простыми словы замыкаеть тайну. И тако младенцемъ и людемъ простымъ есть наука, учителемъ же и людемъ мудрымъ подивленіе. Яко рѣка дивная мелка, по ней же агнецъ брести можеть, а глубока слонъ убо пливати мусить. Въ сей книзѣ всее прироженое мудрости зачало и конець. Богъ вседержитель познаванъ бываеть. Въ сей книзѣ вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. Въ сей книзѣ вси лѣкарства душевные и тѣлесные зуполне знайдете. Ту навченіе философіи добронравное, яко любити Бога для самого себе, и ближнего для Бога имамы. Ту справа всякого собранія людского и всякого града, еже вѣрою соединеніемъ ласки и згодою посполитое доброе помножено бываеть. Ту наученіе седми наукъ вызволеныхъ достаточное. Хощеши ли умѣти граматику или по руски говорячи грамоту, еже добре чести и мовити учить,—знайдеши въ зуполной Библіи *Псалтыру*, чти ее. Пак ли ти ся любить разумѣти лоику, она же учить з доводом розознати правду

отъ кривды,—чти *книгу светого Іова*, или *посланія св. ап. Павла*. Аще ли же помыслиши умѣти риторику, еже есть красномовность,—чти *книги Соломоновы*, а то суть три науки словесные. Восхощеш ли пакъ учитися музыки, то есть пѣвници,—премножество стиховъ и пѣсней светыхъ по всей книзѣ сей знайдеши. Любо ли ти есть умѣти аритметику, еже во кратцѣ а не омылне считати учить,—*четвертыи книги Моисеевы* часто чти. Пак ли же имаши предъ очима науку геометрію, еже по руски сказуется землемѣреніе,—чти *книги Іис. Навина*. Естъ ли астрономіи или звѣздочети,—найдешъ на початку книги сее о сотвореніи солнеца и мѣсеца и звѣздъ. Найдешъ во *Ісусѣ Наувинѣ*, яко стояло солнеце на единомъ мѣстѣ за цѣлый день. Знайдешъ во *книгахъ Царствъ*, иже солнеце воспять поступило неколико ступневъ. Знайдешъ во св. *Евангеліи* о новосотвореной звѣздѣ часу нароженія нашего Спасителя Іис. Христа. Болѣе во истинну чудиться превеликой Божіей моци мусимъ, нежели учитися. А то суть седмъ наукъ вызволеныхъ. Аще ли же кохапіе имаши вѣдати о военыхъ а о богатырскихъ дѣлѣхъ—чти *книги Судей*, или *книги Махавеевъ*. Болѣе и справедливѣе в нихъ знайдешъ, нежели во Александріи, или во Трои. Пакъ ли же во кратцѣ свѣдати хощеши многотысещей лѣтъ лѣтописецъ,—чти *книги Паралипомена*. Тамъ почеьши отъ Адама даже до Седехіи остапочного царя Іудина роды положены суть. Потребуеши ли науки и мудрости добрыхъ нравовъ, часто прочитай *Книги Іисуса Сирахова* а *Притчи Соломоновы*. Надовсе надъто мы, христіане, вѣдаючи всѣ науки быти минущіе потребуемъ речи вѣчное душного спасенія,—чтимы жъ уставичне *св. Евангеліе*, а чтучи е наслѣдуимы дѣлы нашего избавителя Іис. Христа, а тако съ помощію Его внидемъ въ животъ вѣчный"... Авторъ переходитъ далѣе къ обозрѣнію книгъ Библіи, и кратко указываетъ содержаніе каждой изъ нихъ. Въ *кн. Бытія*—„пишеть о сотвореніи свѣта, о началѣ людского поколѣнія, о розделеніи

языковъ и земли, и о родѣ еврейскомъ и внитіи ихъ до Египту“...; въ книгѣ *Исходъ* „написаны о нароженіи Моисеевѣ, о десети язвахъ фараоновыхъ..., о выштіи изъ Египта сыновъ Израилевыхъ... Книга *Судей*.... мужей пресилныхъ и богатыревъ смѣлость выписуеть... Книжка *Товиѳъ* науку отцемъ яко имають учити сыны своя кажеть. Паки книжка *Юдиѳи* вдовици она же, для высвобоженія отчизны, взоръ на собѣ мужем даючи, нелютовала естъ живота своего... По *Псалтири* кладутся трое книжки Соломоновы *Притчи*, *Еклезіастъ* и *Пѣсни Пѣснемъ*: въ первыхъ науку младенцемъ, во вторыхъ мужемъ, во третихъ старымъ выписуеть. За тыми суть *книги Іисуса сына Сирахова*, рекомые *Церковникъ*, всю науку о добрыхъ нравѣхъ въ собѣ замыкающе“... и т. д.

Что касается самаго текста изданныхъ книгъ,—въ этомъ отношеніи послѣднія представляютъ, замѣчалъ Викторовъ, „новый, принадлежащій ему (Скоринѣ) переводъ, сдѣланный съ Вульгаты, при чемъ, по крайней мѣрѣ въ переводѣ нѣкоторыхъ книгъ, издатель пользовался вмѣстѣ и текстомъ греческимъ, а также, можетъ, и переводомъ древне-славянскимъ, или скорѣе чешскимъ... Поправки, сдѣланныя издателемъ въ текстѣ *Апостола*, сдѣланы имъ большею частью по Вульгатѣ,—но не по ней одной: встрѣчаются мѣста, которыя Скориною или исправлены или оставлены въ прежнемъ переводѣ по греческому тексту“... Съ внутренней стороны, изданіе Апостола совершенно примѣнено къ богослуженію православной, а не католической церкви,—имѣетъ тотъ же самый видъ и составъ, какіе видимъ въ обыкновенныхъ славяно-русскихъ рукописныхъ и печатныхъ „Апостолахъ“. Таковъ же характеръ и *Малой подорожной книжицы* (Слѣдов. Псалтыри). Текстъ свящ. книгъ, помѣщенный въ этихъ изданіяхъ, представляетъ собою „переводъ древне-славянскій, который издателемъ, въ большей или меньшей степени, только поправленъ“... Къ тѣмъ же приблизительно вы-

водамъ приходитъ и позднѣйшій изслѣдователь, проф. Владимировъ. По его изысканіямъ, переводъ Скорины совершенъ на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: Чешской Библіи 1506 года и церковнославянскихъ текстовъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта"... Переводъ Скорины съ чешскаго текста, по мнѣнію изслѣдователя, напоминаетъ „подобные же западно-русскіе переводы повѣстей и легендъ съ чешскихъ и польскихъ текстовъ, съ удержаніемъ изъ послѣднихъ множества родственныхъ словъ и выраженій, облегчавшихъ трудъ переводчика".... Церковнославянскіе тексты служили для Скорины какъ словари, для набора словъ,—но иногда Скорина выписывалъ изъ нихъ цѣлыя главы и стихи, измѣняя ихъ на столько же, на сколько измѣнялъ цѣлыя церковно-славянскія книги, какъ Псалтырь...

Будучи русскимъ и православнымъ, Скорина и изданія свои предназначалъ для русскихъ и православныхъ западнаго края,—о чемъ онъ прямо заявляетъ въ „предисловіяхъ" къ своимъ изданіямъ, являясь въ этомъ отношеніи „предшественникомъ князей Острожскихъ, братьевъ Мамоничей, кн. Курбскаго и другихъ ревнителей, подвизавшихся въ XVI в. въ Западной Россіи за православіе противъ усилій реформаціи и римской пропаганды"...

Происходя изъ древне русскаго княжескаго рода, кн. А. М. Курбскій (фамилія—отъ села Курба, стоящаго на рѣкѣ Курбицѣ, яросл. уѣзда) родился въ 1528 году. Первые годы его жизни неизвѣстны; имя его въ первый разъ встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1549 г.; въ этомъ году Курбскій сопровождалъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ походъ подъ Казань. Въ слѣдующемъ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Пронскъ, гдѣ долженъ былъ ожидать нападенія крымскихъ татаръ. Въ 1552 году Курбскій участвуетъ во второмъ походѣ подъ Казань, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ войска, и получилъ здѣсь тяжелыя раны.

Въ открывшихся потомъ войнахъ Россіи съ Ливоніей и Крымомъ (въ 1556—1563 гг.) Курбскій съ большимъ успѣхомъ командовалъ войсками и не разъ былъ щедро награждаемъ царемъ; подъ конецъ онъ былъ назначенъ воеводою въ Юрьевъ Ливонскій (Дерптъ),—и на этомъ кончается его дѣятельность въ московскихъ предѣлахъ. Въ 1563—1564 г. Курбскій бѣжалъ отъ Грознаго въ Литву и вступилъ въ подданство польскому королю. Въ одной рукописи Московскаго Архива бѣгство Курбскаго описано такъ: „Въ тѣ же лѣта (1563—1564) во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ быша воеводы кн. Андрей Михайловичъ Курбскій да зять его кн. Ѳед. Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождался присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія своя службы и ожесточися. Рече же супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хощеши: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же къ нему рече: яко не точію тя мертва видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь-же Андрей прослезися, и цѣлова ю и сына своего девятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе; ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именемъ Васька, по реклу же Шибановъ, приготови князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отъѣхаша и въ Литву пріидоша. Оттуда же князь Андрей посла того же своего вѣрнаго раба къ великому государю царю съ досадительнымъ своимъ *писаніемъ* изъ Литвы“... Бѣгство не было случайнымъ; Курбскій уже давно велъ переговоры и дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно. Причины, побудившія его на такой шагъ, онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ отъ короля грамоту на Ковельскую волость,—одно изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ королевскихъ имѣній, и на староство Кревское. Но предварительно Курбскій долженъ былъ участвовать въ

походѣ поляковъ на Россію и сражаться противъ родины подъ стѣнами Полоцка; только по возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій былъ введенъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Впрочемъ, имѣнія эти причинили много хлопотъ Курбскому. Очень скоро у него начались непріятныя столкновенія и судебныя тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, смотрѣвшими вообще крайне недружелюбно на московскаго пришельца. Почти одновременно возникаютъ у Курбскаго и семейныя непріятности. Жена, оставленная имъ въ Юрьевѣ, скоро умерла, и Курбскій въ 1571 году вступилъ во второй бракъ съ Маріею Юрьевной, урожденною княжной Голшанской, бывшею до этого времени уже за двумя мужами, и отъ перваго замужества имѣвшею дѣтей. Марія Голшанская, оставшись вдовою, владѣла большими помѣстьями; независимо отъ этого, вступая съ нею въ бракъ, Курбскій вѣроятно имѣлъ въ виду также породниться со многими литовскими фамиліями, находившимися въ родствѣ съ богатой и знатной княгиней. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Марія Голшанская, выйдя за Курбскаго и тотчасъ же записавъ на него почти всѣ свои владѣнія, послѣднимъ поступкомъ возстановила противъ него всю свою родню. Почти вслѣдъ за бракомъ начинается открытая и непримиримая вражда къ Курбскому дѣтей Маріи Голшанской отъ перваго замужества (Монтолтовъ) и родственниковъ ея втораго мужа (Козинскаго). Возбуждаемая родней, скоро и сама княгиня раскаялась въ своемъ великодушномъ поступкѣ. Къ тому-же она сильно разочаровалась въ своемъ мужѣ; ни характеромъ своимъ, ни привычками, ни своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ польско-литовскомъ обществѣ Курбскій не могъ нравиться молодой заносчивой княгинѣ. Онъ не могъ сродниться съ враждебной къ нему и вольнодумной шляхтой, тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ .. Не находя

ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій погрузился въ чтеніе св. Писанія и въ науки, сталъ изучать произведенія Аристотеля, началъ на старости лѣтъ учиться латинскому языку и ревностно переводить съ латинскаго на славянскій языкъ творенія отцовъ церкви. Онъ образовалъ около себя кружокъ, хотя весьма не большой,—который поддерживалъ его и помогалъ ему въ его ученыхъ трудахъ. О своихъ „помощникахъ“ Курбскій упоминаетъ самъ въ „Сказаніяхъ“. Однимъ изъ такихъ помощниковъ былъ между прочимъ его родственникъ, молодой кн. Михаилъ Оболенскій, котораго Курбскій, не смотря на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, убѣдилъ провести нѣсколько лѣтъ вдали отъ семьи, въ Краковѣ и Италіи, для изученія высшихъ наукъ. Такимъ же помощникомъ былъ нѣкто юноша Амвросій,—„зѣло въ писаніяхъ искусный и верхъ философіи внѣшнія достигшій“; у него учился „внѣшнимъ“ наукамъ и самъ Курбскій. Но вообще помощниковъ у Курбскаго было не много, хотя онъ старался всячески отыскивать ихъ, „набываючи ихъ къ таковому дѣлу“... Ученый образъ жизни мужа долженъ былъ скоро наскучить Марьѣ Юрьевнѣ. Подстрекаемая родней, она рѣшилась бросить мужа и отнять записанныя на него свои имѣнія; она выкрала у мужа на нихъ документы и начала тяжбу. Тяжба кончилась разводомъ Курбскаго съ женой, въ 1578 году. Весной слѣдующаго года Курбскій женился на дѣвицѣ А. П. Сѣмашковной, происходившей изъ небогатой шляхетской фамиліи, и послѣдніе годы жизни пользовался, кажется, семейнымъ счастіемъ. Съ 1571 по 1578 г., занятый семейными и другими непріятностями, Курбскій мало принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ; теперь, послѣ новаго брака, онъ отправляется вмѣстѣ съ войсками Стефана Баторія въ походъ на Россію. Во время этого похода, торжествуя побѣды Баторія, взятіе Полоцка и Сокола, Курбскій изъ Полоцка написалъ два свои *посланія* къ московскому царю... По возвращеніи изъ похода, у Курбскаго открылись новыя

непріятности: Марія Голшанская подняла дѣло о незаконности брака Курбскаго съ Александрой Сѣмашковной; княгинѣ хотѣлось, чтобы дѣти Курбскаго, рожденныя отъ этого брака (сынъ и дочь), были признаны незаконными и, какъ таковыя, были лишены по смерти отца наслѣдственныхъ правъ. Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ... Курбскій умеръ въ Ковелѣ, въ маѣ 1583 года, оставивъ по завѣщанію всѣ свои литовскія имѣнія женѣ своей, Александрѣ Сѣмашковнѣ.

Литературная дѣятельность кн. Курбскаго началась и окончалась въ Литвѣ. Его литературныя занятія главнымъ образомъ сосредоточивались въ переводахъ на тогдашній западно-русскій языкъ твореній отцовъ церкви, которыхъ такъ не доставало современному западно-русскому обществу. Весьма любопытной является также его переписка съ разными лицами мѣстнаго общества: переписка эта можетъ дать не мало матеріала для характеристики происходившихъ въ это время броженій и „шатаній“ въ умственной и религіозной жизни юго-западной Руси. Обращаемся сначала къ его перепискѣ.

Насколько сохранились,—письма Курбскаго адресованы: кн. К. К. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, княгинѣ Збаражской, пану Кадіану Чаплію, пану Бокею Печихвостскому, пану Древинскому, пану Евстафію троцкому, Марку Сарыгозину, Кузьмѣ Мамоничу, Семену Сѣдларю, Вассіану старцу печерскаго монастыря и кромѣ того нѣсколькимъ лицамъ, не названнымъ по имени. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ лицъ, какъ напр. кн. Острожскій, стояли въ центрѣ тогдашней общественной жизни западной Руси, многія принадлежали къ высшему классу общества, другія мало извѣстны. Совершенно неизвѣстна кн. Чарторыжская; полагаютъ, что это была вдова князя Ивана Чарторыжскаго. Неизвѣстны также Кадіанъ Чаплій, Древинскій и Семенъ Сѣдларь. Что касается Өедора Бокея,

то очевидно онъ былъ однимъ изъ членовъ древнѣйшей литовской фамиліи Бокеевъ, хотя лично и неизвѣстенъ. Панъ Естафій Троцкій—по всей вѣроятности Естафій Воловичъ, въ 1568 г. подканцлеръ и маршалокъ надворный литовскій, а съ 1569 г. каштелянъ троцкій; ум. въ Сандомирѣ, въ 1581 г. будучи каштеляномъ виленскимъ и великимъ канцлеромъ литовскимъ. Евстафій Воловичъ не разъ былъ посланникомъ въ Москвѣ. Кузьма Мамоничъ состоялъ виленскимъ бургомистромъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Лукою Мамоничемъ, имѣлъ въ Вильнѣ типографію, въ которой печатались православныя богослужебныя книги; многія изъ нихъ сохранились до насъ. О старцѣ Вассіанѣ, кромѣ того, что онъ былъ инокомъ и жилъ въ Псковскомъ Печерскомъ м-рѣ, мы ничего не знаемъ. Рѣшительно неизвѣстенъ также „Иванъ многоученый“, къ которому обращается въ одномъ изъ своихъ посланій Курбскій. Письма Курбскаго были бóльшею частью отвѣтами на письма къ нему; но изъ этихъ послѣднихъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось.

Вотъ перечень писемъ самого Курбскаго, съ нѣкоторыми замѣчаніями о содержаніи каждаго изъ нихъ.

I. *Листъ Андрея Ярославскаго до Константина Острожскаго, противъ варвара нѣкоего, мнящагося быти мудра, еже похулилъ словеса новопреложенныя Іоанна Златоустаго* [Сказанія кн. Курбскаго, стр. 221—223]. Въ своемъ письмѣ Курбскій удивляется поступку кн. Острожскаго,—который переведенную Курбскимъ съ латинскаго и присланную имъ Острожскому *бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, любви и надеждѣ* отдалъ перевести на польскій языкъ, „лѣпшаго ради выразумѣнія“, какому-то человѣку, по словамъ Курбскаго, „отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словесъ исполненному и стыда неимѣющему, глаголы священныхъ писаній нечистѣ и скверно отрыгающему“... Въ доказательство, что подобныхъ порученій не должно дѣлать невѣждамъ, Курб-

скій приводитъ слова Діонисія Ареопагитскаго. Упоминаемый здѣсь переводъ „бесѣды“ до насъ не дошелъ.

II. *Листъ Андрея Ярославскаго до князя Костянтина воеводы кіевскаго* [Сказанія, 245—246]. „Листъ твоего величества“, начинаетъ Курбскій свое письмо, „и книжицу Скарги езуита, софизматовъ исполненную, такъ-же и листъ, до твоей милости писанный отъ инославнаго и прелукаваго Мотовила, пріяхомъ и выразумѣхомъ“,—и за тѣмъ разражается рядомъ упрековъ противъ своего пріятеля-князя. Оба они были борцами за православіе, стражами церкви, защищали ее всѣми силами, но средства защиты понимали не одинаково. Краснорѣчивый и многоученый іезуитъ Скарга только что выпустилъ громовую свою книгу „О единствѣ церкви“, направленную въ подрывъ православію. При дворѣ кн. Острожскаго жилъ и его расположеніемъ пользовался образованный южно-русскій дворянинъ М о т о в и л о, впавшій въ ересь социніанъ (ихъ называли здѣсь аріанами); ему-то и поручилъ Острожскій написать опроверженіе на книгу Скарги, и какъ самую эту книгу, такъ и письмо объ ней Мотовила послалъ Курбскому. Послѣдній нашелъ, что неприлично „христіанину правовѣрному отъ аріанина христонепавистнаго услаждаться эпистоліями или пріимовать отъ него писанія на помощь церкви Христа Бога“, и упрекаетъ Острожскаго въ попустительствѣ: „Той-то Мотовило инославный, замѣчаетъ Курбскій, не токмо аріянскаго духа въ себѣ имѣетъ, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовнѣйшаго діавола, лясфимы (богохульства) на общаго владыку Христа нашего отрыгающаго, далеко горчайшій и ядовидшій, нежели Арій безбожный... Годитъ-ли ся ти отъ таковаго, о вельможный и свѣтлѣйшій княже христіанскій, догматовъ и слышавати и отвѣтовъ просити на іезуитскія фабулы?... Отъ лѣности вся сія намъ приключаетъ, нерадѣнія ради почитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устнѣ стужахъ и докучахъ,

да прочитываеши ихъ часто, аще и по малу; и не престану ти воистину докучати и до моей смерти—понеже зѣло люблю тя—дондеже узрю тя лѣпшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоемъ постигнути“...

III. *Цыдула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы кіевскаго*, кн. К. К. Острожскаго [Сказанія, 246—350]. Посланіе довольно обширное, писано по поводу того-же отвѣта на книгу Скарги, составленіе котораго Острожскій поручалъ Мотовилу. Предостереженіе Курбскаго не помогло: отвѣтъ не только былъ напечатанъ, но и присланъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе... „Не вѣмъ, откуда сія приключишася вашему величеству“, пишетъ онъ Острожскому: „прислалъ ми ваша милость книгу,—отъ сына діаволя написанну, отъ явственнаго непріятеля Христа нашего, истиннѣйше рекше, отъ антихристова помощника и вѣрнаго слуги его сочиненну,—мнѣ ваша милость христіанину правовѣрному, брату своему присяглому, негли мѣсто поминка (подарка) шлетъ? О, бѣда, воистину плача достойна!.. Въ таковую дерзость и стультицію (глупоту) начальницы христіанскіе внидоша, ижъ не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнѣмаютъ! И что еще дивнѣйшаго: отъ духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію обороняти имъ росказуютъ и книги супротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣваютъ! О заслѣпленія и безумія нашего!.. Любовникъ твой Мотовило не токмо во всей прескверной книгѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладаетъ, паче-же прескверне и грубе, но и въ конклюзіи тое-то книги своей—Христа проповѣдуетъ паки пріити и на тысячу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... Отъ него-же (аріанства) уже мало не вся Волынь заразилася и неисцѣльнѣ болитъ, скверными догматы подущаема“. Курбскій негодуетъ на Острожскаго за покровительство его іезуитамъ и убѣждаемъ

его не дружиться съ врагами православія: „Возвесели общаго царя нашего, Христа Бога твоего, престани уже дружитися съ тѣми супостаты, непріятельми Его, прелукавыми и презлыми; никто-же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховаетъ, яко за пѣдрами змієвъ. Трикраты молю ти ся: престани, уподобляяся праотецъ твоихъ ревности благочестія, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, отжени, глаголю, прелукавыхъ и прелютыхъ ругателей“... Къ сожалѣнію, отвѣтъ Мотовила на книгу Скарги, равно и письмо его къ Острожскому по поводу этой книги, до насъ не дошли и мы знаемъ о нихъ только изъ разсматриваемыхъ посланій Курбскаго. Какъ это, такъ и предыдущее посланіе Курбскаго весьма важны для характеристики религіозныхъ взглядовъ кн. К. К. Острожскаго.

IV. *Листъ Андрея Курбскаго до Кузьмы Мамонича* [Сказанія, стр. 226—229]. Мамоничъ, какъ замѣчено выше, жилъ въ Вильнѣ и былъ однимъ изъ защитниковъ православія. Въ Вильнѣ кипѣла уже открыто борьба между православными и католиками; ксензы громили православіе въ костелахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ, площадяхъ. Курбскій въ своемъ письмѣ проситъ Мамонича посовѣтовать православнымъ, чтобы они, какъ „несовершенные въ писаніяхъ“, не вдавались „безъ ученыхъ нашея страны“ въ богословскіе споры съ іезуитами и не ходили-бы къ нимъ на ихъ проповѣди,—„тлятъ бо, говоритъ онъ, обычаи добрые бесѣды хитролестныя“... И затѣмъ, указывая на приготовляемые имъ переводы, прибавляетъ: „Если Богъ восхощетъ, и мы къ вамъ поспѣшимъ съ тремя нарочитыми свѣдками (свидѣтелями): съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ и со Іоанномъ Златоустнымъ и со Іоанномъ Дамаскинымъ и со иными древними святыми учительми“, т. е. съ ихъ сочиненіями въ русскомъ переводѣ. Время посланія не указывается.

V. *До Кузьмы Мамоныча листъ второй* [Сказанія, стр. 229—232]. Курбскій съ радостію извѣщаетъ Мамонича о по-

лученіи съ Аѳона, въ защиту православія, сочиненій Григорія и Нила Солунскихъ (греческихъ писателей XIV вѣка). „Не ужасайтесь софизматовъ ихъ, пишетъ онъ Мамоничу въ отвѣтъ на его письмо о новыхъ „злохитроствахъ“ іезуитскихъ: но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпцѣ, пребывайте бодро... Благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ Святыя Горы, яко самою рукою Божіею принесена,—простоты ради и глубокаго неискуства церковниковъ русскихъ церквей, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ“...

VI. *Листъ князя Андрея Курбскаго до княгини Ивановой Черторижской* [Сказанія, стр. 240—242]. Курбскій поздравляетъ княгиню съ успѣхами ея сына въ изученіи „священныхъ писаній“ и хвалитъ ея намѣреніе отдать сына, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ Виленскую іезуитскую школу; но при этомъ предостерегаетъ княгиню противъ іезуитовъ: „Не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, ижъ многіе родители, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ, были дали имъ дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ (свободнымъ), яко слышимъ отъ нѣкоихъ; но они, не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе... И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и противники зѣло великіе нашему правовѣрію“... Впрочемъ, онъ ободряетъ княгиню примѣрами великихъ учителей и отцовъ церкви, изъ которыхъ многіе ѣздили учиться и „по поганскимъ философамъ“, но православія своего не повредили... При посланіи Курбскій посылаетъ княгинѣ какое-то свое сочиненіе противъ іезуитовъ: „А тотъ листъ, писанный отъ насъ къ единому брату, имъ-же есмо отчасти отвѣщали противъ тѣхъ іезуитовъ дерзновенія, обороняючи наше правовѣріе, посылаю преписавъ

до вашей милости, вмѣсто малаго подарка“... Упоминаемое здѣсь полемическое сочиненіе Курбскаго, повидимому, до насъ не дошло.

VII. *Листъ князя Андрея Курбскаго до Марка, ученика Артемія* [Сказанія, стр. 223—226]. Кто этотъ Маркъ—съ точностью сказать трудно. Устряловъ называетъ его Сарыгозинымъ и думаетъ, что это одинъ изъ бѣжавшихъ одновременно съ Курбскимъ изъ Москвы въ Литву. Настоящее письмо къ нему Курбскаго даетъ понять, что отношенія ихъ были близкія,—Курбскій называетъ его „юношею свѣтлыхъ обычаевъ навыкшимъ, братомъ и пріятелемъ своимъ милымъ“, и что Маркъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ непосредственное отношеніе къ трудамъ Курбскаго по переводу на славянскій языкъ отеческихъ твореній. Курбскій сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя этимъ переводамъ, говоритъ, что самъ съ этой цѣлью, уже въ сѣдинахъ, много трудился надъ латинскимъ языкомъ, что пріобрѣлъ себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ въ Михаилѣ Оболенскомъ, который подготовлялся къ тому долго за границей, въ Краковѣ и Италіи, и который возвратился теперь; называетъ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ,—которыя намѣчены имъ къ переводу, прилагаетъ самый реестръ пріобрѣтенныхъ съ этой цѣлью книгъ и затѣмъ обращается къ Марку съ такой просьбой: „Яви любовь ко единоплеменной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати на колько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискуству: бо не обвыкли мы, яко азъ, тако и князь Михайло, словенску языку въ конецъ, и того ради боимся пуститися едины, безъ помощи, на такое великое и достохвальное дѣло... Искахъ, продолжаетъ Курбскій, помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и никако-же обрѣтохомъ. Аще ли Богъ тебя принесетъ до насъ, то бы азъ сѣлъ со единымъ бакаляромъ за книгу Пав-

ловыхъ эпистолей, бесѣдованныхъ отъ Хризостома, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу, со княземъ Михайломъ, или Григорія Богослова, или Василія Великаго. Посылаю къ вашей милости, въ подарокъ духовный, *орацію* едину Григорія Богослова, а другое *слово* Великаго Василія, переводу нашего: прошу, иже бы есть принялъ тотъ малый нашъ упоминокъ съ любовію"... Переводъ обѣихъ бесѣдъ до насъ не дошелъ; не сохранилось и „*предисловіице* единой книги своего переводу", которое посылалъ Курбскій Марку и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ. Неизвѣстно, внялъ-ли Маркъ просьбѣ Курбскаго. Разсказывая въ своемъ „предисловіи" на „Новый Маргаритъ" исторію своихъ трудовъ по переводу отеческихъ твореній, Курбскій ближайшимъ своимъ помощникомъ по этому дѣлу называетъ уже какого-то „юношу Амброжія": „Купилъ книги и умолилъ юношу ко переводу—у него-же внѣшнимъ наукамъ учихся—именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенскій всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, что онъ исправилъ, на семъ свѣтѣ будучи"...

VIII. *Епистолія ко Кадіану Чаплію Андрея Ярославскаго* [Сказанія, стр. 232—236]. „Епистолія" отвѣчаетъ на „широковѣщательный листъ" Чаплія къ Курбскому по религіознымъ вопросамъ и писана „въ Ковлю по рожденіи Іисуса Христа, Сына Божіяго, 1575 г., мѣсяца марта двадесятъ перваго дня". Чаплій былъ зараженъ социніанствомъ и, вѣроятно, въ этомъ духѣ поучалъ Курбскаго. Курбскій проситъ не трудиться наставлять его въ дѣлахъ вѣры,—такъ какъ, замѣчаетъ онъ о себѣ, „есмя за благодатію Божіею отъ младости нашей во святыхъ писаніяхъ, по силѣ нашей, научени и утвержени въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, яко проповѣдали пророцы, яко уставили отъ Христа пріемшіи

апостоли,—не такъ, яко ваша милость..., иже еси отъ мутныхъ источниковъ напоенъ и отъ истиннаго самочинника“... Подъ послѣднимъ Курбскій разумѣетъ какого-то „пана Игнатія“, послѣдователя „пана Θеодосія“; послѣдній, вѣроятно—Θеодосій Косой, извѣстный еретикъ, который около этого времени бѣжалъ изъ Москвы въ Литву, и вліянію лжеученій котораго черезъ „Игнатія“, вѣроятно, подпалъ Чаплій.

IX. *Листъ Андрея Ярославскаго до пана Θедора Бокея* [Сказанія, стр. 237—239]. „Листъ“ писанъ въ отвѣтъ па посланіе Бокея и выражаетъ радость Курбскаго, что Бокей, „оставя еретическихъ бредней новосмышленія, паче же ни отъ кого свидѣтельствованную нынѣшнюю многоглавую ересь“ (социніанство), обратился опять къ родной православной вѣрѣ. Курбскій не совѣтуетъ ему „ни водворятися, ни во многія розмовы вдаватися съ мужьми нечестивыми и еретичествомъ дышущими“ и вообще всячески беречься „отъ таковыхъ псовъ“, „расколовъ безвѣрниковъ“...

X. *Листъ второй Андрея Ярославича до Θедора Бокея* [Сказанія, стр. 239—240]. Писанъ также въ отвѣтъ на письмо Бокея и содержитъ общія нравственныя наставленія и предупрежденія.

XI. *Цидула князя Андрея Курбскаго до пана Древинскаго* [Сказанія, стр. 143—244]. Письмо касается сильно волновавшаго тогда западно-русское населеніе вопроса о введеніи новаго календаря. 13 февраля 1582 г., папа Григорій XIII обнародовалъ буллу о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Стефанъ Баторій тотчасъ же издалъ универсалъ о введеніи его во всемъ польско-литовскомъ государствѣ. Іезуиты съ жаромъ принялись за осуществленіе универсала и произвели сильныя волненія въ средѣ православныхъ. Послѣдніе не принимали этого календаря, такъ какъ онъ совершенно измѣнялъ время церковныхъ праздниковъ; кромѣ того православные боялись, что новый

календарь—только предлогъ оторвать ихъ отъ единенія съ восточной церковью. Волненія въ православномъ населеніи по поводу изданнаго королевскаго универсала были на столько сильны, что польское правительство сочло лучшимъ сдѣлать уступку и новымъ универсаломъ объявило введенный календарь не обязательнымъ для православныхъ. Попытка введенія въ средѣ православныхъ новаго календаря вызвала цѣлую литературную полемику, не прекращавшуюся долгое время и послѣ. Древинскій поздравлялъ Курбскаго съ новымъ годомъ. Курбскій взволновался: отъ чего не съ праздникомъ „Обрѣзанія Господня", не со днемъ Василія Великаго?.. Только врагъ церкви Христовой могъ принести подобное поздравленіе,—даетъ онъ понять Древинскому и проситъ его не дѣлать этого впредь.

XII. *Цыдула писана до пана Остафія Троцкаго,* т. е. къ Евстафію Воловичу, каштеляну троцкому [Сказанія, стр. 250—251]. Въ посланіи Курбскій выражаетъ надежду, что Остафій наконецъ вернется къ покинутому имъ православію, къ вѣрѣ своихъ „праотцевъ" и „заткнетъ честныя своя уши отъ инославныхъ ученія",—чаще прочитывая посылаемыя къ нему отъ Курбскаго творенія Златоуста... Посланіе писано, вѣроятно, около 1575—1576 гг., во время двухлѣтняго междуцарствія: въ концѣ письма Курбскій упоминаетъ о современномъ „безглавномъ во время интеррегнумъ, сирѣчь между-кролей, отечествѣ"..

XIII. *Посланейцо краткое къ Семену Сѣдларю, мѣщанину львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему* [Сказанія, 251—252]. Писано „зъ Мильтовичъ, року 1580, мѣсяца генваря", въ отвѣтъ на „эпистолію" Сѣдларя, желавшаго знать, какъ думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ. Исполняя его просьбу, Курбскій посылаетъ при посланіи переведенную имъ съ латинскаго одну изъ *бесѣдъ* Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла: „Желаніе твое ис-

полнихомъ безъ закоснения“, пишетъ Курбскій: „не фолгуючи или не щадячи старость и недуга, мнѣ надлежащаго, и прочихъ приключившихмися напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій не токмо о семъ реченный виршъ или стихъ, но всю цѣлую бесѣду оную и со правоученіемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному“... „А схизматикомъ онымъ (іезуитамъ) не показуй того, прибавляетъ Курбскій: бо зѣло сварливы и упрямы“... Вѣроятно, Курбскимъ переведена была и послана Сѣдларю девятая бесѣда Златоуста на посланія Павла; этотъ переводъ Курбскаго не сохранился.

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ писемъ Курбскаго, уцѣлѣло еще нѣсколько болѣе случайныхъ и мелкихъ его посланій или писемъ; ограничиваемся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ. Въ *Посланіи къ Вассіану, старцу псковскому* [„Сказанія“, стр. 253—255], Курбскій говоритъ о своихъ напастяхъ и между прочимъ сильно нападаетъ на современныхъ иноковъ; въ двухъ другихъ письмахъ къ тому же старцу Вассіану [*Опис. рук. Царскаго*, стр. 577; *Прав. Соб.*, 1863 г, кн. V—VIII] ратуетъ противъ вѣры въ апокрифы; въ особой припискѣ, заканчивающей эти письма и приписываемой также Курбскому [*Строевъ*, Опис. рус. Царскаго, стр. 577], рѣчь идетъ о *Скорининыхъ книгахъ новопечатныхъ полоцкихъ*,—а слѣдующее далѣе въ томъ же сборникѣ посланіе подъ заглавіемъ: *Андрей Ивану многоученому отвѣтъ о правой вѣри предлагаетъ* направлено противъ католичества и протестантства [напеч. въ *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. II, 343 sgg]; наконецъ совершенно частный характеръ имѣютъ *два листа кн. Андрея Курбскаго Ярославскаго до княжны Анны Деспотовны Збаражской, старостины кременецкой*, писанные въ 1574 году [Сказанія, стр. 255—258] и относящіяся къ дѣлу объ одномъ бѣгломъ крестьянинѣ, въ укрывательствѣ котораго обвинялся Курбскій.

Изъ переводовъ, сдѣланныхъ Курбскимъ, извѣстны:

1) *Новой Маргаритъ*, заключающій въ себѣ избранныя сочиненія Іоанна Златоустаго. Переводъ въ рукописи, современной переводчику, хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ [подъ № 187]. Языкъ перевода—бѣло-русскій или западно-русскій XVI вѣка. Въ „Предисловіи многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію“ разсказывается между прочимъ „жалостна и плачу достойная исторія кратка“ о его жизни въ Литвѣ и занятіяхъ по переводу отеческихъ твореній. Пришлось ему жить здѣсь „между человѣки тяжкими и не гостелюбными и къ тому въ ересѣхъ различныхъ развращенными“,—слыша въ то же время „во отечествѣ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ попаляемъ родъ христіанскій безъ пощаженія, и лютость кипящу презѣльную на народъ христіанскій, горшую, нежели при древнихъ мучителѣхъ“... Грозный царь „матерь его и отрочка единого сына, въ заточенію затвореныхъ, троскою (скорбью) поморилъ; братію его, единоколѣнныхъ княжатъ Ярославскихъ, различными смертьми поморилъ, служащихъ ему вѣрнѣ, имѣнія его и ихъ разграбилъ, отъ любимаго отечества его изгналъ, отъ друговъ прелюбезныхъ разлучилъ“... Изгнанникъ все это зналъ и слышалъ и—„объятъ жалостію, тяжкое уныніе давитъ его, нестерпимыя бѣды, какъ моль, съѣдаютъ сердце его“... И сталъ онъ искать утѣшенія „въ книжныхъ дѣлѣхъ“: „разумы высочайшихъ древнихъ мужей прохождахъ, прочитахъ, разсмотряхъ физическіе (*физика* есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную або естественную философію и есть зѣло премудра) и обучахся и навыкохъ етическихъ (также и *етика*, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, спрѣчь обычае любомудрія, и человѣческому роду найпаче зѣло потребнѣйша), часто же обращахся и прочитахъ сродныя мои священныя писанія, ими же праотцы мои были по душѣ воспитаны“... „И пріѣхавъ мнѣ уже ту (въ Литву) отъ отечества

моего, продолжаетъ Курбскій о своемъ положеніи въ Литвѣ— съ сожалѣніемъ (въ виду отсутствія русскихъ переводовъ отеческихъ твореній) потщихся латинскому языку пріучатися, того ради, ижъ бы моглъ преложити на свой языкъ что̀ еще не преложено,—ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свое зряще. И того ради не мало лѣтъ изнурихъ, въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ пріучахся"... Но однихъ его силъ не хватало на задуманное дѣло, а помощниковъ не находилось. „Искахъ, заключаетъ Курбскій жалостную исторію своихъ трудовъ, мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицыхъ обрѣтохъ, мниховъ и мірскихъ,—не возмогоша помощи ми: мниси отрекошася, уничижающеся непохвальнѣ, не глаголю лицемѣрне, а лѣностне, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ. Азъ же бояхся, ижъ отъ младости не до конца навыкохъ книжнаго словенскаго языка"... По предположенію Ундольскаго, переводъ Іоанна Златоуста сдѣланъ Курбскимъ съ латинскаго изд. Еразмова [1530 г., V т.]. Рукопись перевода вообще чрезвычайно важна и заслуживала-бы спеціальнаго изученія.—Кромѣ помѣщенныхъ въ „Новомъ Маргаритѣ", Курбскому принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ *бесѣдъ* въ собраніи словъ Златоуста, по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, XVI вѣка, № 126. О своихъ переводахъ отдѣльныхъ бесѣдъ Златоуста Курбскій не разъ упоминаетъ и самъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ (къ К. К. Острожскому, къ Кузьмѣ Мамоничу, къ Семену Сѣдларю).

II. „*Небеса*" *Іоанна Дамаскина* и нѣкоторыя другія его творенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ „Фрагментовъ",— напр. *Діалектика* или *Логика*, *Пренія съ Сарациномъ* и пр. [переводы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Му-

зеѣ,—въ рукописи XVII в., № 193; въ рукописи собранія Ундольскаго XVI в., № 187, и собранія Пискарева, XVII в., № 189, а нѣкоторыя изъ нихъ—также въ Моск. Синод. Б-кѣ, въ рукописи XVI—XVII вв., № 191].

Переводы Курбскаго почему-то не были сполна напечатаны и сохранились гл. обр. въ рукописныхъ спискахъ. Курбскимъ переведены были очень многія, наиболѣе важныя, творенія Іоанна Дамаскина, и бо́льшая часть ихъ была переведена имъ вновь. По дошедшимъ спискамъ, въ переводѣ Курбскаго извѣстны: кромѣ *Богословія* Дамаскина, его *Діалектика*, и слѣдующія мелкія сочиненія, называемыя Курбскимъ „фрагментами" и почерпнутыя имъ иногда дѣйствительно оттуда: 1) *О судномъ дню*, 2) *Посланіе ко Іоанну, епископу Лаодикейскому*", 3) *О Христовыхъ дву воляхъ и дѣлѣхъ и о другихъ естественныхъ свойствахъ*, 4) *О ересѣхъ*, 5) *Посланіе о трисвятой пѣснѣ*, 6) *Книга, въ ней же описуется гаданіе христіанина съ сарацининомъ*, и 7) *Статей нѣкоторыхъ остатокъ до Клеры сестры* (перечисляемъ въ порядкѣ помѣщенія переводовъ въ существующихъ спискахъ). Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ трудахъ Курбскаго сообщаются имъ самимъ, въ прилагаемыхъ имъ къ переводамъ „предисловіяхъ" и „сказахъ".

Переводъ Богословія сопровождается особенно обширнымъ предисловіемъ: *Предисловіе Андрея грѣхми исполнена*—гдѣ переводчикъ подробно разсказываетъ исторію своего труда. „Единова", пишетъ онъ, „случило ми ся прочитати книгу многострадальнаго М а к с и м а, который много бѣдъ и лжеклеветаній въ многіе лѣта претерпѣлъ отъ лжебратіи, и обрѣтохъ въ ней едино посланейцо къ нѣякому Егорію, имъ же остерегаетъ его отъ развращенныхъ писменъ, утверждающе во правовѣрныхъ догматѣхъ, а похваляетъ и совѣтуетъ ему читати К н и г у Д а м а с к и н о в у, сице глаголюще: Внимай православнымъ учителемъ, что, господине, реклъ, пѣсть

лучьши Книги Дамаскиновы; аще бы прямо преведена была и исправлена, въистинну небесной красотѣ подобна и пищѣ райстѣй, и сладчайше паче меда и сота. Азъ же сему зѣло удивихся и скорбію объять быхъ, ижъ большая часть книгъ учителей нашыхъ не преведена есть въ словенскій языкъ, и нѣкоторые преведены не прямо, отъ преводниковъ неискусныхъ, а нѣцыи отъ преписующихъ въ конецъ испорчены, растлѣнны, и размышляхъ собѣ, откуды сицевая тщета намъ. Оттуды воистинну, ижъ древніе учители были наши во обоихъ научены и искусны, сиречь, во внѣшныхъ ученіяхъ философскихъ и во священныхъ писаніяхъ, и къ тому тщаливы и бодры; а мы неискусны и учитися лѣнивы, и вопрошати о невѣдомыхъ горди и презорииви, и аще мало нѣчто навыкнемъ, мнимся уже все умѣти, и сего ради аще что въ писаніяхъ обрящемъ недовѣдомо, портимъ и растлѣваемъ, яко ся намъ видитъ, а вѣдущыхъ не хощемъ вопросити, а ни поучитися хотимъ, но простерты лежимъ лѣностію и гнусностію погружены. И сего ради со прилежаніемъ прочтохъ книгу блаженнаго Дамаскина, книгу, глаголю, зѣло премудрую, и много намъ потребную,—бо онъ былъ учитель послѣдній, и избираючи отъ всѣхъ учителей вкратцѣ описалъ, яко бы зерцало церкви и щитъ, альбо бронь крѣпкую ото всѣхъ еретикъ, и обрѣтохъ ее не токмо преведену недобре, альбо отъ преписующыхъ отнудь растлѣнну, но и ко выразумѣнію неудобну, и никому же познаваему, къ тому и не сполна преведену: многихъ бо словесъ въ нашей не обрѣтается. И набыхъ книгу, грецки по единой странѣ писанную, а на другой странѣ по римски, и къ тому дѣлу призвахъ и умолихъ въ помощь собѣ Михаила Андреева сына Оболеньского,—яже есть з роду княжатъ чер-

ниговскихъ,—понеже въ старости уже философскихъ искуствъ приучахся, а онъ во младыхъ лѣтѣхъ прошелъ и ихъ научился. И начахъ исправляти ю, а чего небыло въ нашей словенской,—сызнова преводити, и такъ трудоносне, ижъ намъ лехчайше обрѣталося небывшее преводити, нежели испорченое и растлѣнное исправляти... Не обрѣташася въ первой книзѣ 6 главъ, ея же паче иныхъ писалъ богословне. Во второй десяти, которая писана метафизицки и физицки. Егда же доидохъ ко третьей,—обрѣтохъ тое книги точію два слова начальные, а двадесяти и седми словесъ не было, ея же писалъ такоже философски противъ различныхъ еретиковъ, паче же единовольниковъ, оброняючи церковные догматы, зѣло премудрыми непререкомыми истинными аргументы, або свидѣтельствы. Такоже и въ четвертой пятинадесяти главъ не было"... Переводъ Богословія Дамскина относился, нужно думать, къ періоду времени 1575—1579 гг. Въ посланіи къ Чаплію, 1575 года, Курбскій замѣчаетъ „книга его (Іоанна Дамаскина) не переведена въ словенскій"...; въ посланіи же своемъ къ Грозному, въ 1579 году, говоря о „книзѣ премудраго Іоанна Дамаскина", Курбскій уже прибавляетъ: „мню, иже въ твоей землѣ не преложена сполна съ грецка языка; а у насъ здѣ, благодатію Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тщаліемъ исправлена"...

Въ концѣ „предисловія", приложеннаго къ переводу Богословія, Курбскій, изложивъ ходъ трудовъ своихъ по переводу этой книги, замѣчаетъ: „Послѣди же сея книги обрѣтохъ Діалектику, зѣло нарочитѣ написану и отъ философіи указанну, посланну къ Козмѣ епископу Маіумскому, и иные прекрасныя и потребныя вещи, ихъ же у насъ нѣсть преведено. Азъ же къ тому не могохъ пріити за бѣдами и напастьми страньства моего, иже бы моглъ преложити до конца всю книгу священную и много-

полезную“... Изъ этихъ словъ, вопервыхъ, видно, что Курбскому неизвѣстно было существованіе древняго славянскаго перевода Діалектики,—иначе онъ упомянулъ бы о немъ; вовторыхъ, изъ приведенныхъ словъ оказывается, что Курбскій нѣкоторое время колебался приняться за переводъ Діалектики, въ виду „бѣдъ и напастей страньства своего“. Но все же „бѣды и напасти“ не помѣшали окончательно выполненію и этого труда. Существующій въ нѣкоторыхъ нашихъ рукописныхъ собраніяхъ западно-русскій переводъ Діалектики Дамаскина долженъ быть приписанъ трудамъ именно Курбскаго,—а не былъ сдѣланъ „послѣ, кѣмъ-нибудь другимъ“, какъ предполагалъ Востоковъ. Прямое указаніе на это находимъ въ спискѣ перевода Діалектики, находящемся въ библіотекѣ Хлудова. Къ списку приложенъ довольно обширный *Сказъ Андрея Курбскаго о Лоикѣ*,—гдѣ читаемъ: „Се уже, братія возлюбленные и единоязычные, за благод тію Христа нашего и Діалектика або Лоика, наука оная свѣтлѣйшая словесная, преведена есть,—о ней же воспомянухъ во предословіи моемъ, иже не могъ есми вкупе со Книгою Дамаскинскаго превести ея, напастей ради моихъ. Учите же и навыкайте ее пелѣносне, и аще ее добре навыкнете, удобне вамъ будетъ читати и разумѣти писаніа философьскія, яко нашихъ великихъ учителей христіанскихъ, такъ и внѣшнихъ философовъ“...

Въ той же рукописи Хлудова, по окончаніи перевода Богословія [„Книги о вѣрѣ“], находится оглавленіе всѣхъ помѣщенныхъ дальше переводовъ сочиненій Іоанна Дамаскина, подъ общимъ заглавіемъ: *Главы фрагментовъ, яже суть за книгами о вѣрѣ Іоанна Дамаскинскаго*, и затѣмъ идетъ перечень помѣщенныхъ далѣе въ рукописи сочиненій Дамаскина: 1) О иже въ вѣрѣ усопшихъ, 2) О судномъ дню, 3) Посланіе къ Іоанну, еп. Лаодикійскому и т. д. Изъ нихъ о первомъ и десятомъ въ оглавленіи замѣ-

чается: „Сіе слово прежде насъ переведено“, „Сіе слово прежде преведено“,—и названныя сочиненія приводятся дѣйствительно по старому славянскому переводу; остальныя переведены вновь съ латинскаго. Въ концѣ оглавленія объ оставшихся непереведенными сочиненіяхъ Дамаскина замѣчается: „Потомъ пѣсни всѣ, сиречь ирмосы, кануны, стихиры и другіе того же рода духодвизательне отъ него сложеные, ихже намъ преводити албо исправляти не видѣлося достодолжнымъ,—бо давно прежде насъ преведенны. Аще гдѣ будетъ и неблагочинне преведенно или отъ преписующихъ испорчено, и азъ мудрѣйшимъ уступую исправляти“.

Такимъ образомъ переводъ перечисленныхъ здѣсь въ оглавленіи мелкихъ сочиненій Іоанна Дамаскина принадлежалъ, очевидно, тому же лицу, которымъ переведены были и Богословіе и Логика Дамаскина, т. е. князю А. М. Курбскому.

Нельзя не отмѣтить одной особенности переводовъ Курбскаго,—его многочисленныхъ примѣчаній или „сказовъ“, многочисленныхъ дѣлаемыхъ къ тексту переводчикомъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій, которыя онъ считаетъ необходимымъ „лѣпшаго ради вырозумѣнія“ постоянно присоединять къ переводу. Многіе изъ этихъ „сказовъ“ весьма любопытны; они показываютъ не только широкое и многостороннее образованіе самого Курбскаго, но—что́ особенно важно—и его необыкновенную предупредительность къ своимъ будущимъ читателямъ, теплую, сердечную заботливость о возможно бо́льшемъ „вырозумѣніи“ ими предлагаемаго чтенія. Что касается до дѣлаемыхъ Курбскимъ толкованій отдѣльныхъ словъ и выраженій,—эти поясненія, въ свою очередь, являются драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи языка.

Приводимъ примѣры тѣхъ и другихъ, помѣщая „сказы“ параллельно съ соотвѣтствующими частями текста, къ которымъ они на поляхъ присоединяются переводчикомъ [рук. № 193]

Къ словамъ текста:	На поляхъ:
...аще и семь круговъ за семь небесъ разумѣти восхощешь, никакожь истинна вт правдѣ умалится...	„Глаголеть, аще седмь круговъ, сиречь седмь путей, по нихъ же планеты благочинне по Божію устроенію шествують, которые круги, албо пути, учители церковные, вси во единомъ небеси, рекше въ тверди, быти разумѣють,—никако правда умалится, и сице по божественному Павлу, три небеса имѣти будемъ, сиречь первое небо небесное, потомъ твердь, послѣди же воздухъ, бо и то писаніе небомъ наречетъ, якъ здѣ Дамаскинъ свидѣтельствуетъ“ (л. 32 об.).
...а которая убо не есть послушна, и которая не препірается словы, животная есть, которая токаемая нарицается...	„Сиречь, егда руку ко сердцу приложишь, токаетъ, сиречь біется, албо жилы біются, и аще бы имъ заповѣдывалъ, не знають, а ни слышатъ, бо сіа часть животная, рекше садовная, далеко отъ словесные части души; а средняя часть души, сиречь еже душевная нарiцается, сіа покаряется умной и словесной части души, понеже ближайша къ ней“ (л. 46).

...словеснаго убо ово зрително, а другое дѣлателно есть; зрителное убо по уму, понеже суть сущіе; дѣлателное ж по совѣту, яжъ ему управляеть дѣломъ правое слово...

Къ слову „зрително": „Сказ. Умъ человѣческій мудрые на двое раздѣляють, едину часть зрителнымъ нарицають, который къ чувствомъ ничесожъ имѣеть, но о Бозѣ помышляеть, и о безплотныхъ силахъ мечтаеть, такожъ и о созданныхъ вещахъ и о животѣ будемъ мыслить".

Къ слову „дѣлателно": „А другую часть ума дѣлателнымъ нарицаютъ, которы чувствомъ ближайшіи и помыслы сердечьные, яко чрезъ послы внутренихъ чувствъ приносимые, разсуждаеть и управляеть, и въ дѣло производіти повелѣеть".

Къ слову „сущіе": „Рекше сущеи сущихъ зритъ, сиречь нетлѣнно и умъ нетлѣнныхъ" (л. 60).

...а если сіе по нужѣ пристаеть ко словесному самовластное албо нѣсть словесно...

„Аки бы реклъ, аще бы было по нужи, яко нѣцыи глупають, ижъ родился онсица человѣкъ таковъ, и под таковою звѣздою, албо въ такій часъ, невозможно уже ему премѣнитись,—таковымъ Дамаскинъ насмѣвается, обличающе ихъ безуміе, яко читающе вырозумѣешъ разумъ православія" (л. 60 об.).

...аще солнце, намъ свойственные дѣла подающе, пребываеть нашими невѣдомо, колми паче создатель солнца, Господь...

„Аще солнцу таковую вложилъ силу теплотную и живителную, ижь сіяетъ на вся кіе мѣста, на смрадные и на нечистые, тѣхъ изсушающе, а сѣменнымъ и садовнымъ и прочимъ таковымъ силу живителную, рекше плодорастителную умножающе, а само ни въ чесомъ же умаляется,—колми паче Господь солнца, аще и все человѣческое естество на ся облекъ, наши изсушающе нечистые страсти и просвѣщающе и плодоносны творяще души и телеса, а себе ни въ чесомъ же умалилъ и божествомъ ничесоже человѣческихъ пострадалъ, ани претерпѣлъ“ (л. 78).

...коимъ дѣломъ соединенни суть не числятся, ибо не исповѣдуемъ быти по ипостаси дву естествъ Христовыхъ...

„Сіе слово написалъ Дамаскинъ глупства ради и безстудія еретическаго, клевещуть бо еретицы на церковь, глаголюще, иже бы глаголали двухъ по числу, понеже правовѣрные исповѣдують Христа въ цѣломъ божествѣ, рекше въ совершенномъ и въ цѣломъ человѣчествѣ, и сего ради сіе реклъ, оправдаючи церковь. Ибо не исповѣдуемъ быти по ипостаси дву

естествъ Христовыхъ (и прочіе читающе узришъ), но яко отъ невидимаго и видимаго, спречь отъ души и тѣла, сложенъ человѣкъ и не нарицается инако, точію человѣкъ единъ, аще и отъ дву естествъ, такоже и Христосъ, аще Богъ совершеный и человѣкъ совершенный, не нарицаются отъ церкви два Христи, но единъ Христосъ по ипостаси“ (л. 78 об.).

...мысленной же и разумной, доброволное и самовластное, аще убо по естеству есть колеблющему растителное, и чувственному по мѣсту движеніе, а того ради по естеству есть мысленному и разумному, доброволное и самовластное движеніе...

„Три бываютъ части зримы, ими же животъ нашъ содержится. Колеблющася, всѣхъ нижайшая, къ вещи тѣлесней присажденна. Чувственная жъ въ животныхъ безсловесныхъ вышнее мѣсто имѣетъ, ихъ же вожделеніе естества ведетъ ко долу, въ человѣцехъ же среднее. Мысленная же во человѣцехъ наивышша и предостойнѣйша. Ко всякому же убо животу належитъ свое свойственное движеніе. Къ колеблющему движеніе разстителное. Къ чувственному по мѣсту движеніе, рекше имъ же бываетъ съ мѣста на мѣсто движимъ. Къ мысленному же

животу и разумному движеніе волное и самовластное по естеству, а того ради человѣкъ по естеству самовластный и волю имѣеть по естеству ему приданую" (л. 87 об.).

...и паки, аще звѣрь, разумный смертный человѣкъ, и всяко уставленіе покоренныхъ естествъ нарицающе, и нѣсть равно по естеству мысленное смертному, не былъ бы во истинну единаго естества человѣкъ, по уставу свойственнаго уставленіа...

„Вопрошенъ отъ нѣкоторыхъ Платонъ философъ, яко бы существо человѣческое вытолковалъ? Отвѣщалъ, иже есть человѣкъ звѣръ разумный смертный; сего ради здѣ припоминаетъ сіе Дамаскинъ, ижъ сопротивъ зломудренныхъ философовъ, которые оклеветують естествъ уставъ, философскимъ обычаемъ вѣщаетъ, обличающе ихъ" (л. 99 об.).

...сице и во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ не части частей разсмотряемъ, точію зъ ближайшаго сложенно, божества и человѣчества...

„Не часть частей разсмотряемъ, но ближайшіе? Аки бы реклъ, не по стихіинымъ частемъ души и тѣла соединенна зримъ (яко нѣцыи блядуть) три естества сего ради быти во Христѣ и три дѣланіа, рекше тѣла ради и души и божества его; но сіе есть хула. Но по ближайшимъ, сиречь отъ божества совершеннаго и челочества совершеннаго, соединенна есть ипостась Христова. А если соединенна отъ совершенныхъ естествъ, убо послѣ-

...паки сумнителныхъ, яко предрекохомъ, воля нѣкогда силу ею жъ хощемъ изявляеть...

...а насъ егда бы бремя браку сложили, яко иноковъ пріимовати и блаженныхъ вводити...

...родителемъ совѣтуютъ, иже бы закосняли сыновомъ воспитанія, и къ нимъ все свое относили...

дуеть и отъ дѣлъ и воль различныхъ, понеже дѣла и воли не ипостасны, но въ естествахъ замыкаются неслїянне" (л. 101).

„Что есть сумнительна? Сумнителна наричется то, еже единымъ именемъ овогда тое, овогда иное нарицается, яко и въ сущемъ гдѣ глаголеть" (л. 199).

„И здѣ зрите, православные, и стережитесь того еретическаго узаконенія, яжъ дерзаютъ пущати жены свои безъ вины законные и ходити во иноческое житіе,—таковое есть повелѣніе тѣхъ презлѣйшихъ еретиковъ, а ни апостолскіи, а ни святыхъ отецъ, яко о томъ пространнѣй вамъ прежде насъ написалъ Максимъ преподобный, святогорскій инокъ, новопострадавшей о Христѣ о томъ же братіи безъ правды" (л. 234 об.).

„Тому подобная ересь и у нашихъ иноковъ лицемѣрныхъ и любостяжательныхъ явилася (а не истинныхъ),—учатъ бо отцовъ и ужиковъ нерадѣти о ближнихъ въ родѣ

(яже апостолъ рече, аще кто не промышляеть о своихъ, паче же о ближнихъ въ родѣ, вѣры отвергся, и есть горши невѣрнаго), но совѣтують и глаголють не давати, рече, имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, и давай къ манастырю, а за то тобѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное. И такъ земли христіянскіе уже знищили, иже военскій чинъ каликъ хужши учинили“ (л. 234 об.).

...рабовъ, бѣгающихъ отъ своихъ господей, доброволне пріемлють...

„Зрите, иноцы осифлянскіе и герасимянскіе и прочіе, и ужаснитеся, зане то, еже исполняете,—рабовъ бѣгающихъ со всякимъ краденіемъ отъ господей ихъ приемлете, сопротивъ правилъ седмостолпныхъ сіе творите, а тое зломудреное ереси наслѣдуете“ (л. 234).

...яже въ божественныхъ писаніяхъ ищуть нѣякого искусства..

„Сія ересь въ московской земли носится между нѣкоторыми безумными,—блядословять бо, непотреба, рече, книгамъ много учитися, понеже въ книгахъ заходятся человѣцы, сирѣчь безумѣють, або въ ересь упадають“ (л. 238).

...яко глаголемъ три человѣки, и три суть яже свидѣтельствують, вода и кровь и духъ, а трисъ чрезъ іоту, словесне за многократное...	„Трисъ, сія грецкая пословица есть, бо у нихъ множайше не складомъ ставятся, но единымъ словомъ подъ титломъ, або иными знаки обыкновенными, пачеже елладскимъ высочайшимъ языкомъ пишуще, сиречь еллински“ (л. 246 об.).
...подобаеть вѣдати показаніе быти лоики разсмотрѣнія...	„Лоика нарицается або бесѣдованіе, або истинныхъ отъ ложныхъ разсужденіе“ (л. 330 об.).
...и аще обрѣтенна была бы едина отъ непреборимыхъ ложная, або замкненіе, подъуловляющимъ свидѣтельствомъ есть, а не силогизмъ...	„Паралогизмъ, а по латине капцыоза аргументацыя або конклюзіо фаллаксъ, або деценціо перъ фалсасъ опиніонесъ, а по словенску подуловляющее свидѣтельство“ (л. 331).
...яко парменидосовъ глаголъ, понеже едину глаголалъ истотность...	„Парменидесъ философъ, Ксенефонтовъ ученикъ и другъ, отъ котораго имени Платонъ бесѣду, яжъ о идіахъ писалъ, Парменидомъ прозвалъ,—тотъ мнилъ все быти вѣчно и недвижимо, что бы было истотность по истинной вещи, ибо толико быти просто, и не боящееся, и нероженно, а рожніе оныхъ быти ложнымъ мнѣніемъ видятся быти, егда же не суть. А чувства отлученны ото ис-

тинны непщевалъ, понеже утвержалъ, аще что есть паче истотности, сіе не быти истотность, а ни истотность не быти въ вещахъ. А сице собѣ истотность въ живущихъ составлялъ, а землю разлѣйшимъ аеромъ спаденіемъ сотворенну блядословилъ“ (л. 332 об.).

...а таковыи есть центауровъ и сириновъ и троеляфовъ басни смышлены...

Къ слову „центауровъ“: „Людъ, о нихъ же поетове пишутъ, аки бы на полы человѣкъ былъ, а на полы конъ, подобно того ради, ижъ на конѣхъ битвы первіе началися“...

Къ слову „сириновъ“: „Дивъ морскій, образомъ дѣвица будуща по поясъ, а прочая рыба; поетове затеваютъ, три быти дщери Ахеліовы, яжъ прекраснымъ воспѣваніемъ человѣкь прельщають, сиречь усыпляють и потопляють, имъ же имена были: Парѳенове, Лигія и Леукозіа“...

Къ слову „троеляфовъ“: „Звѣръ есть, въ Фазѣ рѣцѣ плодящеся, браду козлову мающе, а во прочимъ еленю подобень, откуды смѣшанно съ еленя и козла“ (л. 333 об.).

...Несторій же и иные мнилъ соединенія, по достоянію глаголю и по почести, и по такости произволеніа...

„Несторій былъ сынъ Хлоридовъ и Нелеи, яжъ юношею бралъсе жива отца имѣюще сопротивъ епентомъ пелопоненскимъ людемъ; яжъ потомцы ліи нарицались, и потомъ егда у Перитеуса, на браку былъ, противъ Центаурои, яжъ и подалію одержати хотяше мужественне брался. Послѣди на войнѣ троянской, егда уже старъ былъ, бо три вѣки человѣческіе жилъ, съ пятюдесять кораблей съ нѣкоторыми грецкими началники подъ Трою приплылъ, въ девеносте лѣтехъ отъ рожденіа. А триста лѣтъ жилъ, внегда здравымъ совѣтомъ грекомъ зѣло помогалъ, понежъ многіе ради мудрости, яже долготы ради вѣку въ немъ собрана была, таковымъ словествомъ цвѣлъ, иже отъ его устъ паче медъ слодчайше исходило реченіе“ (л. 334). И т. д.

Изъ поясненій отдѣльныхъ словъ и выраженій отмѣтимъ:

Въ текстѣ:	На поляхъ:
по качеству	„по якости“ (л. 4).
хитрецъ	„промысленикъ“ (л. 4 об.).
случаю	„фортунѣ“ (л. 5).

проразумительный	„промышленникъ“ (л. 5 об.).
взятіемь	„лишеніемъ“ (л. 5 об.).
ипостась	„составъ“ (л. 7).
мнимапіа	„мнѣнія или непщеванія“ (л. 8).
не пары	„не дыханію“ (л. 8 об.).
силы	„моцы“ (л. 8 об.).
безъ часу	„безъ времени“ (л. 9 об.).
совсегдачно	„соприсносущно“.
якость	„качество“ (л. 11 об.).
думою	„совѣтомъ“ (л. 15).
сый	„иже есть“ (л. 17).
прикладне	„уподобленне“ (л. 18).
обятія	„страсти“ (л. 19 об.).
зъ ничесоже	„отъ небытія“ (л. 20).
вышше существенное	„пресущественное“ (л. 20).
зъ нарочитѣйшихъ	„зъ зацнѣйшихъ“.
аерь	„воздухъ“ (л. 22).
маестату	„величества“ (л. 23 об.).
обякновеніа	„извадки“.
надъ то	„къ тому“ (л. 25 об.).
и скорошествіе	„и прудкости“ (л. 27 об.).
не извратно	„не премѣнно“ (л. 28).
извратно	„премѣнно“.
силны	„крѣпцы“.
властели	„князи“ (л. 29).
изобретенна	„вымышлена“ (л. 30 об.).
стихіа	„елементъ“ (л. 31 об.).
скинію	„шатеръ“ (л. 32).
ставался	„былъ“ (л. 33 об.).
влажнѣйши	„мокротнѣйша“.
аргументованіа	„доводу, або свидѣтелства“.
драконы	„зміеве великіе“ (л. 39).
пиѳики	„обезяны“.
кринъ	„рожа лиліа“.

на врачеваніе	„на цѣлбу".
осоты	„волчецъ, албо репина".
жизнь	„животъ" (л. 42).
прировнанны	„уподобленны" (л. 43).
самымъ вырозумѣніемъ	„единымъ умомъ".
хвалителя	„поклонника" (л. 42).
искуства	„художества".
колера	„жолтая курчина" (л. 45).
преподобія	„доброты".
альчба	„гладъ".
сласти	„роскоши" (л. 46).
особы	„лица".
смилованіе	„милосердіе".
блаженствъ	„добротъ, албо благъ" (л. 47).
токающая	„біющаяся" (л. 48).
смаковъ	„вкушеней" (л. 49).
отстено	„ѣдко".
напряженіе	„натягненіе".
вырозумѣніа	„познаніа".
навыкнемъ	„научимся".
направленіе	„наставленіе".
гласъ	„глаголъ".
вожделеніа	„похоть" (л. 51).
естества	„прироженіа".
ово	„нѣкогда".
сеновне	„суптелне, албо тонце и прекрасне".
впоенна	„воображенна" (л. 52).
совѣтованіемъ	„порадою, албо думою".
думаетъ	„совѣтуетъ".
декретомъ	„усужденіемъ, албо уложеніемъ".
привержена	„подручна".

образователные	„ремесленные“ (л. 55).
нашей поставѣ	„нашему лицу, албо особѣ“.
риторовъ	„красноглагольниковъ“ (л. 58).
измѣнностяхъ	„извратностяхъ“ (л. 60).
вида два	„особы двѣ“ (л. 62).
попущаеть	„послабляеть“.
по естеству	„по прироженію“.
натрижненіе	„мзду“ (л. 65).
породы	„раю“ (л. 66)
срокгіи	„люты“ (л. 67).
придатъки	„прибавленми“
непщеваніе	„мнѣніе“ (л. 75).
безвременне	„безлѣтне“ (л. 76).
временъ	„часомъ“.
прещеніе	„трусъ“ (л. 81).
случаевъ	„припадковъ“.
лжепотвари	„лжеклеветанія“ (л. 84).
доброволенъ	„самовластенъ“ (л. 88).
гноменъ	„совѣтъ“ (л. 90).
избраніе	„изволеніе“.
уживаеть	„пріемлеть“ (л. 92).
хвѣющеяся	„колеблющаяся“.
ѳеологіи	„богословіа“ (л. 94).
простого	„нагаго“ (л. 95).
смущаеть	„смѣшаетъ, албо сливаеть“.
заисте	„поистинне“ (л. 104).
тропусъ перифразисъ	„тропусъ наричется фикгура, або образецъ“ (л. 106 об.).
возгорѣніе	„запаленіе“ (л. 110).
заступила	„встрѣтила“, або сопротивъ стала“.
линіею	„чертою“ (л. 121).
залогъ	„задатокъ“ (л. 123).

бѣдно	„трудовъ исполненно“ (л. 124).
катапетазму	„препону, або завѣсу“ (л. 128).
тужаще	„скорбяще“ (л. 130).
чрезъ звыклые	„обычными“.
чрезъ оное	„тѣмъ“.
нжь бы смы не были	„да не будемъ“.
обьявпли смы	„обявихомъ“.
надъ	„выше“ (л. 135).
почестоносцы	„мученики“ (л. 138).
зуграфа	„маляра“ (л. 139).
по писмени еѵрейскіе	„по алфавитамъ жидовскаго гласа“.
стихами	„виршами“.
приповести	„притчи“.
добротъ	„цнотъ“.
обычаи	„чины“ (л. 146).
сеновнымъ мышленіемъ	„тончайшею мыслію“.
въ естественной якости	„въ естественномъ качествѣ“.
подущеніа	„подстрецаніа“ (л. 150).
во умысль	„во умъ“ (л. 150).
молится по насъ	„ходатайствуетъ о насъ“.
и подъ ермомъ почіеть	„и подо игомъ обучится“ (л. 151).
благодати натрижненіе	„доброти мздовоздаяніе“.
насилствують	„разоряють“.
синагогу	„сонмище“ (л. 157).
распустное	„слабое“ (л. 158).
злаки	„зѣлія“ (л. 158).
во браздахъ	„на загонѣхъ“ (л. 161).
честныя царіе учредити	„порфироносящихъ царей угостити“.
силигнь	„колачь“ (л. 173).
злые ихъ образы	„грозные ихъ взоры“ (л. 174).

усужденіе	„декретъ“ (л. 175).
любовникомъ	„возлюбленнымъ“ (л. 176).
уподобленіе	„мѣрило“ (л. 177).
клевретство	„содруженіе“.
затѣмъ изообиловало	„надъ то збывало“.
особою	„поставою, або лицемъ“ (л. 179).
видъ отъ вида	„постава отъ поставы“.
равно	„единако“ (л. 180).
лоза	„прищепъ“ (л. 181).
олива	„маслица“ (л. 182).
слонъ	„алефантъ“.
брачитися и не брачитися	„пояти жену и не пояти“.
притчи	„вины“ (л. 186).
животное парящее	„птица парящаа“.
яж не уживаеть	„который непріятенъ“.
прикосновеніе	„доткненіе“ (л. 194).
ко пріятію	„ко уживанію (л. 196).
пріятіе	„уживаніе“ (л. 197).
уживати	„наслажатись“.
сложенный	„споенный“ (л. 200).
провидѣніе	„прозрителница“ (л. 203).
законъ	„уставъ“ (л. 206).
знаменитое	„нарочитое“ (л. 208).
тéрпимъ	„стражемъ“.
волненіа	„пристрастіа“ (л. 211).
возмущеніямъ	„страстемъ“ (л. 212).
отъ здателей	„отъ гончаровъ“ (л. 220).
отъ животныхъ	„отъ мясояденія“ (л. 221).
книжницы	„писари“ (л. 222).
астрологовъ	„звѣздозрителей“ (л. 223).
чернокнижными	„чаровными словы“ (л. 225).
цердоніяне	„красилники“ (л. 226).

θесародекатицы	„четыренадесятницы“ (л. 228).
каθаріи	„чистые“ (л. 229).
геомитрійскими	„землемѣрителными“ (л. 231).
императорѣхъ	„повелителѣхъ“ (л. 237).
навѣтницы	„потварцы“ (л. 238).
смыслилъ	„замыслилъ“ (л. 240).
народовъ	„языковъ“.
куряшесь	„дымяшесь“ (л. 241).
еллинскимъ	„поганскимъ“.
еиконоклясти	„иконосокрушители“.
выну	„всегда“ (л. 243).
о неназнаменованномъ	„о непостижимомъ“.
тріипостаснаго	„трисоставнаго“.
катавасію	„согласіе, або схоженіе“.
спадку	„склоненію, або согласію“.
аеровъ	„воздуховъ“ (л. 255).
монархіа	„единоначаліа“.
телете	„приношеніе, або жертву таинственную и безкровную“ (л. 259).
раменемъ	„десницею“ (л. 260).
сумнителные	„проблимата“.
римата	„рѣчи, або глаголанія“.
писаніе твое	„коранъ твой“.
законоставители	„законоположители“ (л. 263).
коприну	„шолкъ“ (л. 277).
дукатное	„сребреницъ“.
шкодящихъ	„тщетныхъ“... И т. д.

III. *Отдѣльныя „слова“ Василія Великаго, Григорія Богослова* и *Діонисія Ареопагитскаго*. Переводы эти не дошли до насъ; но объ нихъ Курбскій упоминаетъ въ письмахъ къ Марку Сарыгозину и Кузьмѣ Мамоничу.

IV. *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.* Переводъ ихъ приписывается также Курбскому; рукопись въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ собраніи Ундольскаго [№ 182; въ концѣ].

V. *Діалогъ патр. Геннадія.* Къ переводу „Діалога" присоединено любопытное предисловіе переводчика. Переводъ изданъ былъ въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Вильнѣ въ 1585 году; находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки, XVI—XVII вв. [№ 191], а также въ рукописи XVII в. Соловецкой б-ки Казанской Духовной Академіи [№ 510].

VI. *Слово о св. Духѣ,* неизвѣстнаго проповѣдника, несправедливо приписанное Іоанну Златоусту. Переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI—XVII в. [подъ № 191, на лл. 564—574]; приписывается Курбскому на основаніи особенностей языка.

VII. *Отрывки изъ исторіи Евсевія,*—встрѣчаются въ упом. рукописяхъ сочиненій и переводовъ Курбскаго.

Большой интересъ для мѣстнаго западно-русскаго православнаго общества могла представлять *Исторія флорентійскаго собора,* написанная Курбскимъ въ Литвѣ. Главнымъ источникомъ для Курбскаго служила здѣсь „Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная",—авторомъ которой одни изслѣдователи называютъ острожскаго клирика Василія, другіе Смотрицкаго. Къ своей „Исторіи" Курбскій приложилъ *Отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви правовѣрной.* Отвѣтъ этотъ, по мнѣнію проф. Петровскаго, ни иное что, какъ извлеченіе изъ того же „сказанія о Листрійскомъ соборѣ", сдѣланное, можетъ быть, въ формѣ посланія, но дошедшее до насъ въ испорченномъ спискѣ.

Въ Литвѣ была написана Курбскимъ и извѣстная *Исторія Князя Великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у*

достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима. Сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна Грознаго, отъ дѣтства его до 1578 года. „Исторія“ писана, вѣроятно, около 1577—1578 г.

Какъ извѣстно, отсюда же, изъ Литвы, были писаны Курбскимъ и знаменитыя *письма* его къ Грозному.

Перечисленные нами литературные труды Курбскаго, отражая на себѣ умственное и религіозное движеніе общества, среди котораго Курбскому пришлось доживать свой вѣкъ, несомнѣнно въ значительной степени поддерживали и усиливали общее возникшее въ странѣ движеніе. Курбскій, какъ мы видимъ, принимаетъ въ борьбѣ живѣйшее участіе, оказываетъ ей горячую поддержку... Не менѣе видная роль принадлежала здѣсь и другому современнику, князю К. К. Острожскому. Это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Великаго Княжества Литовскаго, и свое вліяніе сохранялъ въ продолженіе полустолѣтія, въ эпоху особенно богатую событіями общественной, политической и религіозной жизни.

Родъ князей Острожскихъ, черезъ князей Галицкихъ, идетъ отъ св. Владиміра. Благочестіе было въ немъ наслѣдственно; одинъ изъ представителей, кн. Ѳедоръ, знаменитый въ исторіи борьбою за независимость Руси противъ Польши, считается святымъ,—подъ конецъ своей жизни онъ постригся въ иноки, и мощи его почиваютъ въ ряду кіевопечерскихъ угодниковъ. Правнукомъ св. Ѳеодора былъ Константинъ Ивановичъ Острожскій,—отецъ Константина Константиновича, борца за православіе. Ни у кого изъ литовско-русскихъ князей не было въ XVI в. столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ владѣнія состояли изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 670 селеній,—кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ и церквамъ; ежегодные доходы ихъ, не считая поземельныхъ оброковъ и податей съ корчемъ и лавокъ,

простирались до 1,200,000 злотыхъ. Ихъ дворъ содержался съ царской пышностью: различныхъ служащихъ при дворѣ было до 2000. Явилась даже пословица: „богатъ, какъ Острожскій“...

Громадныя богатства давали кн. К. К. Острожскому полную свободу для самой широкой общественной дѣятельности. Въ противоположность отцу, князь Константинъ Константиновичъ, по замѣчанію одного изъ историковъ, „не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями“, тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи южной Руси было велико и могущественно... Впрочемъ, выросши въ понятіяхъ феодальнаго государственно-общественнаго строя и имѣя въ своемъ отцѣ К-нѣ Ив-чѣ примѣръ преданности польскому королю и интересамъ государства, съ которымъ южная Русь была въ династическомъ союзѣ, онъ не могъ своимъ умомъ стать выше понятій и порядковъ того времени, не имѣлъ настолько и энергіи, чтобы, опираясь на свое высокое положеніе и богатства, положить рѣшительный отпоръ затѣянному на его глазахъ политическому сплоченію литовской Руси съ Польшею и распространенію на нее польско-общественнаго строя. Если К. К. Острожскій одинъ изъ первыхъ протестовалъ на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія Литвы, тѣмъ болѣе Украйны, Волыни и Подоліи, съ Польшей, то въ слѣдъ за тѣмъ, видя рѣшительную волю на это короля,—онъ же въ числѣ первыхъ и подписалъ актъ этого соединенія... Съ королемъ и дворомъ его связывали фамильныя традиціи, съ польскими магнатами родственныя и общественныя отношенія; къ тому же политика сліянія двухъ государствъ, польскаго и литовско-русскаго, пустила къ этому времени уже такіе глубокіе корни, что сторонниковъ ея можно было найти не только между чинами независимой польской партіи, но и между представителями литовско-русской народности... Фактическое объединеніе было

теперь уже въ такомъ положеніи, что оставалась не тронутою одна только сторона,—различіе въ вѣрѣ, которое за то и чувствовалось больше, чѣмъ когда либо...

При всемъ сочувствіи къ польскому общественно-политическому строю, кн. К. К. Острожскій все же оставался преданнымъ православію, былъ, по выраженію современниковъ, „отцомъ и благодѣтелемъ Руси, рачителемъ благочестія, окомъ и свѣтиломъ церковнымъ"; православные видѣли въ немъ „вѣрнаго стража дому Божію, самимъ Богомъ избраннаго"... Дѣйствительно, Острожскій не жалѣлъ своихъ громадныхъ средствъ на защиту и поддержку родной вѣры, на распространеніе образованія въ западно-русскомъ православномъ обществѣ. Князь ведетъ непосредственныя сношенія съ восточными патріархами, выписываетъ съ Аѳона книги, которыя были бы полезными православнымъ въ ихъ борьбѣ съ католиками, вызываетъ изъ Греціи ученыхъ для преподаванія въ устроенной имъ въ Острогѣ высшей школѣ, поручаетъ переводить отеческія сочиненія или писать новыя въ защиту православія, заводитъ школы для обученія дѣтей,—типографіи для печатанія и распространенія церковно-богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ и т. д. и т. д... По порученію кн. К. К. Острожскаго, Іовъ Борецкій, „мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добрѣ умѣвый", воспитанникъ львовской школы, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій,—переводитъ съ греческаго языка *посланія* алекс. патр. Мелетія къ Ипатію Поцѣю и *діалогъ* того-же патріарха о православной вѣрѣ. По мысли и порученію князя составляется капитальной важности полемическое сочиненіе — *Апокрисисъ*. Особенно важны были заводимыя кн. Острожскимъ школы и типографіи. Въ 1572 году открывается на его средства школа въ Туровѣ, въ 1577 г. во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1580 г. въ Острогѣ. Вскорѣ затѣмъ открыты были имъ же школы въ

Слуцкѣ и въ Кіевѣ. Особенно важной изъ этихъ школъ была школа Острожская.

Задумавъ основать высшую школу въ Острогѣ, кн. К. К. Острожскій обратился прежде всего къ констан. патріарху, и извѣщая о принятомъ намѣреніи, просилъ патріарха прислать ему изъ Греціи способныхъ учителей, обѣщая съ своей стороны вполнѣ обезпечить ихъ во всемъ. Школа была открыта, и въ ней учили не только элементарнымъ предметамъ: чтенію, пѣнію, письму, языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому, но и такъ называемымъ „наукамъ вызволенымъ" (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ и пр. Въ Острожскую школу стекалась масса молодыхъ людей, какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества. Въ числѣ преподавателей острожской школы были такія лица, какъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, человѣкъ широко образованный, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ, и Никифоръ Грекъ, экзархъ константинопольскаго патріарха. Въ слѣдственномъ дѣлѣ, происходившемъ въ 1597 году, вслѣдъ за брестскимъ соборомъ,—Никифоръ о себѣ сообщаетъ: „...Далъ о себѣ справу, што есть за человѣкъ, яко былъ въ Падвѣ (Пацуѣ) колько лѣтъ лекторомъ наукъ еллинскихъ и грецкихъ, жесь и Польща полна слухами наукъ его; яко зась у Венецыи былъ казнадѣею семь лѣтъ въ церкви грецкой св. Марка, о чомъ много зацныхъ людей знаютъ; а потомъ, вернувшися до Константинополя, зосталъ великимъ протосинкгеломъ патріаршего ѳрону константинопольскаго, и по два кроть былъ справцею столицы патріаршей, чого посвѣтчутъ вси христіяне, а теперь посланъ отъ столицы патріаршей константинопольской тутъ, до славной сдавна епархіи вашей (западно-русской)"... По прибытіи въ литовскую Русь въ 1596 году, Никифоръ остановился въ Острогѣ, въ острожской школѣ,—между прочимъ „для отправованія наукъ вызволе-

ныхъ", и не смотря на лестныя предложенія Яна Замойскаго, который приглашалъ его въ свой, основанный не задолго до того, коллегіумъ,—„тыя науки свои выкладати чужимъ не изволилъ, помнячи на оныя слова Спасителя: „не слушная рѣчь отняти хлѣбъ дѣтемъ и поврещи псомъ"... Вообще образованныхъ грековъ въ Острогѣ всегда бывало не мало. Призывая ихъ, Острожскій подготовлялъ и своихъ мѣстныхъ дѣятелей просвѣщенія, собирая и ихъ отовсюду. Не было недостатка и въ книгахъ; такъ пресвит. Василій въ своемъ трудѣ, составленномъ въ Острогѣ, пользуется не только обширнымъ собраніемъ твореній отцовъ греческой церкви, но и множествомъ сочиненій западныхъ и польскихъ писателей. Свою плодотворную дѣятельность Острожская школа продолжала и въ XVII вѣкѣ.

Щедротамъ и ревности князя К. К. Острожскаго западнорусская церковь и народъ обязаны основаніемъ типографій въ Острогѣ и Дермани (при дерманскомъ монастырѣ). Въ послѣдней еще при жизни князя было издано нѣсколько книгъ, богослужебныхъ, полемическихъ и правоучительныхъ; главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ пресвитеръ Даміанъ. Что касается первой, то помимо значительнаго числа богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, ею выпущенныхъ, величайшимъ ея дѣломъ было изданіе *Славянской Библіи* (въ 1580—1581 гг.)...

До насъ дошло множество *писемъ* и *воззваній* князя Острожскаго по дѣлу брестской уніи, показывающихъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Когда стала вполнѣ ясною цѣль задуманной уніи,—она встрѣтила съ его стороны самый рѣшительный протестъ. Отличаясь всегда терпимостью въ дѣлахъ вѣры, окруженный постоянно выдающимися учеными разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, сносясь и съ римскимъ папою и патріар-

хомъ константинопольскимъ, оказывая гостепріимство и іезуитамъ и суровымъ отшельникамъ Аѳона, принимая съ радушіемъ представителей и протестанства и социніанства и кальвинства, не говоря уже о духовенствѣ греческомъ,—переписывались и съ польскими магнатами и панами и русскими православными архіереями и братчиками и т. д. и т. д., болѣя душою о непорядкахъ въ русской церкви и разладѣ въ государствѣ, вслѣдствіе борьбы національностей и исповѣданій, хлопоча самъ не малое время о примиреніи церквей польско-католической и русско-православной, о соединеніи ихъ подъ одною іерархическою юрисдикціею,—князь Острожскій иногда не безъ основаній терпѣлъ укоры какъ бы въ индифферентизмѣ... Подъ конецъ своей жизни онъ впрочемъ сталъ дѣйствовать тверже и рѣшительнѣе,—ополчился всѣми силами своего ума и образованія, всѣмъ могуществомъ своего общественнаго положенія и вліянія на защиту родной церкви, обманомъ и насильствомъ приводимой въ подчиненіе римскому престолу... Извѣстно горячее и мужественное участіе кн. Острожскаго въ дѣлахъ брестскаго собора 1596 г., когда рѣшено было объявить церковную унію, столь искусно задуманную и проведенную іезуитами, подкрѣпленную всѣми силами польскаго правительства и общества, принятую самими русскими епископами съ митрополитомъ во главѣ: ободренные присутствіемъ кн. Острожскаго, оставшіеся вѣрными православію представители духовенства, дворянства и братствъ, сгруппировавшись около него вмѣстѣ съ двумя, оставшимися вѣрными православію епископами—провозгласили низложеніе отступниковъ-владыкъ и полное отдѣленіе отъ союза съ Римомъ русской православной церкви... Если кому обязана была въ эту критическую минуту западно-русская православная церковь нравственной защитой и поддержкой,—прежде всего и болѣе всего авторитету князя К. К. Острожскаго...

К. К. Острожскій умеръ въ глубокой старости въ 1608 г., не переставая до конца жизни своей поддерживать

заведенныя имъ и другими школы, типографіи и братства, покровительствовать монастырямъ и церквамъ,—бороться за цѣлость вѣры и народности...

Передъ нами—пора особаго религіознаго возбужденія. Западно русская православная церковь находится въ исключительномъ положеніи, и лучшіе люди края не могутъ не видѣть этого... „Кто захочетъ съ какой-либо стороны коснуться XVI вѣка,—замѣчаетъ одинъ изслѣдователь,—долженъ имѣть въ виду религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ. Кто обойдетъ ее, тотъ по необходимости останется или одностороннимъ или непонятнымъ"... Возбужденіе особенно усиливается къ концу вѣка, къ моменту брестской уніи,—и вслѣдъ за нею. Какъ сильно было это возбужденіе, показываетъ длинный рядъ горячихъ *протестовъ*, со всѣхъ сторонъ раздавшихся въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о готовящейся совершиться уніи, а также въ самый моментъ Брестскаго собора и послѣ него. Протесы прежде всего заявлены были со стороны представителей православной литовско-русской аристократіи. 24 іюня кн. Острожскимъ обнародовано было горячее воззваніе ко всѣмъ православнымъ обитателямъ Литвы и Польши, духовнымъ и свѣтскимъ,—съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ родной вѣры... Въ Вильнѣ, лишь только стало извѣстно, что митрополиты и епископы измѣнили своей вѣрѣ и составили актъ объ уніи (въ іюнѣ 1594 года),—тотчасъ-же заявлены были протесты со стороны виленскихъ правосланыхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, со стороны виленскаго духовенства и троицаго братства. Вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ обнаруживаться движенія въ Львовѣ, Вильнѣ, Новогродкѣ...

Изъ Вильны, отъ православныхъ бурмистровъ, радцевъ и лавниковъ, 13 іюля отправлены были послы къ виленскому воеводѣ,—съ заявленіемъ, что „въ народѣ русскомъ, для котораго теперь настало несчастное и плачевное время, происходятъ тревога и волненіе отъ старшихъ его въ законѣ греческомъ, отъ владыкъ и самаго митрополита, и притомъ не въ одной только Вильнѣ, но и во всѣхъ панствахъ его королевской милости“... Въ то-же время священники виленскаго троицкаго братства и особенно дидаскалъ братской школы Стефанъ Зизаній—разглашаютъ въ народѣ, что митрополитъ и владыки „продали“ свою вѣру... Протесты вызвали строгія грамоты измѣнника-митрополита лѣтомъ 1595 года, но грамоты эти мало дѣйствовали: не смотря на угрозы, духовенство обращается (въ ноябрѣ 1595 года) съ протестомъ къ новогродскому воеводѣ Скумину, который въ Новогродкѣ самъ явился противникомъ уніи; онъ проситъ кн. Острожскаго ходатайствовать передъ королемъ о назначеніи собора для разсмотрѣнія церковныхъ замѣшательствъ... Тогда-же, по распоряженію Острожскаго, разсылаются по всей Литвѣ *листы*, печатавшіеся съ его именемъ въ Острогѣ,—съ обличеніями митрополиту; послѣдній называется „отступникомъ“ „Іудой - предателемъ“... Въ сентябрѣ заявляютъ самый рѣшительный протестъ противъ уніи братство львовское и члены братства брестскаго. Нѣсколько десятковъ протестовъ было прислано и на Брестскій соборъ 1596 года. О многочисленныхъ протестахъ православныхъ говоритъ и авторъ „Апокрисиса“, который нѣкоторые изъ нихъ приводитъ въ своей книгѣ... Прискорбныя послѣдствія уніи также уже очень скоро сдѣлались очевидными для современниковъ, и православныхъ и католиковъ. Въ 1622 году, не задолго до своей смерти, въ прощальномъ письмѣ къ королю, Сагайдачный между прочимъ писалъ: „Монаршіе вашего королевскаго величества позѣ смиренно обняв-

ши, покорне и слезне прошу, дабы... унія, за милостивымъ вашего найяснѣйшого королевского величества позволѣнемъ теперъ з Руси черезъ святѣйшого Феофана патріарху Іерусалимского знесенная,—абы впредъ въ той-же Руси никогда не обновлялася, и своихъ роговъ не возносила. Маютъ бо, вѣмъ, отцы іезуити и все духовенство костела римского (и безъ православныхъ), кого до унѣи своей наворочати и присвояти,—тыхъ народовъ, которые отнюдъ не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ стятыхъ апостолскихъ и отеческихъ преданій и догматовъ, безъ жадной унѣи и схизмы придержащися, не отчаваемся нашого спасенія и блаженного живота вѣчного"... „Унія проклятая, говоритъ другой современникъ, такъ потурбовала панство тое спокойное, же не тылко въ краинахъ, въ князствахъ, повѣтахъ, въ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селахъ селянанъ зъ селянами, мѣщанъ зъ мѣщанами, жолнеровъ зъ жолнерами (бо и зъ козаками внутрная непотребная война о томъ была), пановъ зъ подданными, родичовъ зъ дѣтками, а и духовныхъ зъ духовными, на остатокъ монаховъ зъ монахами—до гнѣву непогомованого (неукротимаго) приводила, приводитъ и нещасливе разжариваетъ"... Точно также отзывается о послѣдствіяхъ уніи литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга въ своемъ письмѣ къ Іосафату Кунцевицу...

Западно-русская литература конца XVI—перв. пол. XVII вв. была отчасти спутницей, отчасти являлась дальнѣйшимъ развитіемъ и результатомъ того широкаго умственно-религіознаго движенія, которое, въ виду приблизившагося могущественнаго и грознаго врага, католичества, охватываетъ собою всю юго-западную Русь къ концу XVI—началу XVII вв.,—того горячаго одушевленія и любви къ своей вѣрѣ и народности, которыми полна была просвѣтительная дѣятельность и цѣлыхъ братствъ и частныхъ отдѣльныхъ лицъ...

По самому характеру движенія, въ связи съ которымъ она развивалась,—возникшая литература была почти исключительно духовная. Наиболѣе обширный отдѣлъ ея составляли книги богослужебныя, какъ самыя необходимыя для церковной практики, къ тому же нерѣдко употреблявшіяся и для домашняго чтенія: 1) евангелія, образцами для изданія которыхъ едва ли не служили первопечатныя московскія изданія пол. XVI в.; 2) апостолы, т. е. Дѣянія и Посланія свв. Апостоловъ, изданія которыхъ были перепечаткой первопечатнаго московскаго изданія *Апостола* 1564 г.; 3) псалтыри, простыя [учебныя и для домашняго употребленія], и „съ возслѣдованіемъ“ [„слѣдованныя“, приспособленныя къ церковнымъ службамъ]; 4) разнаго рода „молитвы повседневныя“, молитвенники, приспособленные отчасти къ церковнымъ службамъ, отчасти для домашняго употребленія; 5) служебныя минеи и тріоди, „общія“, „мѣсячныя“ и „праздничныя“, „цвѣтныя“ и „постныя“, различные „анѳологіоны“, „трефологіоны“ и т. п.; 6) часословы или часовники, отчасти входившіе въ изданія „Слѣдов. Псалтырей“, отчасти составляющіе самостоятельную церковно-богослужебную книгу, съ обычнымъ присоединеніемъ „мѣсяцеслова“, „пасхаліи“ и „лунника“, а иногда и др. статей,—не рѣдко также, служившіе какъ въ московской, такъ и въ юго-западной Руси, и книгой учебной; 7) служебники и требники, иначе „литургіаріоны“ [въ греческой церкви обѣ эти книги нерѣдко составляли одну книгу—евхологіонъ, молитвеникъ, молитвословъ; когда же Служебникъ отдѣлялся отъ Требника, онъ содержалъ въ себѣ, по греческимъ изданіямъ, только однѣ литургіи, и назывался Литургіаріонъ]; 8) октоихи [осмогласники] и ихъ сокращеніе, так. наз. шестодневы или шестодневцы, канонники, акафистники, и т. д. и т. д. Изданія такихъ книгъ были наиболѣе частыми. Нужно замѣтить, православные богослужебныя книги къ пол. и къ концу XVI в.,

какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ юго-западной Руси, находились въ положеніи крайне печальномъ, — и тамъ и здѣсь въ нихъ свободно „опись прибавлялась къ описи и недописи"... Очень немногіе списки были болѣе или менѣе исправны; большая же часть была—„разстлѣнна отъ преписующихъ ненаученыхъ сущихъ и неискусныхъ въ разумѣ, овоже и неисправленіемъ пишущихъ"... Въ юго-западной Руси порча богослужебныхъ книгъ, помимо тѣхъ же причинъ, зависѣла еще отъ другихъ, мѣстныхъ. Непосредственная близость западнорусской церкви къ латинству не могла не оставлять значительныхъ слѣдовъ на ея богослужебной практикѣ, — тѣмъ болѣе, что уже очень рано стали появляться переводы католическихъ богослужебныхъ книгъ на славянскія нарѣчія, для славянъ Далмаціи, Илиріи, Босніи, Валахіи, во множествѣ распространявшіеся уже въ рукописяхъ, и еще болѣе, съ возникновеніемъ книгопечатанія, въ печатныхъ изданіяхъ. Лучшихъ представителей времени поражала въ западно-русскихъ богослужебныхъ книгахъ [равно какъ и въ книгахъ Московской Руси]—общая ихъ неупорядоченность, слѣды разногласій и несходства между собою, и прямыя ошибки текста,—множество описокъ и опечатокъ чисто грамматическихъ, логическихъ искаженій, отсутствіе съ одной стороны, очень многихъ необходимыхъ молитвъ и чиновъ, съ другой, помѣщеніе молитвословій, совершенно излишнихъ, характера апокрифическаго, даже миѳическаго и т. п... Порча богослужебнаго текста производила порчу церковныхъ обрядовъ,—на которую такъ нападаютъ въ кон. XVI—нач. XVII в. враги православныхъ, и присутствіе которой не отрицали и сами православные; а порча обрядности, въ свою очередь, не могла не вліять на дальнѣйшія искаженія текста, —особенно въ виду полной свободы и безконтрольности печатанія... Важнѣйшія попытки къ исправленію западно-русскихъ богослужебныхъ книгъ принадлежали львовск. еп. Ге-

деону Балабану [† 1607] и въ особенности кіевскому митр. Петру Могилѣ [† 1649].

Отмѣчаемъ въ порядкѣ хронологическомъ важнѣйшія западно-русскія изданія въ отдѣлѣ книгъ богослужебныхъ,—уже на этомъ отдѣлѣ мы видимъ быстрое развитіе въ краѣ типографской и книжной дѣятельности:

1. *Апостолъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1573—74 гг., Иваномъ Ѳедоровымъ]. Къ книгѣ приложена „Повѣсть, откуду начася и како совершися друкарня сія (львовская)",—гдѣ Ѳедоровъ разсказываетъ о печальныхъ обстоятельствахъ своей жизни и о возникновеніи львовской типографіи... Сначала онъ былъ печатникомъ въ Москвѣ; „но презѣлнаго ради озлобленія, часто случающагося намъ, не отъ самого того государя, но отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые на насъ зависти ради многія ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити, якоже обычай есть злонравныхъ и ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ человѣкъ, ниже грамотическія хитрости навыкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло пронесошѧ. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себѣ навѣтующи, не разумѣетъ, како ходитъ и о чемъ утвержается. Сія убо насъ отъ земля и отечества и отъ рода нашего изгна, и въ ины страны незнаемы пресели"... Въ Литвѣ Ѳедоровъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ и по занятіямъ и по судьбѣ, Петромъ Мстиславцевымъ — нашли самый радушный пріемъ у гетмана Ходкевича: „Прія насъ любезно, разсказываетъ Ѳедоровъ,—и упокоеваше насъ не мало время и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще же и сіе не доволно ему бѣ, еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) немалу дарова ми на упокоеніе мое,—намъ же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа, и слово Его по вселеннѣй разсѣевающе", прибавляетъ онъ, давая такимъ образомъ знать о своихъ трудахъ по печатанію

книгъ въ имѣніи Ходкевича. Вскорѣ однако болѣзни и старость принудили гетмана прекратить изданіе книгъ, и онъ предложилъ печатникамъ поселиться навсегда въ деревнѣ и отдаться сельскимъ трудамъ; но „неудобно ми бѣ, продолжаетъ Өедоровъ, раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати,—имамъ убо вмѣсто рала художьство наручныхъ дѣлъ съсуды, вмѣсто же житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати"... Для разсѣянія этихъ „сѣменъ", онъ отправился въ Львовъ, чтобы здѣсь продолжать свои труды по печатанію книгъ; но тутъ ему пришлось испытать большія неудачи: „Обтицахъ многащи богатыхъ и благородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ, и метаніе сътворяя колѣномъ касаяся и припадая на лицы земномъ, сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывахъ, и сіе не единою, ни дващи, но и многащи сътворяхъ. И въ церкви священнику всѣмъ въслухъ повѣдати повелѣхъ. Не испросихъ умиленными глаголы, не умолихъ многослезнымъ рыданіемъ, не исходатайствовахъ никоея же милости іерейскими чинми,—и плакахся прегоркими слезами, еже не обрѣтохъ милующаго, ниже помагающаго; не точію же въ русскомъ народѣ, но ниже въ грекахъ милости обрѣтохъ"... Лишь съ помощью нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ („мали нѣцыи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мірѣ обрѣтошася, помощь подающе"...)—онъ приступилъ къ печатанію *Апостола* и окончилъ его въ 1574 г. Вскорѣ послѣ того типографія, принесенная Өедоровымъ въ Львовъ, перешла въ вѣдѣніе мѣстнаго братства, самъ же Өедоровъ удалился въ Острогъ, и сталъ работать въ типографіи кн. К. К. Острожскаго...

2. *Четвероевангеліе* [напеч. въ Вильнѣ въ 1574—1575 гг., бѣжавшимъ изъ Москвы Петромъ Мстиславцевымъ]. Въ послѣсловіи издатель указываетъ на „нынѣшнее время лукавое, посредѣ рода строптива и развращенна"... Книга издана

на средства Мамоничей,—въ дому которыхъ нашелъ пріютъ для себя и самъ издатель: „въ дому ихъ сіе дѣло строихъ. и во всемъ насъ упокоеваху“, замѣчаетъ Мстиславцевъ въ послѣсловіи...

3. *Осмогласникъ* [нап. въ Вильнѣ, 1582 г., „великонедостоинымъ раб. бож.“ В. М. Гарабурдою]. Извиняясь передъ читателемъ въ могущихъ быть погрѣшностяхъ, издатель замѣчаетъ: „Аще будетъ въ нѣкоемъ погрѣшено, моего ради небреженія или малоумѣтелства ума моего, милостиви и незазорьливи ми бывайте, чтите, а не кляните; понеже не писа Духъ Св., а ни ангелъ, но рука грѣшна и бренна... Медъ убо, аще и въ несребряныхъ или въ златыхъ сосудѣхъ. но и на корѣ не премѣняеть своего естества сладости: сице и бож. писанія не прелагаются инако, грубости ради и нелѣпотнаго художества“...

4. *Служебникъ, или Божественныя литургіи Василія Великаго, Григорія Двоеслова и Іоанна Златоустаго* [нап. въ Вильнѣ, въ 1583 г. на средства Мамоничей]. Переводъ съ греческаго. Книга издавалась „ко очищенію и исправленію ненаученыхъ и неискусныхъ въ разумѣ книгописецъ,—дабы во церквахъ божіихъ служащіи іереи по искусныхъ и исправленныхъ книгахъ служили и отправовали службы“... Изданіе это, какъ первое напечанное въ Россіи, служило образцомъ для нѣкоторыхъ другихъ, послѣдующихъ.

5. *Правило истиннаго живота христіанскаго* [нап. въ Острогѣ, въ 1598 г.]—Псалтырь Слѣдованная. Изданіе довольно своеобразное. За „предисловіемъ“ между прочимъ слѣдуетъ обширная статья „о премѣненіи каледара“,—гдѣ вмѣстѣ съ полемикой противъ „богопротивнаго новоутвореннаго календаря“, рядомъ съ подробными астрономическими вычисленіями, сообщаются и общія свѣдѣнія: „Вѣдати и се непотребно есть, яко лѣто, сирѣчь годъ единъ, четырма вре-

мены вѣнчаемо, или окружаемо состоится, то есть весна, лѣто, осень, зима; се единъ годъ именуется, онъ же съдержитъ... въ собѣ мѣсяцей 12, водлугъ солнечнаго теченія; мѣсяць же иматъ седмицъ 4 и дней 2 и часовъ 10 и польчаса; седмица же иматъ дней 7, день же иматъ часовъ 24, тѣмъ же въ всемъ лѣтѣ въ 12 мѣсяцахъ солнечному обыходу есть седмицъ рекше недѣлъ 52 и часовъ 30. Се же все розложивши на дни, обрѣтается въ единомъ году днїй 365 и четверть дня, сирѣчъ часовъ 6,—за толико бо время округъ солнечный обращается отъ черты, сирѣчъ отъ кресу извѣстнаго, еже есть отъ равноденства весеннаго теченіе, свое зачинаа, паки до того жъ кресу достизаетъ. Сего ради оны шесть часовъ, яже въ всемъ лѣтѣ надъ дни избываютъ, наполняютъ въ четырехъ лѣтѣхъ часовъ 24, отъ нихъ же день составляется четвертаго лѣта, его же висекосъ наречено"... И т. п. Авторъ доказываетъ, что солнечное и лунное теченіе съ пасхаліею, предано есть христіаномъ не на волхвованіе и недовѣдомыхъ небесныхъ вещей шепераніе, а рекше гмыряніе,—еже чюже есть истинномъ христіаномъ, но точію да быхмо сими истинный день спасительныя Пасхи обрѣтали"... Далѣе слѣдуетъ краткое наставленіе о „пѣніи" Псалтыри [„поющему подобаетъ и разумъ глаголемыхъ въ пѣніи имѣти,—поющыхъ бо не тако, но токмо шумъ совершающыхъ, отмѣтаетъ Богъ"...],—„предисловіе въ Псалтырь" и самый текстъ псалмовъ. Псалтырь раздѣлена на каѳизмы... За Псалтырью идетъ Часословъ, далѣе Мѣсяцесловъ,—гдѣ между прочимъ названія мѣсяцевъ приводятся и по славянски: „Мѣсяць мартъ рекомый по римскы, мы же отъ вации въ время то сущіа нарицаемъ его березозолъ, иматъ днїй 31...; мѣсяць априль рекомый по римскы, мы же квѣтень нарицаемъ его, зане въ томъ цвѣты явяти начинаются, иматъ днїй 30..; мѣсяць май рекомый по римски, мы же травень именуемъ сего, иматъ днїй 31... Далѣе:

„Отъ завѣщаній божественныхъ апостолъ и отъ жителства святыхъ отецъ преданіе, како подобаетъ инокомъ и христіаномъ жити“, —наконецъ различныя молитвы, каноны, и т. п. При изданіи книги трудился „многогрѣшный и хуждьшій въ христіанѣхъ убогій Василій“.... Довольно своебразными изданіями Псалтыри были изданія, выходившія изъ типографіи Кутеинскаго монастыря; первое вышло, предполагаютъ, ок. 1630 г. подъ заглавіемъ: *Брашно Духовное.* Были изданія и болѣе позднія. Въ 1658 г. изданіе кутеинскихъ Псалтырей было запрещено патріаршей грамотой, потому что—„тѣ псалтыри не исправны“ [Акт. Ист., IV, № 126].

6. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1602 г.]. Изданъ— „ученія ради отрочятъ, повелѣніемъ.. кн. Констентина... Острозскаго“... Одно изъ изданій „учебнаго Часослова“.

7. *Божественная литургія... Іоанна Златоустаго, Василія В. и преждеосвященная*, [нап. въ Стрятинѣ, мѣстечко Бережанскаго округа, принадлежавшее фамиліи Балабановъ, „въ новосъоруженой типографіи“, въ 1604 г.]. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица львовскаго еп. Гедеона Балабана, говорится между прочимъ о необходимости, видя „паденіе наше“, заведенія въ странѣ „гимнасіи и типографіи,—умноженіа ради книгъ въ преподаніе разума“... Издана книга—„от древнихъ опасно имѣющихся зводъ стяжавши, прилежно изслѣдивше и исправивше“... Издатели обѣщаются издать въ скоромъ времени, „не косня“, „едина по друзѣй“—и другія книги „съгласне съ греческими вслѣдованми имѣющихся“, и не только для простыхъ людей, но и „учителей церковныхъ наученіа ради“, „инѣми языки и писанми“... „Исправителемъ“ книги былъ Гедеонъ Балабанъ, вмѣстѣ „съ изряднымъ рачителемъ благороднѣйшимъ господиномъ Ѳедоромъ Балабаномъ“,—послѣднему принадлежала и самая мысль о ея исправленномъ изданіи... Типографія и училище открыты были Балабаномъ въ Стрятинѣ въ 1597—

1604 гг, подъ вліяніемъ посланія патр. Мелетія, убѣждавшаго западно-руссовъ основывать у себя „гимнасіи и типографіи“...

8. *Охтаикъ* [нап. священ. Даміаномъ, въ 1604 г., въ Дерманскомъ монастырѣ; Дермань—мѣстечко въ Дубенскомъ уѣздѣ Волынской губ.]. Въ предисловіи упоминается о смерти кн. Александра, сына кн. К. К. Острожскаго: „Велій плачь и жалость отцу же и чадомъ остави, наипаче же христіаномъ, вси бо бяху чающе помощъ тѣмъ улучити въ бѣдахъ и гоненіихъ одержащихъ Христову церковь“... Въ концѣ просится о снисхожденіи, если въ книгѣ найдется что́ неправильно: „Не бо отъ дерзновенія или небреженія, аще что́ гдѣ случися,—но отъ невѣжества и простоты нашея“...

9. *Молитвенникъ или Требникъ, изъ греческаго языка на словенскій преведенный и излѣдованный* [нап. въ Стрятинѣ, въ 1606 г., льв. еп. Гедеономъ Балабаномъ]. Характеръ своего труда издатель самъ указываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „...Собрахъ многія Требники елика и отъ здѣшнихъ предѣлъ, елика же отъ земля волоское, мултанское (молдавской) и сербское,—въ нихъ же егда великое разногласіе видѣх, о сем зѣло скорбяхъ: печали же лѣчбу обрѣтохъ посланіа ради къ блаженѣйшому Мелетію папѣ александрійскому, на край внѣшняя премудрости, и нашого благороднаго наказаніа достигшому.., содержащу ему тогда намѣстіе престола константиноп., възвѣщая ему о несъгласіи и неисправленіи книгъ нашихъ словенскихъ: аще неискусныхъ ради писецъ, или инѣхъ ради коихъ винъ, въкупѣ же моля и да твеъдаго ради и съгласнаго извѣстіа церковныхъ въслѣдованій—послетъ намъ греческій Евхологіонъ. И не презрѣвъ моленіа моего, но посла ми Служебникъ и сію книгу Требникъ, добрѣ исправленый по древнихъ Св.

Горы Требниковъ, его же и рукою подписавъ, повелѣвая въ общую ползу великоименному роскому роду изобразити... Видѣхъ же потребно быти еже и въ нашихъ старыхъ словенскихъ (Служебникахъ) обрѣтается, сирѣчь, какъ пріимати отъ различныхъ ересей приходящихъ къ св. котолич. и апост. церкви, освященіе великаго мура и проч., да же не недостаточна и въ семъ книга будетъ,—повелѣхомъ и сіе (сіи возслѣдованія) приложити (внесть въ Требникъ)“.. Въ основу изданія Гедеонъ Балабанъ положилъ такимъ образомъ греческій Требникъ (Евхологіонъ), присланный ему алекс. патр. Мелетіемъ,—но при этомъ счелъ нужнымъ пополнить его тѣми чинопослѣдованіями, которыхъ не было въ присланномъ Требникѣ, которыя находились только въ мѣстныхъ западно-русскихъ требникахъ и которыя были уже на столько распространенны и обычны въ юго-западной Руси этого времени, что ихъ уничтоженіе легко могло бы вызвать въ массѣ броженіе... При изложеніи обрядовъ, издатель также иногда слѣдуетъ указаніямъ присланнаго Требника, иногда—живымъ обрядамъ мѣстной церкви. Вообще изданный Балабаномъ Требникъ далеко не былъ „переводомъ“ греческаго, какъ сказано въ заглавіи, но самостоятельнымъ трудомъ издателя, который, руководствуясь греческимъ оригиналомъ, но не слѣдуя ему исключительно, имѣя въ виду также и списки славянскіе той же книги, русскіе, сербскіе, молдавскіе и валахскіе,—смотрѣлъ на всѣ собранные имъ списки, какъ на матеріалъ, и пользовался каждымъ изъ нихъ, слѣдуя собственной критической мѣркѣ, стараясь такъ или иначе достигнуть примиренія „великаго разногласія церковныхъ дѣйствій“... Труды Гедеона Балабана, можетъ быть, вслѣдствіе скорой смерти издателя († 1607), не достигли однако вполнѣ цѣли, и послѣдующія изданія Служебниковъ и Требниковъ, выходившихъ въ Вильнѣ, Острогѣ и др. мѣстахъ—по прежнему не представляли един-

ства текста, различаясь весьма значительно и съ изданіями Балабана и между собой. Большинство издателей вообще не преслѣдовало никакого общаго плана, и въ исправленіяхъ чаще всего ограничивалось лишь однимъ внѣшнимъ соглашеніемъ различныхъ списковъ. Въ предисловіи къ своему Требнику Гедеонъ Балабанъ указываетъ между прочимъ новый мотивъ къ основанію въ странѣ училищъ—вредное вліяніе заграничнаго образованія: „Мнози отъ многихъ, замѣчаетъ онъ,—бывающе въ Италіи, суемудріемъ внѣшнихъ ученій прельщающеся, въ различныя ереси впадаютъ“...

10. *Часословъ*, нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.,—„тщаніемъ и всѣмъ накладомъ православныхъ... пановъ братства успенія пр. Богородицы, мѣщанъ львовскихъ“...

11. *Тріодь Цвѣтная Іоанна Дамаскина, Козмы Маумского, Феофана Никейскнго, Іосифа Солуньскаго епископовъ и иныхъ святыхъ избрана* [нап. въ Вильнѣ, въ 1609 г.]. Изданіе посвящено Львѣ Сапѣгѣ, при чемъ въ посвященіи издатель Леонъ Мамоничъ, говоритъ, что Сапѣга „есть упреимымъ милостникомъ церкви нашое и народу руского, штò... многими знаками досыть ясне указалъ,—отъ початку бо вѣмъ с о е д и н е н ь я ц е р к в и н а ш о е з ъ р ы м с к о ю завше ся старалъ о помноженье и о красу ее“...

12. *Часословъ* [нап. въ Острогѣ, 1612 г.]. О пріемахъ исправленія книги издатели замѣчаютъ, обращаясь къ читателю: „И то тежъ вѣдати маешъ, ижъ въ томъ выданью з в о д у г р е ц к о г о найболше наслѣдовано, котрый згожается съ правдивыми з в о д ы с л о в е н с к и м и; а если гдѣ найдешъ п р о и з в о л н и к ъ написано, о томъ вѣдай, ижъ на томъ мѣсци въ реченіи несогласіе есть грецкому словенскымъ, що еднакъ отъ речи нерознитъ; а гдѣ тылко значки пописаны надъ реченіемъ въ строцѣ, тое ся въ грецкомъ не найдуетъ, чого ся еднакъ неважено выкидати, заховуючи словенскій зводъ вцалѣ и а б ы с я р о з н о с т ь н е м н о ж и л а“...

13 *Анѳологіонъ, албо Цвѣты молитвъ избранныхъ отъ многихъ свв. оо. собранны працею и старанемъ иноковъ общего житія б-ва цер. вил. прав.-греч.*, [нап. въ Евю, въ 1613 г.]—молитвословъ. Здѣсь между проч. помѣщены „Молитвы на всю седмицу св. о. н. Кирила инока“—Кирилла Туровскаго, извѣстнаго писателя XII в.

14. *Часословъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1617 г.], первенецъ кіево-печерской типографіи. Въ предисловіи Елисей Плетенецкій указываетъ на свою обязанность, какъ архимандрита, заботиться о распространеніи благочестія „церкви восточныя“,—„сице и душеполезными правовѣрныхъ сыновъ тоя (церкви) сердца веселити и въ правовѣріи утверждати и удобряти изволихъ церковными книгами; въ началѣ же непщевахъ предпослати книгу малу, аки предитечу, да управитъ путь болшимъ“... Говоря о необходимости для всѣхъ православныхъ такой важной книги, издатель въ числѣ побужденій къ изданію указываетъ и на слѣдующее: „Къ симъ же и умоленъ бывъ правовѣрными, яко да исплънится требованіе,—еже въ училищѣхъ, въ православномъ градѣ Кіевѣ и въ прочіихъ“.. Далѣе слѣдуетъ еще другое предисловіе, отъ архид. Захарія Копыстенскаго—о необходимости для православныхъ постоянно пользоваться издаваемой книгой.

15. *Анѳологіонъ, съ Богомъ съдержай церковную службу избранныхъ святыхъ на весь годъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1619 г.] Минея Праздничная. Книга „по чину восточнаго благочестія исправлена и по всему истиннѣ отъ греческаго преведена“; переводчиками съ греческаго были Іовъ Борецкій, въ то время игуменъ кіевск. мих.-златоверх. м-ря, и архид. Зах. Копыстенскій. Печатана подъ наблюденіемъ Памвы Берынды. Въ началѣ книги—краткое предисловіе Елисея Плетенецкаго, гдѣ послѣдній обращается къ православнымъ: „Мо-

лимъ всякого въ православіи суща, да на немъ же наздани есте зданіи, и якоже пріясте или писаніемъ или преданіемъ единою въ настоящей истинѣ, да стоите утвръждени въ вѣки"... Далѣе къ читателямъ обращаются „худѣйшіи въ иноцѣхъ клирици св. Лавры Печерскія"—съ другимъ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ подробно разсказывается исторія возникновенія „печатарскаго дѣла" въ кіево-печерскомъ м-рѣ.

16. *Служебникъ* [нап. въ Кіевѣ въ 1620 г.]. Оригиналомъ при изданіи принятъ былъ Служебникъ Стрятинскій (1664 г.), но послѣдній тщательно былъ провѣренъ кіевскими учеными, которые при печатаніи сдѣлали и нѣкоторыя измѣненія... Въ предисловіи, написанномъ Елисеемъ Плетенецкимъ, упоминается о „душеспасительной нуждѣ, еже книги въ созиданіе правовѣрныхъ писати и художествомъ типографіи издаати..,—зазорно бо есть и не благочестиво отъ чуждихъ черпати воду ученій"..; дѣлается предостереженіе противъ „творящихъ распря и раздоры чрезъ ученіа"... Любопытно также изданіе *Служебника*, вышедшее въ слѣдующемъ году въ Вильнѣ (1621): въ концѣ находится рядъ „казаній", проповѣдей,—въ древне-греческомъ характерѣ, весьма отличномъ отъ обычнаго стиля латино-польскихъ и западно-русскихъ проповѣдей.

17. *Тріодіонъ, си есть Триппснецъ св. вел. четыредесятницы* [нап. въ Кіевѣ въ 1627 г.]—Тріодь Постная. Изданіе весьма любопытное. Въ началѣ—„предмова" Зах. Копыстенскаго; въ „послѣсловіи" „мній во іеромонасѣхъ Памво Берында, протосиггелъ и типографъ", говоритъ, что книга „съ греческимъ типографнымъ зводомъ слѣдована есть благословеніемъ и всѣмъ тщаніемъ и иждивеніемъ" кіево-печ. архим. Зах. Копыстенскаго,—„и искуснѣ украшена зографскими начрътанми, отъ нихъ же множайшая древнихъ отеческихъ еще зводъ имутъ свѣдителства"... Далѣе указывается

любопытная черта изданія: „А еже о синаксарѣхъ (иже сказуются събранная ученія) на россійскую бесѣду общую честнымъ іеромонахъ Тарасіемъ Левоничемъ Земкою, проповѣдникомъ слова божего, отъ греческаго преложенныхъ,—противо сему да не прерѣкуете, великоросси, болгари и сръби и прочіи подобніи намъ въ православіи: сътворися се ревностью и желѣніемъ рода нашего, Малой Россіи, благородныхъ гражданскихъ и прочіихъ различнаго причта людей, неучившихся словенскаго языка глубокоразумнаго, имѣющаго разумъ и мудрость, якоже греческаа и прочаа грамматичнаа писанія... Не погрѣшиша—прибавляетъ издатель—древніи отцы святіи любомудріи: св. Матѳея евангеліе отъ еврейска языка на еллинскій преведши, Марка же, Луку и Іоанна отъ еллинскаго принесшіи, такожде и богословскіи греческіи книги истолковавшіи на словенскій языкъ; тѣмъ же и мы смотрѣніемъ се створше, ради ползы и пріобрѣтенія братіи своей, уповаемо о Господѣ, яко не погрѣшихомъ“... Кромѣ того, на каждую церковную недѣлю въ книгѣ приложены стихи,—первые опыты силлабической поэзіи... Приводимъ нѣсколько образчиковъ этой поэзіи:

Не вспомни умерлыхъ грѣховъ, Слове,
Добрыхъ твоихъ щодробливостей мертвыми не показуючи.

[На нед. мясопустную: л. 36].

Гды судячи землю, Судіе, всѣхъ усядешъ,
Оного, пріидѣти, голосу, годнымъ и мене отсуди.

[На ту же недѣлю: л. 57].

Душамъ справедливыхъ, которыхъ завше память пребываетъ,
Оферы покаанныи, приношу слова.

[На недѣлю сырную: л. 131].

Свѣтъ з началниками рожаютъ посполу горку нехаи ляментуетъ,
Который тежъ з ними посполу упалъ, гды они през покормъ солодкій упали.

[На ту же недѣлю: л. 146].

По кормомъ коливъ накормлюетъ туронъ мѣсто:
Покормъ непотребнымъ учинивши посквернены.

[На субботу первой недѣли вел. поста: л. 271].

Непристойне выметаны иконы:
Радуюся, пристойне поклоняемыи видячи.

[На нед. православія: л. 280]. И т. п.

18. *Служебникъ Петра Могилы.* Въ 1629 г. изданіе это было представлено Петромъ Могилою на кіевскій соборъ для разсмотрѣнія и утвержденія, и было единогласно одобрено соборомъ. „Служебникъ сей, говорилось въ соборномъ актѣ—мы всѣ соепископы и весь съборъ духовный прежде прочтохомъ, и отъ всѣхъ пороковъ чистъ и свободъ, паче же исправленъ и съчиненъ обрѣтше, въ типографію монастира печерскаго благословихомъ,—нынѣ, уже изображенный (изданный, напечатанный) такожде съборне пріемлемъ, лобызаемъ и *ἱεραρχικῇ ἡμῶν αὐθεντεία* похваляемъ и утвръждаемъ, свѣдителство сіе рукама нашима подписавше,—да коиждо же священникъ православный себѣ его стяжаваетъ, завѣщаваемъ“... Къ Служебнику Петра Могилы приложенъ обширный трактатъ о литургіи (*О таинѣ тѣла и крове Христовы*) Тарасія Земки, церковно-историческаго характера. Авторъ излагаетъ общія свѣдѣнія о литургіи, ея названіяхъ, составныхъ частяхъ, исторіи ея составленія и т. п.,—цитируя при этомъ Іоанна Златоустаго, Прокла Констан., блаж. Августина, Іустина Философа, Іоанна Дамаскина, „божественнаго Игнатія, епископа и мученика, ученика св. Іоанна“, „отъ него же множайшая о семь здѣ привнесохъ“, Гавріила Философа—о тайнѣ евхаристіи, Иринея, Амвросія Медіоланскаго, Ефрема

Сирина, Епифанія Кипрскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Θеофилакта и мн. др. Трактатъ вообще свидѣтельствуетъ о весьма обширной начитанности автора. Въ „предисловіи“ между прочимъ говорится: „Вѣдѣте сіе, яко книга сія Служебникъ отъ еллинскаго зводу истиннаго, егоже Въсточная наша Церковъ госпожа и учителница первѣйшаа употребляетъ, исправленъ есть,—не якоже нѣціи безумно глаголютъ, ихъ же комуждо азъ въ время свое отвѣщаю, Богъ же судити будетъ яко неблагодарныхъ сыновъ и матеруругателей. Аще бо не отъ того діалекту, имъже отъ святыхъ отецъ святая литургія написася и предадеся, исправляти будемъ,—то не вѣмъ откуду. Понеже вся книги славенскія отъ колико сотъ лѣтъ преписуются невѣжами, токмо черниломъ мажущими, ума же не имущими, языка не умѣющими и силы словесъ не вѣдущими. Словяномъ же никтоже намъ пріискреннимъ языкомъ литургіи не написа и не предаде. Но аще, яко же глаголютъ, еллинскія книги изряднѣе же церковніи и въ Венетіи изобразуются,—ничто-же се по нихъ есть: коеаждо бо книги готовыя и исправленныя отъ патріархъ святѣйшихъ зводы тамо даются, и паки пріемлются; а еже верхъ, митрополитъ тамо православный жителствуетъ, нареченный Филаделфійскій, иже типографію тую въ одержаніи имат. Къ сему, что бы имѣлъ прилагати кто противное церкви, идеже не о догматѣхъ вѣры, но о самомъ церковномъ послѣдованіи слово есть? И что реку; многаа азъ еллинская церковныя книги, тамо типомъ изданнаа, прочетъ,—не видѣхъ нигдѣже ниже малаго противо разуму, развѣ типографскаго: въ славенскія же, мало хотя исправити вѣникъ, множайшая и бесчисленная погрѣшенія, обрѣтохъ“... Впрочемъ, въ Служебникѣ П. Могилы иногда принимались во вниманіе и славянскіе тексты; въ Служебникѣ нерѣдко встрѣчаются такія замѣчанія: „Сія же молитва въ греческомъ положена есть, и въ москов-

скихъ зводѣхъ обрѣтается"...; или: „Послѣдующая ектенія въ грецкомъ токмо обрѣтается"...; или: „Въ еллинскомъ зводѣ токмо положенаа,—въ славевскихъ же на божественнѣй литургіи предъ евангеліемъ сущаа. Ты же чти, аще хощеши"...; или: „Сіе отъ старыхъ россійскихъ зводовъ"... Изданный Могилой Служебникъ получилъ широкое распространеніе не только въ юго-западной Россіи, но и сѣверо-восточной, и въ настоящее время употребляемые въ церквахъ Служебники—„почти дословно съ нимъ сходны"... Въ 1639 году П. Могила сдѣлалъ новое изданіе Служебника, вновь пересмотрѣвши эту книгу и вновь сличивши ее „съ текстомъ правдивого кгрецкого и старожитныхъ русскихъ (западно-русскихъ) и московскихъ служебниковъ". Новое изданіе очень многимъ отличалось отъ прежняго и вышло значительно дополненнымъ: Петръ Могила помѣстилъ въ концѣ вновь составленныя эктеніи и молитвы на 27 различныхъ случаевъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ западно-русской церкви,—объ обращеніи заблудшихъ отъ истины, объ искореніи ересей и схизмъ, о разграбляющихъ церковныя имѣнія и озлобляющихъ служителей церковныхъ и т. под., съ тѣмъ, чтобы, когда понадобится, эти эктеніи и молитвы присовокуплялись къ эктеніямъ и молитвамъ во время совершенія литургіи.

19. *Октоихъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1630 г., „тщаніемъ и иждивеніемъ братства церковнаго"]. Въ предисловіи сообщаются историческія данныя объ основаніи львовскаго братства, о возобновленіи сгорѣвшей передъ этимъ братской типографіи и о трудахъ по исправленію издаваемой книги,—списки которой найдены были „въ разнствіи велицѣмъ..., нерадѣніемъ, паче же неискусствомъ многимъ въ насъ писцовъ, отъ антиграфовъ греческихъ и самаго разума далече отстоящу"... Исправители указываютъ греческія, московскія, мѣстныя (западно-русскія) и южно-славянскія из-

данія Октоиха, которыми они пользовались при исправленіяхъ. Къ изданію приложено *Житіе вкратцѣ Іоанна Дамаскина...*

20 *Тріодіонъ* [нап. во Львовѣ, въ тип. Мих. Слезки, въ 1642 г.,—„отъ еллинскаго изслѣдованъ"]—Тр. Цвѣтная. Въ предисловіи, обращенномъ къ Петру Могилѣ, издатель М. Слезко говоря объ участіи, которое принималъ Петръ Могила въ исправленіи издаваемой книги, пишетъ: „Не тылко тая естъ самая книга, около которой такъ много працовати преосвященство ваше и подвизатися зезволилесь и овшемъ весъ на томъ естесь, абы жадной книги, з грецкого языка на нашъ славенскій переведеной, з друку не выходило, которой бы преосвященство ваше... не мѣлъ до исправленія староня приложити: на прикладъ естъ и самая Библїя писма святого, около которой исправленіа южто отъ немалого часу подвизатися зезволяешъ, а до того и о особливомъ коштѣ и накладѣ, абы яко найрыхлѣй з друку была выдана, промыслу чинити незаниховаешъ... Тое все дѣешъ не з приватного якового предсявзятья (стрежъ, Боже) отъ преосв. вашего, ено абы всѣ въ потомные часы вѣдали, якъ чулого, дбалого, печаловитого, упреймого, любовного, учителного, дѣломъ и словомъ прикладного пастыра и предводителя церковъ россійская православная мѣла, и который, для помноженя хвалы божей, не тылко маетностій своихъ, але и скарбовъ досытъ достатнихъ расточити не жаловалъ"... Говоря дальше о заботахъ митрополита по украшенію церквей, особенно Софійской въ Кіево-Печерской Лаврѣ, издатель заключаетъ: „Не припоминаю тутъ такъ много монастыровъ, школъ, семинарій для спудеовъ, на мѣсцахъ розныхъ отъ преосв. вашего коштомъ и накладомъ выставленыхъ и гойне наданыхъ; и то то естъ наконецъ, што и буйволъ клейноту преосвященства вашего, въ потомные вѣки, го-

лосно брмячимъ рыкомъ оглашати будетъ и мовити: такъ роспорошалъ въ Бозѣ превелебный архіепископъ митр. кіевскій, галицкій и всея Россіи, Петръ Могила, добра и скарбы свои, або тылко оныхъ небесныхъ набылъ"...

21. *Евхологіонъ, албо Молитвословъ или Требникъ, имѣяй въ себѣ церковная различная послѣдованія, іереомъ подобающая... благословеніемъ и повелѣніемъ... Петра Могилы, митр. кіевскаго* [Кіевъ, 1646 г.]. Въ началѣ книги въ особой „предмовѣ" между прочимъ говорится: „По вся дни житія моего сердцемъ болѣзновалемъ, поглядаючи на скудость умѣетности моей.., вѣдячи то уставичне, ижъ противници наши и лжебратія православія святаго суть барзо тяжкими и насильствуючими православнымъ, розными досадами и обидами, безвстыдне называючи духовныхъ нашихъ неуками, грубіянами, въ шафованю и одправованю божественныхъ таинъ и иншого набоженства,—волаючи, ижъ Русь православная згеретичала, личбы, формы, матеріи, интенціи и скутковъ таинъ божественныхъ не знаетъ, о оныхъ справы дати не умѣетъ и розного способу въ одправованю божественныхъ таинъ заживаетъ: о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ, ведлугъ силъ моихъ потрудившися, предъ себе взялемъ, одняти такъ тяжкое попошеніе противниковъ отъ освященного православного причту церкви св. россійской"... И далѣе: „Нехай, кто хочетъ, зноситъ грецкіи рукописаныи Евхологія и нашируская, знайдетъ неомылне въ оныхъ единоистную згоду о дѣйствіи и уживаню божественныхъ седми таинъ церковныхъ. А гды кто зъ загнѣваныхъ противниковъ несогласіе якое съ Требниковъ, въ Львовѣ, въ Стрятинѣ, въ Острогу и Вильнѣ друкованныхъ, захочетъ продуковати, таковому отповѣдь спадная подается,—ижъ если суть яковые погрѣшенія, албо помылки, въ тыхъ Требникахъ, тые спасенію нашому нѣчого не шкодятъ: поневажъ личбы, моци, матеріи, формы и скутковъ св. таинъ не зносятъ; але нѣщось о одправованю церемонеалномъ не согласуютъ, дер-

жачися спать въ томъ своихъ старыхъ звычаевъ, лечъ лацно старыи звычаи ведлугъ новыхъ напростовати, новыи засъ и неслыханыи вымыслы въ одправованю таинъ божественныхъ, въ церковъ святую въпроважати, дерзновеніе естъ анафемѣ подлегаючіе. До того помылки, въ тыхъ Требникахъ предиреченныхъ, вынпкнули, частю съ простоты и нерозсудку коррекшоровъ, частю тежъ з неосторожности писаровъ, а особливе подъ небытность пастыровъ православныхъ въ церкви русской, въ который часъ тыи, которыи таковые книги цензуровати и оные на свѣтъ выдавати важилися, не много вѣдомости около таковыхъ рѣчій мѣли и мало уважали, щобы въ сакраментахъ матеріею, албо формою было постерегаючи барзѣй пожитку своего: для того много рѣчій потребныхъ опустили, а непотребныхъ придали"... Требникъ П. Могилы содержитъ въ себѣ какъ самыя службы, такъ и пояснительныя къ нимъ замѣчанія и наставленія. Молитвы и службы—на языкѣ церковно-славянскомъ, въ наставленіяхъ же и поясненіяхъ преобладаетъ западно-русское нарѣчіе,—польскія слова употребляются съ окончаніями русскими и церковно-славянскими...

22. *Трифологіонъ, или Цвѣтословъ* [нап. въ Кутеинѣ въ 1647 г.]. Въ „предмовѣ ко благолюбнымъ читателемъ" издатель іером. Іоиль пишетъ: „О, коль плача и рыданія нынѣшняя послѣдняя времена достойна! Снѣдаютъ и утробы вѣрнымъ, зрящимъ, не точію олтаря раскопанная, но и домы молитвенныя разоренны и отъ всякаго благолѣпія и украшенія обнаженны; иже вся имѣнія и вся благая, отъ древнихъ благочестивыхъ ктиторовъ въданная, расхитивше, храмы Божія во градѣхъ, паче же во весѣхъ, пусты и разоренны оставиша,—въ нихъ же нищіи священницы православные оставше, не точію утвари благолѣнія церковнаго, но и книги нуждныя имѣти не могутъ, паче же нужднѣйшія всѣхъ Три-

фолога львовскіа печати,—величества и драгости ради"... Сравнительно съ этими дорогими львовскими изданіями, издаваемый Трифологіонъ—сокращенный.

Вмѣстѣ съ книгами богослужебными, на первыхъ же порахъ приступили къ изданію книгъ св. Писанія. Выше мы говорили, въ какомъ положеніи находился кодексъ славянской Библіи за все древнее время, до самыхъ послѣднихъ годовъ XV ст. Одна рукопись XV в. Моск. Рум. Музея, сборникъ библейскихъ книгъ изъ собранія Ундольскаго [по его нумераціи, № 1] можетъ быть взята, какъ типичный образчикъ древне-русскаго библейскаго канона. Здѣсь сначала идутъ первыя библейскія книги,—съ *Бытія* до *Притчей Соломона* включительно; затѣмъ—отрывки изъ *Книги премудрости Соломона*; далѣе отрывки изъ какого-то *хронографа*, далѣе слѣдуетъ *Житіе и жизнь Александра, царя македонскаго*—„Александрія"!.... Послѣ новыхъ отрывковъ изъ *хронографа*, читаемъ *Послѣднее видѣніе пророка Даніила*—статью апокрифическую... Далѣе—выписки изъ *патерика*, отрывокъ какого-то *слова* Іоанна Златоустаго, наконецъ—*Апокалипсисъ Іоанна Богослова*, весь сполна. Затѣмъ—новые отрывки, и за ними *Пѣснь Пѣсней*, но уже въ другомъ переводѣ, чѣмъ какой помѣщенъ выше, въ числѣ первыхъ библейскихъ книгъ; далѣе до конца рукописи отрывки и замѣтки самого разнообразнаго содержанія,—въ родѣ, напр., статейки *О пророцѣхъ и пророчицахъ*, гдѣ въ хронологическомъ порядкѣ перечисляются ветхозавѣтные пророки и прочицы; авторъ насчитываетъ 73 пророка и 9 пророчицъ: между пророчицами послѣдняя—„святая Марія Богородица"... Или вотъ составъ другого сборника библейскихъ книгъ,—так. наз. „Десятоглава", пис. ок. 1507 года: *„...16 пророкъ*

Осіе, *Іоиль*... *Іеремія*, *Даніилъ*, *Іовъ*, *Притчи*, *Соломонъ*, *отъ Царствіа* 3, ключъ паремьямъ, *Екклесіастъ*, *Пѣсни Пѣснемъ*, Менандръ (!), *Исусъ Сираховъ*, предсловіе псалтырское, *Псалтырь*, изъ псалтыри главы; пѣсни псалтырныи, ключъ Евангелію, *Евангеліе—4 евангелисты*, *Апокалипсисъ*, о апостолѣхъ 12 и прочихъ, *Дѣаніа Апостольска*, *Съборнаа посланіа седмь*, *Павла ап. посланій 14*..., ключъ Апостолу и Евангелію, типикъ церковнѣй службѣ, тропари, свѣтильна, отпустъ презъ все лѣто, тропари и кондаки, кои не писаны въ типику, припѣлы, Рукы Іоанна Дамаскина, пасхаліа, зодіи, лунное теченіе на 19 лѣтъ, о писавшемъ книги сія"... Оріентироваться среди такого письменнаго хаоса, выдѣлить чистый библейскій текстъ изъ массы другихъ сочиненій, очистить его отъ разнообразнымъ вставокъ и дополненій, которыя такъ тѣсно съ нимъ сплетались,—было слишкомъ трудно немудрому древнерусскому грамотнику... Люди даже наиболѣе образованные и начитанные часто не могли отличить „ложныхъ" книгъ отъ „истинныхъ", и рядомъ съ *Евангеліемъ* цитировали для убѣдительности и *Еноха праведнаго*... Въ предисловіи къ своимъ Четьи-Минеямъ митр. Макарій пишетъ: „Да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ свв. книгъ написано ложное и отреченное...,—а мы того не возмогохомъ исправити..., и о томъ прошу прощенія"... Извиненіе было не напраснымъ: наряду съ „истинными" книгами, митр. Макарій внесъ въ свой сборникъ и много апокрифическихъ. Новг. архіеп. Геннадій въ посланіи къ ростовскому архіеп. Іоасафу (ок. 1489 года), говоря о толкахъ въ народѣ о близкой кончинѣ міра и возражая противъ нихъ,—замѣчаетъ: „А въ *Евангеліи* кончина не явлена, когда будетъ. Да и *Енохъ праведный* писалъ сице"... Въ предисловіи къ составленной имъ Пасхаліи, онъ опять цитируетъ слова „Еноха праведнаго"... Православный старецъ, современникъ Курбскаго, отли-

чавшійся, повидимому, значительной начитанностью (...„можете по премногу паче насъ разумѣти“—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ нему, Курбскій) смѣло ставитъ *Никодимово Евангеліе* на ряду съ подлинными четырьмя Евангеліями—и Курбскому приходится подробно доказывать подложность памятника... На самомъ канунѣ XVI столѣтія новгор. архіеп. Геннадій, какъ мы видѣли, впервые выдѣлилъ библейскія книги изъ хаоса сборниковъ, собралъ ихъ въ одинъ кодексъ и такимъ образомъ положилъ первое основаніе современной славянской Библіи, какъ мы ее имѣемъ теперь.... Кодексъ Геннадія составилъ эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго канона,—но кодексъ этотъ былъ рукописный, и по своей величинѣ, могъ имѣть самую ограниченную распространенность. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ отношеніи были западно-русскія печатныя изданія

Послѣ упоминавшихся нами *библейскихъ книгъ*, изданныхъ въ Прагѣ въ 1517—1519 годахъ Францизкомъ Скориною „съ Полоцка“ (22 выпуска) и бывшихъ весьма распростаненными не только въ Юго-Западной, но и въ Московской Руси,—новую эпоху въ этомъ отношеніи сдѣлало острожское изданіе Библіи. Приводимъ заглавіе сполна: *Библіа сирѣчь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску,* отъ еврейска въ еллиньскій языкъ седмидесятъ и двѣма богомудрыми преводники, прежде воплощенія Господа І. Христа 350 лѣта, на желаемое повелѣніе Птоломея Филадельфа, царя египетска, преведеннаго зводу, съ тщаніемъ и прилежаніемъ елико мощно помощію божіею послѣдовася и исправися, въ лѣто... 1581. Въ предисловіи, написанномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, какихъ стоило изданіе: „...Ни дѣла зачати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ, говоритъ князь,—ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводъ сего дѣла начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и

писаньми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія островы, паче же много монастырей грецкихъ, сербьскихъ и болгарскихъ, даже и до самого апостоломъ намѣстника и всея Церкве Восточныя строенію чиноначалника, пречестнаго Іеремія архіеп. Константина града, новаго Рима..., доидохъ,—требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людій наказаныхъ въ писаніахъ святыхъ, елинскихъ и словенскихъ, якоже и зводовъ добрѣ исправленыхъ и порока всякаго кромѣ свѣдительствованыхъ. И сицевымъ всесилный Богъ.. сподобитимися благоизволи— книгъ бо и книгочій настоящему дѣлу пресвятому по достоанію изобрѣтохъ... Нынѣ же.. съвръшеніе сподобихся видѣти"... За предисловіемъ Острожскаго слѣдуетъ другое „предисловіе", Герасима Даниловича Смотрицкаго, о важности и пользѣ чтенія св. Писанія, и имъ же сочиненные силлабическіе стихи. Въ основу изданія положенъ былъ славянскій списокъ, присланный изъ Москвы Иваномъ Грознымъ, ок. 1570 года, по переводу относимый острожскими издателями ко времени „еще за великаго Владимера, крестившаго землю Русскую",—но рукопись эта до насъ не сохранилась. Предполагаютъ, работы по изданію Острожской Библіи продолжались около пяти лѣтъ (1575—1580). Изданій Острожской Библіи было два—1880 и 1881 гг.; въ изданіяхъ есть разности, хотя весьма незначительныя. [Въ Рум. Музеѣ находится не полный экземпляръ еще особаго изданія Библіи, напечатаннаго сходно, строка въ строку и страница въ страницу, съ Библіей Острожской, но другимъ, мелкимъ шрифтомъ; по мнѣнію библіографовъ,—изданіе было напечатано въ Вильнѣ около того же времени, какъ и Острожское...—Въ 1645—1649 гг. въ Кіевѣ была издана *Лицевая Библія*, съ 174 гравир. изображеніями]. Главнымъ руководителемъ работъ по изданію Библіи 1580—1581 былъ

упомянутый Г. Д. Смотрицкій. Это былъ отецъ знаменитаго впослѣдствіи Мелетія Смотрицкаго, и по тому времени самъ человѣкъ очень ученый; громкая слава ученаго и была причиной, почему Острожскій дѣло изданія Библіи поручилъ Герасиму Смотрицкому. Кромѣ предисловія къ Библіи 1580 г. Смотрицкому принадлежало еще нѣсколько печатныхъ отдѣльныхъ трудовъ, преимущественно полемическихъ, какъ напр. *Ключъ царства небеснаго* (1587). Смотрицкій писалъ также стихи; за риѳмой при этомъ онъ особенно впрочемъ не гнался,—какъ видно изъ образчика, находящагося въ редактированной имъ Библіи и начинающагося такъ:

Всякаго чина, православный читателю,

Господу Богу благодаренье воздаимо, яко благодателю и т. д. Стихотвореніе представляетъ восхваленіе кн. Острожскаго, котораго авторъ сравниваетъ съ св. Владиміромъ...

Острожское изданіе Библіи было не только „дорогимъ подаркомъ для православной церкви", но и составило новую, едва ли не болѣе важную, сравнительно съ трудомъ Геннадія, эпоху въ исторіи библейскаго славянскаго текста. Изданіе было не только величайшимъ религіознымъ подвигомъ, въ высшей степени важнымъ въ виду происходившей борьбы двухъ вѣроисповѣданій и народностей,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезнымъ научнымъ трудомъ, исполненнымъ въ строгомъ греко-восточномъ направленіи. Получивъ изъ Москвы списокъ Геннадіевскаго Кодекса, острожскіе издатели подвергаютъ его тщательному пересмотру и исправленію,—сличаютъ и провѣряютъ славянскіе списки одной и той же книги, выбирая лучшій, вновь провѣряютъ по греческому оригиналу прежній славянскій переводъ, пополняютъ пропуски, уничтожаютъ позднѣйшія постороннія вставки, приводятъ въ порядокъ раздѣленіе главъ, исправляютъ чтеніе собственныхъ именъ и т. д. и т. д. И при всемъ томъ, какъ сейчасъ замѣчено,—латинскія укло-

нения Геннадиева Кодекса острожские издатели исправляютъ по тексту греческой Библіи... Здѣсь была особая, весьма важная сторона дѣла, и въ послѣднемъ заключалось существенное различіе двухъ трудовъ—весьма характерное для времени и мѣста ихъ появленія...

Свое значеніе имѣло также упомянутое изданіе „Новаго Завѣта“: *Книга Новаго Завѣта, въ ней же напреди псалмы блаж. Давида пророка и царя*—нап. въ Острогѣ, въ 1580 г. Въ „предисловіи“, обращенномъ къ кн. К. К. Острожскому, издатель восхваляетъ князя за его заботы о распространеніи благочестія, весьма важныя для церкви.— „паче же въ нынѣшнее время, посредѣ рода строптива и развращенна, еже растерзаютъ немилостивне церковь божію и возмущаютъ нещадно стадо Его... Твое же благочестивое величество..., въ сихъ дерзостнѣ и непоколебимо на недвижимемъ камени утверженъ отъ благочестно жившихъ и свято почившихъ нарочитыхъ и великоименитыхъ родителей и прародителей своихъ, есть яко свѣтило, сіяющее въ наслѣдіи благословеніемъ, чадамъ же и наслѣдникомъ своимъ отъ рода въ родъ благимъ взоромъ податель и безсмертная слава. Сокровища же своя богатодарованная на небесѣхъ съкрыти не пощадѣ..., но подавая доволно на дѣланіе богодухновеннаго писанія“... Книга издавалась по настоянію князя: „Понудилъ еси насъ недостойныхъ, выше нашея мѣры, на сіе дѣло“, замѣчаетъ издатель. Въ книгѣ находятся: Псалмы Давида, четыре Благовѣстія, Дѣянія Апостольская и посланія соборная и посланія ап. Павла и Апокалипсисъ. Всѣ эти св. книги, говоритъ издатель, онъ „совокупилъ въ едину сію вещь“—повелѣніемъ князя... „Тѣмже молимъ..., княже, обращается онъ къ послѣднему въ заключеніе, да воспріимеши сіе рукодѣліе наше отъ насъ боголюбезно, яко пръвый овощь отъ дому печатнаго

своего Острозскаго, въздающи хвалу всѣмъ благимъ съдѣтелю Богу: яко да сподобитъ, благодатію своею, и сіе желаемое бытійское дѣло, еже начахомъ, съвершити“.. Для бо́льшаго удобства при пользованіи книгой, къ ней приложена особая книжка: *Собраніе вещей нужнѣйшихъ скораго ради обрѣтенія во книзѣ сей Новаго Завѣта по словесѣмъ азбуки*, —составленная „многогрѣшнымъ Тимоѳеомъ Михайловичемъ“, въ томъ же 1580 г. [на 52 лл.].

За книгами богослужебными и св. Писанія шли изданія переводовъ твореній отцовъ церкви. Во главѣ этого отдѣла западно-русской литературы должны быть поставлены замѣчательные труды въ этой области кн. А. М. Курбскаго, о которыхъ мы уже говорили выше. Какъ мы видѣли, труды Курбскаго были и обширны и плодотворны, и свидѣтельствовали не только о его весьма разнообразныхъ знаніяхъ, о его начитанности, учености, но и о его горячей любви къ его мало-просвѣщеннымъ соотчичамъ, „къ единоплеменной Россіи, ко всему славянскому языку“, о его горячемъ желаніи принести посильную пользу дѣлу русской народности...

Въ печатныхъ западно-русскихъ изданіяхъ конца XVI— полов. XVII вв. наиболѣе обширное мѣсто отведено было твореніямъ Іоанна Златоустаго († 407).

1. Одной изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ западно-русскихъ типографіяхъ, было „Евангеліе Учительное“: *Книга зовомая Евангеліе Учителное, отъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ избранна и отъ многихъ божественныхъ писаній, и предана церкви божіей во всякую недѣлю читатися, такоже и на господьскія праздники и прочихъ святыхъ, на поученіе христоименитымъ людемъ, ко исправленію душевному и тѣлесному...* [*выдрукована... въ мѣстѣ зовомомъ Заблудовью... ро-*

ку 1569],—собраніе словъ и поученій на воскресные и праздничные дни, извлеченное преимущественно изъ твореній І. Златоуста. Книга напечата Иваномъ Өедоровымъ и Петромъ Мстиславцевымъ,—только что передъ тѣмъ бѣжавшими „изъ Московіи“ и нашедшими себѣ пріютъ у Ходкевича. Въ „предисловіи“, послѣ замѣчаній о важности книги, Ходкевичъ между прочимъ замѣчаетъ: „Видѣвъ таковое христіаньское наученіе въ сей книзѣ,—восхотѣхъ, еже бы слово Божіе размножилося и наученіе людем закону греческаго ширилося, занеже оскудѣ сихъ книгъ на многоразличныхъ мѣстѣхъ, и не пощадѣхъ отъ богодарованныхъ ми сокровищь на сіе дѣло дати, къ тому же изообрѣтохъ себѣ въ томъ дѣлѣ друкарьскомъ людей наученыхъ, Ивана Өеодоровича Москвитина да Петра Тимофеевича Мстиславца... Помыслилъ же былъ есми и се, прибавляетъ Ходкевичъ, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую мову, и имѣлъ есми о томъ попеченіе великое, и совѣщаша ми люди мудрые, въ томъ писмѣ ученые,—иже прекладаніемъ з давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу. Того ради сію книгу, яко здавна писаную, велѣлъ есми ее выдруковати, которая кождому не есть закрыта, и къ выразумѣнію нетрудна, и къ читанію полезна, а наипаче тѣмъ, которые съ прилежаніемъ и со вниманіемъ искомое обрѣсти восхощютъ и обрящутъ“... Возникши въ византійской литературѣ и рано переведенный на славянскій языкъ (по нашимъ рукописямъ собраніе извѣстно съ XIV вѣка,—не позднѣе перваго десятилѣтія XV), сборникъ этотъ пользовался особенной распространностью въ юго-западной Руси, и послѣ неоднократныхъ по славянски изданій, былъ переведенъ и на мѣстное, западно-русское нарѣчіе: *Евангеліе Учителное, албо казаня на кождую недѣлю и свята урочистыи, презъ св. о. н. Калиста, архіеп. константинополского... пред двѣма сты*

лѣтъ по кгрецку написаныи, а теперъ ново съ кгрецкого и словенского языка на русскій переложеныи,—Евю, 1616 г. Книга издана на средства князя Богдана Октинскаго и панны Раины Воловичовны. Въ „предмовѣ“ о патр. Каллистѣ, авторѣ издаваемой книги, и о его проповѣдяхъ, въ ней собранныхъ,—между прочимъ сообщается: „Предъ двѣма сты лѣтъ вселенского константинополского пастырства и патріаршества престолъ съдержалъ и струями злоточныхъ словъ своихъ не толко за живота своего поле церковное поливалъ, але и по смерти, никгды не умираючи, презъ зоставенье на писмѣ науки казаній своихъ, первѣй греческимъ языкомъ, греческій народъ свой училъ, а потомъ, за преложеньемъ тыхъ его шкриптовъ на языкъ словенскій, праве, якобы повторе народови нашему словенскому оживши, и до тыхъ нашихъ краевъ (подъ ученшій предковъ нашихъ вѣкъ) завитавши, велми потребенъ и пожиточенъ былъ. Теперъ, з а с ь п р е н е з н а е м о с т ь и н е у м ѣ е т н о с т ь я з ы к а с л о в е н с к о г о м н о г и х ъ, м н о г и м ъ м а л о п о т р е б е н ъ и н е п о ж и т о ч е н ъ с т а в ш и с я,—знову, переложеньемъ его н а я з ы к ъ н а ш ъ п р о с т ы й р у с к і й, якобы з мертвыхъ вскрешонъ; а выданьемъ з друку, на всѣ широкіи славного и старожитного народу російского краины розосланъ будучи, всѣми потомными вѣки, всѣхъ, а и л е п р о с т ѣ й ш и х ъ, а я з ы к а с л о в е н с к о г о н е у м ѣ ю ч и х ъ, и д л я т о г о п о д ч а с ъ д о з а р а з л и в ы х ъ е р е т и ч е с к о й с л о в ы п о д а н о й и ш к р и п т о м ъ в ы д а н о й, н а у к и п а с т в и с к ъ у д а в а т и с я з в ы к л ы х ъ, училъ. А затымъ тотъ, который, тыхъ часовъ, хоть въ зацнѣйшомъ, пенкнѣйшомъ, звязнѣйшомъ, сутелнѣйшом и достаточнѣйшомъ языку словенскомъ, пре н е с п о с о б н о с т ь с л у х а ч о в ъ, н е м н о г и м ъ п о ж и т о ч е н ъ б ы л ъ,—теперъ, хоть въ п о д л ѣ й ш о м ъ и п р о с т ѣ й ш о м ъ я з ы к у, многимъ,

албо рачей и всѣмъ руского языка, яко колвекъ умѣетнымъ, потребенъ и пожиточенъ быти моглъ"... Здѣсь же характеризуется различіе между греческимъ и латинопольскимъ стилями проповѣдей, причемъ отдается рѣшительное преимущество греческому, византійскому: „Каждого христіанского казнодѣя повинность—не дискурсы о непонятыхъ вѣры таемницъ скрытностяхъ строити, но (але) воли и приказанямъ бозскимъ простыхъ и неукихъ людей учити"...

Кромѣ словъ и поученій, помѣщенныхъ въ „Учительномъ Евангеліи", изъ твореній Златоуста были изданы:

2. *Маргаритъ* [нап. въ Острогѣ, въ 1595—1596 гг.], другое собраніе его словъ и поученій, возникшее также въ Византіи и бывшее весьма распространеннымъ въ нашей письменности. Книга издавалась „на пользу, въ спасеніе всѣмъ православнымъ, паче же русскаго народу христоименитымъ людемъ"... Въ предисловіи упоминаются ранѣе изданныя въ Острожской типографіи книги: Библія, Новый Завѣтъ, книга Василія Великаго „и пр.".

3. *Слова къ Θеодору падшему—Лѣкарство на оспалый умыслъ человѣчій, а особливе на затвердѣлые сердца людскіе, заведеные свѣтомъ альбо якими грѣхами*, божеств. Златоустаго до Θеодора мниха, а въ особѣ его до кождого человѣка, кто въ якомъ кольвекъ есть грѣху [нап. въ Острогѣ, въ 1607 г.]. Преложено съ греческаго Даміаномъ пресвитеромъ. Книга напечатана на славянскомъ и „въ простой мовѣ", на западно-русскомъ языкахъ, и состоитъ изъ двухъ словъ Іоанна Златоуста [*Слово о покаяніи къ Θеодору мниху испадшему* и *Слово, о еже обаче всуе мятется всякъ человѣкъ*], и Тестамента грецкаго цесаря Василія до сына своего Льва. Въ началѣ книги—„предисловіе" переводчика съ силлабическими стихами, въ концѣ—„послѣсловіе", съ такими же стихами. Приводимъ образчикъ стиховъ—о быстротекущемъ времени:

Часе дорогій, часе непереплачоный,
Назбыть скупою вагою мнѣ узычоный
Быстрѣй надморскій корабль животъ мой проводитъ... И т. д.

4. *Бесѣда избранная о воспитаніи чадъ* [нап. въ Львовѣ, въ 1609 г.]. Довольно любопытно предисловіе къ книжкѣ, написанное стихами; авторъ между прочимъ говоритъ о пользѣ науки,—

С котрой, якъ съ жродла, все доброе исходитъ и
И през ню человѣкъ чловѣкомъ ся находитъ,—
Котрую такъ наддеръ святые поважаютъ,
Же злотымъ уроженемъ еи называютъ.
Тои то родзай, нѣкгды нехай ся не зводитъ,
Але ся завше, въ народѣ людскомъ находитъ,—
О котруй, цный народъ русскій занедбаваетъ и
И за подлѣйшую речъ собѣ покладаетъ,—
Зачимъ всякій нерядъ и все злое походитъ
И до погорженя цный тотъ народъ приходитъ,—
Же для простоты, много ся ихъ уругаютъ:
И ненаукою очи ихъ замыдляваютъ...

Здѣсь же помѣщено: Василія Великаго, *Отъ исповѣданія вѣры, на неже подписася Евстахій Севастійскій епископъ;* далѣе *Поученіе къ ученикомъ Ливанія Софисты* и др. Въ концѣ стихи. [Изданіе было повторено въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Изданіе указываетъ на полныя симпатіи львовскаго братства къ педагогикѣ греко-византійской, въ противоположность западно-европейской...

5. *Слова о священствѣ* [нап. въ Львовѣ, въ 1614 г.]. Въ книгѣ помѣщено: *Житіе Іоанна Златоустаго*, шесть „словъ“ *о священствѣ, Еклоги о приличныхъ священству*, далѣе Василія В., *О хиротоніи на мздѣ бываемѣй, посланіе* Исидора Пелусіота и въ концѣ книжки сти-

хи. Издатель вспоминаетъ о трудахъ львовскаго еп. Гедеона Балабана по распространенію книгъ, не щадившаго для этого издержекъ, „яко бы друкарня презъ него уфундована была, съ котрой, якъ з роли пожиткомъ обфитупчей, изъ жродла водъ здоровыхъ оплаваючого, книгъ набоженству грецкому церкве всходней св. старожитныхъ учителей грецкихъ, презъ выдаваня на свѣтъ цнымъ а родовитымъ языкомъ словенскимъ, лакнучихъ отживити и прагнучихъ охолодити моглъ“... По его порученію были уже приготовлены къ изданію: „Книга о священствѣ“ Златоустаго и „Бесѣды“ Златоустаго на Дѣянія Апостоловъ, но издать ихъ онъ не успѣлъ († 1607 г.). Приложенное къ книгѣ *Житіе І. Златоустаго* „вкратцѣ събрано отъ Сократа Схоластика, Өеодорита еп. Кирскаго, Ерміа Созомена, Георгіа архіеп. александрійскаго, Фотіа и Суиды“.

6. *На Отче нашъ выкладъ з грецкого на рускій, однымъ з молодшыхъ слугъ церковныхъ за розсказанемъ старшихъ, преложоный* [нап. въ Вильнѣ, въ 1620 г.]. Предисловіе написано Леонтіемъ Карповичемъ.

7. *Бесѣды на 14 посланій ап. Павла* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1623 г.]. Книга начинается привѣтствіемъ „преславному и православному роду россійскому“, и *предисловіемъ на книгу Бесѣдъ св. Іоанна Хризостома*—довольно обширнымъ, гдѣ излагается исторія перевода и изданія книги. „Бесѣды“ переведены съ греческаго языка іером. Кипріаномъ, по желанію кн. Өеодоры Чарторыжской; переводъ былъ исправленъ свящ. Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, іерм. Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындою. Предисловіе подробно вспоминаетъ о лицахъ, способствовавшихъ изданію книги: о кн. К. К. Острожскомъ, „зѣлномъ ревнителѣ Россіи: сей бо благочестіа сый рачитель и вжделѣніе премногое имый книги издавати, еже и даровася ему, и сію, якоже иныя, маистерствомъ типографіи преподати желаше“,—

о княгинѣ Θеодорѣ Чарторыжской Боговитиновой, „добродѣтелми украшенной и житіа ангелскаго иноческаго рачителницѣ", которая упросила „преп. въ священноиноцѣхъ Кипріана, суща отъ града Острога, мужа въ еллинскомъ діалектѣ искусна, въ Енетіихъ же и Патавіи любомудрствовавша, по сихъ въ святѣй горѣ Аθонстѣй поживша и нынѣ тамо, въ богодухновеннѣй премудрости и въ спѣаніи и ума просвѣщеніи, пребывающа...—сего умоли, яко да сихъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго на посланія блаженнаго Павла отъ еллинскаго языка на славенскій превожденіе сътворитъ",—о Михаилѣ Корибутѣ, княжатѣ Вишневецкомъ, „Ираклѣ и Екторѣ второмъ", который также „многое имѣ желаніе книгу сію иждивенми и цѣною своею издати и у залоги даде бѣ, но смерть препять, и не остави улучити желаемое"... Книга издана была заботами новаго архим. Кіево-Печерской Лавры, Елисея Плетенецкаго, который „вся благая строяй, обрѣте книгу сію, възлюби ю съ благимъ усердіемъ, възревнова, и съ ихъ же ему Богъ даде о исправленіи ея съвѣтова: разсудивъ же и усмотрѣвъ свободна и упразднена быти благоговѣнна мужа, словеснѣйша дидаскала и вѣтію, художнаго же еллиногреческаго языка умѣніе и искусство стяжавша, пречестного Лаврентіа Зизаніа Тустановского, пресвитера и святыя православныя вѣры исповѣдника и проповѣдника,—того умоли въеже любботруднѣ потщатися превожденіе тое изъслѣдовати и исправити; иже и любезно въспріимъ врученное съ извѣстнѣйшимъ архитипомъ еллинскимъ, изряднѣе же въ градѣ Етонѣ изображеннымъ, дволѣтствовавъ въ дѣлѣ, сътвори тоя книги исправленіе"... Печатаніемъ исправленной книги завѣдывалъ іером. Захарія Копыстенскій, „всѣхъ меншій", и Памва Берында, „тщатель въ божественныхъ писаніихъ и въ дѣлѣ семъ розумноискусный",

—они еще разъ провѣрили и исправили переводъ по греческимъ и славянскимъ изданіямъ, при помощи „пречестной братіи“, въ числѣ которой были Тимофей Александровичъ, „маистеръ художества печатнаго“, а также „благоговѣнніи и разумичніи типографове“ Стефанъ Берында и Тимофей Петровичъ... Одни экземпляры книги посвящены кн. Святополку Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захарія Копыстенскаго, другіе—Θеодору Копыстенскому, съ посвященіемъ отъ Памвы Берынды. Посвятительная „предмова“ Берынды заключаетъ въ себѣ весьма важный біографическій матеріалъ для фамиліи Копыстенскихъ.

8. *Бесѣды на Дѣянія Апостола* [нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1624 г., съ посвященіемъ: „пресвѣтлому правовѣрному и православному россійскому родови“]. Книга начинается *предъсловіемъ православнымъ читателемъ*, напис. Захаріемъ Копыстенскимъ. Бесѣды эти, по желанію Елисея Плетенецкаго, были переведены „словеснѣйшимъ мужемъ, клирикомъ львовской церкви, дидаскаломъ въ еллиногреческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языкѣ“, Гавріиломъ Дороѳеевичемъ—съ греческаго печатнаго изданія „въ Этонѣ изображеннаго“. Дороѳеевичъ былъ одно время преподавателемъ въ Острожской школѣ; позднѣе мы видимъ его въ Львовѣ и Кіевѣ. Онъ былъ извѣстенъ, какъ особенный любитель наукъ... Переводъ былъ провѣренъ по греческому подлиннику святогорскимъ инокомъ Іосифомъ; „въ конечномъ же исправленіи преведеніа славенскаго“ и въ наблюденіи за самымъ печатаніемъ трудился іером. Памва Берында „съ прочими дѣлателями“. Средства для изданія были даны К. В. Далматомъ, о которомъ въ самыхъ восторженныхъ словахъ вспоминаетъ издатель: „Есть ми кто такій другій тыхъ вѣковъ“?! и пр. Въ началѣ книги—посвятительныя вирши Т. Земки. Другіе экземпляры посвященны кн. Стефану Четвертинскому, съ посвященіемъ отъ Захаріи

Копыстенскаго. Въ началѣ книги приложенъ *Синаксарь о св. Апостолахъ*. Книга издавалась—„въ познаніе вѣры христіанскія, и въ наученіе правды и добродѣтелей, и въ наставленіе христіанъ на путь спасенія, въ возбужденіе монаховъ и прочіихъ священныхъ къ сицевому дѣлу, еже изъображати книги, изряднѣе же въ сія гоненія лѣта“...

Кромѣ твореній Іоанна Златоуста, въ отдѣльныхъ западно-русскихъ изданіяхъ этого времени мы встрѣчаемъ творенія слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви:

9. Василія Великаго († 379), его „постническія слова“: *Книга иже во свв. о. н. Василіа Великаго, архіеп. Кесаріа Каппадокійскія* [*з друкарне Острозское выдана есть, въ лѣто... 1594.*]. Въ „предсловіи“ кн. К. К. Острожскій сравнивается съ Іосифомъ: „Аще бо Іосифъ, смотрѣніемъ божимъ, отъ братіи въ Египетъ проданый, о прекормленію гладныхъ странъ и Египта хлѣбомъ вѣчне памятьствовася: то како нынѣ другій Іосифъ, аще не тезоименный именемъ, но вещію, именемъ же нареченый въ святомъ крещеніи Василій, гладоутолитель, пачеже прекормитель гладу душевнаго, забытися имать? Болшій бо то гладъ, болшій, елико и душа тѣлеси, о немъ же и пророкъ провосгласи: дамъ имъ, рече, не гладъ хлѣба, но гладъ еже не слышати слова божого... Онъ же въ своя ему времена отъ Бога врученнаго съкровища талантъ пріемши, не погребъ въ земли, якожъ злый и лѣнивый рабъ; но купно съ Іосифомъ о пріобрѣтеномъ тщится, отворивши житницы своихъ съкровищъ, кличетъ: елицы есте лишены хлѣба, елицы есте алчны, пріидѣте, утолѣте гладъ, пачеже и насытѣтеся, яко отъ общихъ источникъ, отъ Бога ми дарованныхъ даяній. И прежде убо, на отверзенье очесъ умныхъ, познати Бога единоименна, Ветхаго же и Новаго Завѣту Библію и иншыхъ книгъ не мало на по-

хвалу оного испусти; нынѣ же путемъ чина заповѣдей Господнихъ шествующе,—Василіа Великаго на исцѣленіе внутрьнего человѣка з друкарнѣ своее выдати потщася"...

10. Андрея Кесарійскаго, *Тлъкованіе на Апокалипсисъ*,—„отъ еллинскаго на діалектъ славенскій" переведено „промысломъ и стараніемъ" Захарія Копыстенскаго, архим. Кіево-Печерской Лавры, исправлено Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ, напечатано („первое издася") Памвою Берындою, съ „предсловіемъ къ читателю" Тарасія Земки [въ Кіевѣ, въ 1625 г.]. Книга посвящена Григорію Далмату. Т. Земка въ предисловіи замѣчаетъ, что книга „до корректуры и друкарнѣ бывши подана" еще раньше, при архим. Елисеѣ Плетенецкомъ. Въ концѣ книги: *Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне* и *Омилія албо наука Іоанна Златоустаго на великую Пятидесятницу*.

11. Макарія Египетскаго († 390), *Духовныя Бесѣды о досконалствѣ христіанъ православныхъ, многими пожитками душезбавенными наполненыи и всѣмъ стараючимся о спасеніе души своей вельце ку збудованю потребныи, з грецкого на рускій языкъ новопреложеныи працею и старанемъ иноковъ общежителного монастыра церкви Св. Духа* [нап. въ Вильнѣ, въ 1627 г.]. Къ книгѣ приложенъ *Животъ аввы Макаріа Египетскаго и Макаріа Александрійского*. Одни экземпляры книги посвящены пану Николаю Ломскому, другіе — Коментарію, игумену кіево-межигорскаго монастыря, причемъ авторъ, въ посвященіи, съ восторгомъ говоритъ о святой жизни въ этомъ монастырѣ и высокомъ уваженіи къ нему православнымъ: „Нѣтъ бо, вѣмъ, такъ гордого, такъ пышного, вынеслого и зухвалого человѣка, который бы вшедши въ преддверіе обители вашей не укорился и не умилилъ сердцемъ" и т. д.

12. *Главы* діакона Агапита († ок. пол. VI в.): *Любомудрѣйшаго киръ Агапита діакона, блаженнѣйшему и благоче-*

стивѣйшему царю Іустиніану, паче же всѣмъ, праведно хотящимъ надъ страстми царствовати, главизны поучителны [напечатаны „первѣе“ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1628 г.]. Переводъ принадлежалъ Петру Могилѣ и сдѣланъ былъ имъ съ греческаго еще до посвященія въ санъ архимандрита, т. е. до конца 1627 г.

13. Аввы Дороѳеа († 620), *Поученія душеполезна различна, къ своимъ его ученикомъ* [нап. въ Кіевѣ, въ 1628 г.]. „Поученія“ были приготовлены къ изданію еще при Захаріи Копыстенскомъ, которымъ было написано уже и предисловіе къ книгѣ; но, за смертью Копыстенскаго, изданіе вышло только при Петрѣ Могилѣ, при чемъ предисловіе Копыстенскаго было замѣнено другимъ, составленнымъ Филофеемъ Кизаревичемъ, намѣстникомъ Лавры [„Предисловіе“ Копыстенскаго сохранилось при рукописномъ экземплярѣ „поученій“ Моск. Син. б-ки, № 147, лл. 1—12]. Въ послѣсловіи указывается: „Исправижеся сіе отъ древнего, истиннаго и славнаго еллино-греческаго діалекту, всечестнымъ іером. киръ Іосифомъ, протосvггеломъ святѣйшаго великаго престола александрійского и поклонникомъ святыхъ земль Палестины и Синаа. Вину же сему подаде... всечестный господинъ отецъ киръ Памво Берында, протосvггелъ іерусалимскій и архитипографъ св. Лавры, иже и многолѣтне о сей душеполезнѣй вещи попечеся и нынѣ много помощію божіею потрудися въ исправленіи (въ типогртфскомъ дѣлѣ) з славенскаго языка“. Надъ изданіемъ книги трудился и братъ его, Стефанъ Берында, „мній въ типографіи“. Книга издавалась—„въ общую ползу въ благочестіи свѣтлосіающаго великаго славнаго народа россійскаго и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска“...

14. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ мелкихъ изданіяхъ встрѣчаются отдѣльныя произведенія І. Дамаскина († 777),—патр. Геннадія († 471) *Стословецъ*,—Ипполита (пол.

III в.), *о антихристѣ*,—Кирилла Іерусалимскаго († 386), *о второмъ пришествіи*, и нѣкотр. др. Между прочимъ устрѣчается изданіе—*Гисторія, албо правдивое выписаніе св. Іоанна Дамаскина, о житіи свв. препп. отт. Варлаама и Осафа и о навѣрненю Индіянъ, старанемъ и коштомъ иноковъ общежителного монастыра Кутеенского, ново з грецкого и словенского на рускій языкъ прложена*,—нап. въ кутеинской типографіи, въ 1637 г.; въ книгѣ замѣчается, что „первый разъ еще ся она з типографіи выдаетъ"... Въ началѣ книги—„предмова до чителника" о важности издаваемой „гисторіи"... Было приступлено также къ печатанію *Пандектъ* Никона Черногорца: *Книга богодухновена собрана и списана отъ многыхъ и различныхъ божественныхъ книгъ... преподобнымъ о. н. Никономъ, живущимъ въ глаголемѣй Чернѣй Горѣ, наставляющи и посѣшествующи подвизающихся на всяко дѣло духовное*. Изданіе дошло не вполнѣ и безъ заглавнаго листа; время печатанія относятъ къ 1612—1640 гг. Большинство библіографовъ считаютъ изданіе вышедшимъ въ Острогѣ.

Очень рано издано было нѣсколько сочиненій обще-моральнаго содержанія, духовнаго и нравоучительнаго. Къ этому отдѣлу могутъ быть отнесены:

1. *Тестаментъ въ Христѣ побожного и славного монарха свѣта Василія, цесара кгрецкого, до сына своего южъ коронованого, Льва Философа*. Болѣе раннее изданіе—въ указанной выше книгѣ: *Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій* и пр.; „Тестаментъ" не разъ издавался и послѣ. Встрѣчается нерѣдко и въ рукописяхъ.

2. *Діоптра, альбо Зерцало и выраженье живота людского на томъ свѣтѣ* [въ первый разъ изд. въ Евю, въ 1612 г.,—

„коштомъ и працею иноковъ церкви св. Духа, братское общого житія“]. Переводчикъ книги, іерод. Виталій, былъ извѣстенъ беззавѣтной преданностью дѣлу просвѣщенія: въ предисловіи къ книгѣ о немъ замѣчается: „День и ночь працовалъ к г р е ц к о г о и л а т и н с к о г о я з ы к а книгъ переводу“...; „перло наукъ боговдохновенныхъ въ куплю житія своего набывши, проповѣди слова божого избралъ себѣ каѳедру“... Скончался незадолго въ томъ же братскомъ монастырѣ св. Духа, въ Эвю. Захарія Копыстенскій называетъ Виталія „учителемъ и любомудрецомъ“... Сочиненіе написано отчасти прозой, отчасти стихами: прозаическая рѣчь время отъ времени прерывается силлабическими виршами. Содержаніе книги—общенравственныя, преимущественно аскетическія, размышленія и изреченія. Нужно замѣтить, въ древнерусской письменности весьма значительной распространенностью пользовалось сочиненіе съ такимъ же заглавіемъ: *Діоптра* (Зерцало), инока Ф и л и п п а, написанное имъ въ 1095 году, для духовнаго отца Каллиника, и переведенное у насъ, по догадкѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей, еще во второй половинѣ XIV вѣка; древнѣйшій славянскій списокъ—XV вѣка [рук. Моск. Синод. б-ки, № 170]. Названное сейчасъ печатное изданіе—с о в с ѣ м ъ и н о е сочиненіе сравнительно съ этимъ рукописнымъ. Изданіе не разъ повторялось и послѣ: въ 1642 г. оно вышло одновременно въ Вильнѣ и въ Эвю; въ 1651 и 1654 гг. напечатано было въ Кутеинскомъ монастырѣ; въ 1698 г. въ Могилевѣ, и т. д.

3. *На Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа вершъ для утѣхи правовославнымъ христіаномъ* [изд. въ Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1616 г.]. На оборотѣ заглавнаго листа посвященіе Іереміи Тисаровскому, еписк. львовскому,—съ подписью: „Недостойный іеромонахъ П а м в о Б е р ы н д а, типографъ“.

4. *Отъ Отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ, како пріиде къ великому Антонію въ образѣ человѣчестѣ, хотя каятися* [книга напеч., предполагаютъ, усердіемъ Памвы Берынды, въ кіево-печерск. типогр., въ 1626 г.]

5. *Лимонаръ, сирѣчь Цвѣтникъ, Софронія, патр. іерусалимскаго, составленъ же Іоанномъ іеромонахомъ, въ лѣто шестьсотное, нынѣ же изданъ типомъ* [напечат. въ Кіевѣ, въ 1628]. Книга представляетъ собраніе легендъ о палестинскихъ подвижникахъ и составлена вѣроятно въ первоначальной редакціи патріарх. іерусалимскимъ Іоанномъ, прозв. Мосхъ (Moschus, *ὁ τοῦ Μόσχου*) Евиратъ. Предисловіе, приложенное къ изданію, любопытно по историко-литературнымъ подробностямъ о происхожденіи книги. Книга... „вѣры и читаня годная"— издавалась „всимъ ку читаню и пожитку душевному"...

6. *Діалогъ, албо Розмова человѣка хорого, албо умираючого, съ духомъ о добромъ зъистю з того свѣта, людемъ свѣтикимъ, а посполите тымъ, которые мало што доброго за живота робили, а съ памятью умираютъ* [извѣстіе объ этомъ изданіи находится у Медвѣдева, въ *Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ*].

7. *Анѳологіа, сирѣчь Молитвы и поученія душеполезная, въ душевную ползу спудеовъ и всѣхъ благочестивыхъ любомолитвеникъ, вкротцѣ собраная и благочинѣ расположеная, тщаніемъ*... Петра Могилы... [нап. въ Кіевѣ, въ 1636 г.]; изданіе—совершенно особаго характера..

Отмѣтимъ также—

8. *Patericon, abo żywoty ss. oycow pieczarskich... w Kiiowie, w drucarni Lawry pieczarskiey, roku 1635.*

9. *Τερατουργημα, lubo cuda, które były tak w samym świętocudotwornym monastyru pieczärskim kiiowskim, iako y w obudwu s. pieszarach... tezaz pierwszy raz zebrane... pszez w.*

o. Athanasiusza Kalnofoyskiego... Z drukarni kiiowo-pieczarskiey, roku, 1683. Въ трудѣ Кальнофойскаго принималъ участіе также Илларіонъ Денисовичъ, первый купятичскій игуменъ; въ Тератургиму сполна вошло описаніе чудесъ отъ иконы Купятичской Богородицы, составленное Денисовичемъ. Дополненное изданіе „Тератургимы" напечатано было Денисовичемъ подъ заглавіемъ: „Parergon cudow swiętych obraza Przeczystey Bogorodzice w monastyru Kypiatickim".

Уже въ братскихъ школахъ появляются первые зародыши учебной литературы. По уставу братскихъ школъ, учителя должны были выдавать по нѣкоторымъ предметамъ ученикамъ „записки": эти записки, вѣроятно, и легли въ основу будущихъ учебниковъ. Нечего говорить, что эти первые опыты были еще весьма слабы,—но они были совершенно необходимы для возникавшихъ школъ, а иногда—и для времени, гораздо болѣе поздняго. Достаточно напомнить, что одинъ изъ этихъ учебниковъ, знаменитая *Грамматика* Мелетія Смотрицкаго, надолго оставался единственнымъ учебникомъ по грамматикѣ, не только въ юго-западной Руси, но и въ московскомъ государствѣ, а также у южныхъ славянъ... Другія изданія представляли не только учебное, но и общеобразовательное значеніе,—какъ *Лексисъ* Лаврентія Зизанія, изданный при грамматикѣ 1596 г., тѣмъ болѣе *Лексиконъ* Памвы Берынды. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ, какъ напр. сейчасъ названные, свидѣтельствовали и о значительномъ филологическомъ образованіи ихъ авторовъ.

Отмѣтимъ слѣдующія изданія:

1. *Кграматыка словеньска языка* [нап. въ Вильнѣ, въ 1586 г.]. Въ „послѣсловіи", приложенномъ въ концѣ книги, между прочимъ говорится: „Бога благаго благодатью, а за проз-

бою жителей столицы Великаго Князства Литовскаго града Вильни, сія кграматыка словеньска языка з газофилакіи (сокровищницы) славного града Острога, властное отчизны ясне вельможнаго... пана Константина Константиновича..., з щедробливое его милости ласки выдана—для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанія"... Книжка была повидимому воспроизведеніемъ извѣстной статьи *О осми частѣхъ слова*, составленіе которой на греч. языкѣ долго приписывали Іоанну Дамаскину († 777), а славянскій переводъ— Іоанну экзарду Болгарскому (X в.). Обильныя латинскія заголовки на поляхъ придаютъ статьѣ видъ скорѣе обычнаго средневѣкового схоластическаго учебника... Заголовки эти любопытны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ, что уже въ это время въ виленской братской школѣ преподавался латинскій языкъ и вообще были люди, хорошо знакомые съ нимъ,—люди для своего времени „ученые"...

2. *Αδελφοτης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому россійскому роду....* [нап. во Львовѣ, въ друкарнѣ братской, р. 1591]. Краткій учебникъ греческой грамматики, на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Грамматика была „сложена отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже въ лвовской школѣ". Въ помѣщенномъ въ началѣ „извѣщеніи" говорится: ...„изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христоименитый роде россій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу". Грамматика раздѣляется на четыре части: ороографію, просодію, етимологію и синтаксисъ, сирѣчь: правописаніе, припѣваніе, правословіе и сочиненіе"... О пользѣ грамматики замѣчается: „Сія бо есть первая ключь, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, почину ученій, трудолюбивіи дости-

заютъ—діялектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи; и сими же седми, якоже нѣкіимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе же и врачества; ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія"... Грамматика опредѣляется такъ: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко къ кому мѣрительно или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа",—грамматука есть „художество зрителное и дѣятельное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ",—грамматика есть „искусство при творцѣхъ и исписателѣхъ яко на многѣ глаголаемыхъ писмо, еже зляетъ твореніе и исписаніе"... Изданіе книжки начато было еще въ 1588 г., но закончилось лишь въ 1591. Изданіе встрѣтило какихъ-то враговъ,—„нѣціи порочницы" книжку почему-то встрѣтили враждебно... Книжка главнымъ образомъ своимъ появленіемъ, а также и составленіемъ была обязана извѣстному Арсенію, архіеп. елассонскому,—одно время бывшему преподавателемъ греческаго языка въ львовской школѣ. Вскорѣ потомъ Арсеній переселяется въ московскую Русь,—гдѣ пользовался „величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ горожанъ"..

3. *Наука ку читаню и розумѣню писма словенского. Ту тыжъ о св. Троици и о вълюдченю Господни* [напеч. въ Вильнѣ, въ тип. братской, въ 1596]. Опытъ славянскаго букваря или азбуки.

4. *Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставленна Л. Z.* [нап. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Иниціалы раскрыты далѣе, въ самомъ текстѣ, и означаютъ Лаврентія Зизанія. Учебникъ составленъ въ формѣ разговорной, съ значительной примѣсью въ языкѣ элемента западно-русскаго, разговорнаго. Грамматика опредѣляется, какъ—„извѣстное вѣжество, еже благоглаголати и писати"; „грамматика есть певное вѣдане, же

бысмы добре мовили и писали“. Раздѣляется на четыре части: орѳографію, просодію, етимологію и синтаксисъ. Къ этому присоединены краткія правила о сложеніи стиховъ. Въ концѣ учебника приложены: 1) *Выкладъ* (*толкованіе*) *молитвы Господней* и 2) *Лексисъ*, Лаврентія Зизанія. Послѣдній трудъ представляетъ особенный интересъ.

5. *Лексис сирѣчь реченія, вкратцѣ събранны и из словенскаго языка на простый рускій діялектъ истолкованы L. Z.* —расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ; количество объясняемыхъ словъ довольно значительно (болѣе 1000 словъ), и всѣ—почти исключительно славянскія. Объясненія, приводимыя въ „Лексисѣ“, часто имѣютъ характеръ энциклопедическій. Въ „Лексисѣ цитируются: Германъ патріархъ, его „толкованіе на литургію“,—Кириллъ Іерусалимскій,—Іоан. экз. Болг.,—Іоаннъ Дамаскинъ,—нѣкот. изъ книгъ св. Писанія, но рѣдко. Любопытны въ „Лексисѣ“ попытки перевода славянскихъ библейскихъ текстовъ на мѣстный, простонародный языкъ. Въ числѣ книгъ и авторовъ, которыми пользовался составитель Алфавита, находящагося въ рук. Рум. Муз. XVII в. [№ 1]—значатся также: „*Граммат. Лексисъ*“ или „*Граммат. Алфавитъ*“; здѣсь, вѣроятно, разумѣются Грамматика и Лексисъ Лаврентія Зизанія,—многія слова дѣйствительно заимствованы оттуда, а въ одномъ мѣстѣ (въ статьѣ: просодія) составитель Алфавита упоминаетъ и о самомъ Зизаніи, замѣчая: „по Лаврентію Зизанію и въ Грамматицѣ“... и т. д.

6. Несравненно выше этихъ опытовъ стоялъ трудъ М. Смотрицкаго: *Грамматики славенскія правилное синтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотриского въ койновіи братства церковнаго виленскаго... [лѣта 1619..., въ Евю]*. Въ началѣ книги — предисловіе автора „Учителемъ школьнымъ“, гдѣ Мелетій Смотрицкій набрасываетъ общій планъ элементарнаго обученія: „Дѣткамъ учитися починаючимъ

Букварь, звыкле рекши Алфавитарь, з той же грамматики вычерпленный, абы склоненіями грамматичными з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навыкали, до наученя подаваный нехай будетъ. По Часословѣ зась и Псалтыри (которыи опусканы быти не маютъ) выученію ся овая грамматика з выкладами, то есть, з показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ, наступитъ"... Не останавливаемся здѣсь на этой знаменитой книгѣ, подробному обслѣдованію которой посвящена обстоятельная монографія Засадкевича, – и которая была лучшимъ филологическимъ трудомъ древней Руси до самой пол. XVIII вѣка, до появленія грамматики Ломоносова (1755)... Общую оцѣнку, очень вѣрную, Грамматики Смотрицкаго сдѣлалъ Крижаничъ: „Мелетиь Смотритскиь—замѣчаетъ онъ—дльа ради својего трудолюбја и дльа печалности, коју јест носил про общену ползу, пишущ граммaтику, достојенъ јестъ памети и многіје хвали; и бил би доспил вещи нарòду пособније, даби се не бил соблазнилъ по обзору на греческије преводи, и даби не бил захотил нашего језика на греческије и на латинскије узори претварјат. Всакиь бо језик јмајетъ своја властита правила, разнита онъ јних, и не можетсе по јного језика узорехъ имети правилехъ изправльат"... Въ 1629 году въ Вильнѣ вышло новое изданіе „Грамматики" Смотрицкаго; очень долгое время употреблялась она и въ рукописяхъ... *Грамматика или писменница языка словенскаго въ кратцѣ изданная* въ Кремянцѣ, въ 1638 г., по мнѣнію нѣкоторыхъ библіографовъ—лишь переделка грамматики Смотрицкаго.

7. *Грамматика албо сложеніе писмена, хотящимъся учити словеньскаго языка млодолѣтнымъ отрочатомъ* [нап. въ Вильнѣ, въ 1621 г.]; родъ букваря. На заглавномъ листѣ изданія находится картинка, изображающая классъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ букварѣ предполагалось,

при обученіи азбуки, знакомить ученика и съ грамматикой. Азбука излагается такъ: азъ, буки, вѣди, онъ,—будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога; о просодіи дается понятіе въ примѣрахъ: бу́ди и буді́, варите и варі́те проч.; орѳографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. За молитвами слѣдуютъ разныя наставленія, спачала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ; послѣднимъ даются такіе совѣты: „Къ вамъ, отцы и учители, тако глаголимъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою, аще ли накажеши его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеши его, а онъ упокоитъ тебе на старость твою. За наставленіями помѣщены притчи Соломона, изреченія изъ Іисуса Сираха, поученія Товія сыну, а въ заключеніи—*Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словеньску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ.* Составленіе этой грамматики нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ тому же М. Смотрицкому.. Изданный въ 1634 г. въ Москвѣ *Букварь* Бурцева „почти буквально“ воспроизводитъ это виленское изданіе...

8. *Букварь, сирѣчъ начало ученія дѣтемъ, начинающимъ чтенію извыкати* [нап. въ Кутеинѣ, въ 1631 г.]. *Букварь языка славенска, писаній чтенія учитися хотящимъ въ полезное руковоженіе* [нап. въ Могилевѣ, въ 1636 г.].

9. Вышеупомянутый Лексисъ Зизанія послужилъ однимъ изъ источниковъ *Лексикона славено-россскаго и именъ тлъкованія*,—нап. въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ 1627 году, „тщаніемъ, вѣдѣніемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромона-

сѣхъ Памвы Берынды, протосигтела ѳрону іерусалимского".

Мы не разъ упоминали объ этомъ дѣятелѣ и позволимъ себѣ здѣсь остановиться на немъ съ нѣкоторыми подробностями, а также и на его любопытномъ трудѣ.

Памва Берында, инокъ и „архитипографъ" Кіево-Печерской Лавры, принадлежалъ, какъ мы видѣли, къ числу выдающихся дѣятелей западно-русской литературы и образованія кон. XVI—нач. XVII в. Никакихъ сколько-нибудь обстоятельныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Извѣстно только, что родомъ Памва Берында былъ изъ Молдавіи и монашество принялъ въ Іерусалимѣ; скончался въ 1632 г. Сначала онъ работалъ въ Львовѣ, и здѣсь наиболѣе раннимъ трудомъ его было изданіе упоминавшейся выше книжки: *На Рождество Христово верши* и пр. (Львовъ, 1616); затѣмъ его видимъ въ Кіевѣ, въ Лаврѣ. При участіи Берынды, въ качествѣ типографа, иногда переводчика или редактора, въ Кіево-Печерской типографіи былъ напечатанъ, какъ мы видѣли, цѣлый рядъ книгъ: *Анѳологіонъ*, праздничная минея (Кіевъ, 1619), — *Бесѣды Іоанна Златоуста на 14 посланій ап. Павла* (1623),—*Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія* (1624),—*Толкованіе на Апокалипсисъ, Андрея Кесарійскаго* (1625),—*Тріодіонъ*, тріодь постная (1627),—*Поученія аввы Доровея* (1628). Трудамъ Памвы Берынды приписывается нѣкоторыми, какъ уже было замѣчено нами, и изданіе книжки: *Отъ отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ* и пр. (Кіевъ, 1626),—также составленіе *грамотъ* къ западно-русскимъ братствамъ, написанныхъ отъ имени патр. Ѳеофана. Важнѣйшимъ литературнымъ трудомъ Памвы Берынды былъ названный сейчасъ *Лексиконъ славянороссійи и именъ толкованіе*, напечатанный первоначально въ Кіево-Печерской типографіи въ 1627 г., позднѣе—въ Кутеинскомъ монастырѣ, въ 1653. *Лексиконъ* Берынды принад-

лежалъ собственно къ учебному отдѣлу западно-русской литературы; но его характеръ не столько учебный, сколько обще-образовательный, и важенъ онъ былъ далеко не для одной школы.

Какъ извѣстно, произведенія, обращавшіяся въ средѣ древнерусскихъ читателей, чаще всего переводныя—уже по самому тексту своему, помимо порчи при перепискѣ, представляли нерѣдко много неудобопонятнаго, требовали исправленій въ языкѣ или поясненій. Уже м. Кириллъ II († ок. 1280) жалуется на „неразумныя (непонятныя) правила церковныя,—„помраченныя облакомъ мудрости еллинскаго языка"... Позднѣе жалобы подобнаго рода слышатся все чаще. „Книги писаны закрыто; отеческое ученіе прочитати не полезно",—заявляютъ крылошане (люди духовнаго званія) Зиновію Отенскому († 1568). „Божественнаго Златоуста Бесѣды, говоритъ неизвѣстный авторъ „Статира"—зѣло не вразумительны, не точію слышащимъ, но и чтущимъ; не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ иностраннымъ языкомъ (написанными на иностранномъ, непонятномъ языкѣ) тая Златаустаго писанія нарицахуся"... Юрій Крижаничъ недоволенъ языкомъ всей вообще переводной славянской литературы: „переводчики замѣчаетъ онъ, безъ нужды внесли въ книги, не говоря о множествѣ латинскихъ словъ, нѣкоторыя греческія и нѣмецкія слова,—нашу рѣчь на свое копыто набили, извратили до основанія весь составъ и строй нашего языка, такъ что онъ сталъ не то русскимъ, не то греческимъ языкомъ".. („греки пашу бесѣду на своје копито набили, се јестъ: вес составъ и обличје нашего језика по обзору на свој језикъ изо дна извратили и претворили, тако да ни он јест грескив ни он рускив језикъ")... Неясность текста вообще зависѣла отъ незнанія переводчиками свойствъ и особенностей языка русскаго, и постояннаго смѣшенія его не только съ церковно-славянскимъ,

но и сербскимъ, болгарскимъ, даже греческимъ. Эта сторона дѣла вѣрно подмѣчена однимъ изъ помощниковъ Максима Грека, Ниломъ Курлятевымъ, который говоря, о высокомъ образованіи Максима Грека, прибавляетъ: „А прежніе переводницы нашего языка извѣстно (хорошо) не знали, и они перевели ино греческы, ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, ихже не удоволишася преложити на русскій языкъ“... Всѣ указанныя обстоятельства рано вызываютъ потребность въ различнаго рода толкованіяхъ „неудобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчей“, появленіе толковыхъ словарей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ такихъ словарей относится къ XIII вѣку (*Рѣчь жидовскаго языка*...—рук. 1282 г.); другой изъ наиболѣе раннихъ принадлежитъ къ нач. XV в. (рук. 1431,—*Толкованіе неудобь познаваемымъ въ писаніи рѣчемъ*)... Въ XVI в. такихъ словарныхъ статей встрѣчаемъ уже довольно много и различныхъ. Въ XVI—XVII вв. являются кромѣ того особые сборники-энциклопедіи, такъ наз. *Азбуковники*, о которыхъ мы говорили выше, задача которыхъ—толкованіе не только „неудобь познаваемыхъ рѣчей“, но и вещей, сообщеніе разнаго рода необходимыхъ въ жизни, популярныхъ свѣдѣній и знаній...

Трудъ Берынды, вмѣстѣ съ ближайшимъ предшественникомъ своимъ, „Лексисомъ“ Л. Зизанія,—по своимъ цѣлямъ и содержанію съ одной стороны тѣсно примыкаетъ къ наиболѣе раннимъ краткимъ словарнымъ статьямъ, съ другой—къ энциклопедическимъ „Азбуковникамъ“,—при чемъ достоинствами своими иногда значительно превосходитъ не только первыя, но и послѣдніе.

Сравнительно съ болѣе ранними словарными статьями, встрѣчающимися въ рукописяхъ, трудъ Берынды прежде всего отличается значительной обширностью своего содержанія. Уже „Лексисъ“ Зизанія въ этомъ отношеніи представлялъ большой шагъ впередъ и объемомъ своимъ значительно пре-

восходилъ всѣ болѣе ранніе опыты толковыхъ словарей; „Лексиконъ“ гораздо обширнѣе „Лексиса“,—послѣдній почти цѣликомъ вошелъ въ трудъ Берынды, составляя собой лишь незначительную часть его общаго содержанія.

Самый характеръ содержанія въ „Лексиконѣ“—другой, чѣмъ въ болѣе раннихъ статьяхъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія. Оно разностороннѣе, энциклопедичнѣе. Въ этомъ отношеніи „Лексиконъ“ Берынды представлялъ уже ближайшій переходъ къ энциклопедическому составу Азбуковниковъ... Кромѣ толкованій чисто филологическихъ, въ трудѣ Берынды встрѣчается не мало объясненій богословскихъ и по философіи, встрѣчаются попытки объясненій грамматическихъ, формъ, частей рѣчи,—даются объясненія по піитикѣ и реторикѣ, по естествознанію, изъ области быта, народныхъ суевѣрій и т. д. и т. д. Очень многихъ изъ этихъ объясненій, особенно научныхъ, нѣтъ и въ Азбуковникахъ... Филологическія толкованія „Лексикона“, какъ и въ „Лексисѣ“ Зизанія обыкновенно состоятъ въ объясненіи иностранныхъ и славянскихъ словъ—словами малорусскими или польско-русскими; тѣмъ же путемъ нерѣдко поясняются и слова чисто русскія, т. е. великорусскія, простонародныя. Самыя объясненія—глубже, разностороннѣе, отличаются бо́льшей обстоятельностью, такъ сказать, ученостью; Берында нерѣдко ссылается на языки еврейскій, греческій, латинскій,—сближая слова этихъ языковъ съ славянскими. Уже въ „Лексисѣ“ Зизанія обнаруживаются попытки объясненія словъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ; въ „Лексиконѣ“ Берынды такихъ объясненій еще больше. Въ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статьяхъ нерѣдко дѣлались объясненія именъ собственныхъ; въ „Лексисѣ“ у Зизанія объясненій собственныхъ именъ совсѣмъ нѣтъ; у Берынды объясняются изъ нихъ очень многія,—греческія, еврейскія, и др., при чемъ объясненія иногда очень подробны, съ ссылками на библейскія и другія книги, гдѣ

эти имена встрѣчаются. При объясненіяхъ энциклопедическаго характера особенно любопытными и важными являются въ Лексиконѣ Берынды попытки къ бо́льшей научности, критичности сообщаемыхъ свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи содержаніе „Лексикона“ по своимъ достоинствамъ—конечно съ точки зрѣнія тогдашней „науки“—выгодно отличается не только отъ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статей и „Лексиса“ Зизанія, но и отъ позднѣйшихъ Азбуковниковъ, хотя послѣдніе неизмѣримо превосходятъ трудъ Берынды общей массой содержанія... Впрочемъ, мѣстами—не говоря о бо́льшей научной критичности—„Лексиконъ“ иногда превосходитъ Азбуковники и въ послѣднемъ отношеніи; о многихъ предметахъ, о которыхъ мы читаемъ у Берынды, въ Азбуковникахъ или совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній или, если и упоминаются,—сообщаются свѣдѣнія не столь обстоятельныя, а иногда и вѣрныя, какъ у Берынды. Въ Азбуковникѣ, напр., изданномъ Сахаровымъ, мы не находимъ свѣдѣній объ „ариѳметикѣ“, „звѣздозаконіи“, „философіи“, „стихіяхъ“ и мн. др.,—помѣщенныхъ у Берынды. Нельзя не замѣтить впрочемъ, что на текстъ, изданный Сахаровымъ, полагаться трудно; съ издаваемыми текстами онъ вообще не церемонится, какъ это видно и при сличеніи находящагося у него текста „Лексикона“ Берынды съ подлиннымъ... Собственно филологическихъ толкованій въ Азбуковникахъ вообще больше, чѣмъ у Берынды; но въ то же время иногда въ Азбуковникахъ напр. опускаются толкованія такихъ словъ славянскихъ или славянорусскихъ, какъ: „благодарный“, „благоговѣйный“, „благочестіе“ и т. п.; совсѣмъ не встрѣчается объясненій словъ чисто русскихъ, простонародныхъ,—нѣтъ объясненій именъ собственныхъ, и т. п. Хотя, съ другой стороны, въ Азбуковники внесено не мало новыхъ толкованій,—словъ латинскихъ, греческихъ, малорусскихъ и польско-русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ иногда приводятся тѣ же слова, какія читаются и у

Зизанія или у Берынды,—но только въ обратномъ порядкѣ: слова, объясняемыя у Берынды, дѣлаются объясняющими въ Азбуковникахъ; напр. у Берынды: „Воинъ—рицеръ, жолнеръ"; „Кощунство—жартъ", и пр.; въ Азбуковникахъ: „Жолнеръ—воинъ"; „жартъ—кощунство" и т. д. Языкъ объясненій у Зизанія и Берынды—малорусскій или польскорусскій; въ Азбуковникахъ, конечно,—великорусскій.

Трудъ Берынды былъ вполнѣ самостоятельнымъ. Авторъ работалъ надъ „Лексикономъ" около 30 лѣтъ. Исторію труда, обстоятельства, сопровождавшія его изданіе и самую цѣль труда авторъ указываетъ въ предисловіи... „Пребывая иногда въ дому пресвѣтломъ, любомудрый читателю, благочестивого пана Ѳеодора Балабана—разсказываетъ здѣсь авторъ—мужа мудрости книгъ божествъныхъ и знающихъ сіа зѣлна рачителя, видѣхъ, яко въ своей вивліоѳицѣ имяше во множествѣ книгъ и Вивліа святаа пятми языки, еврейски, халдѣйски, еллински, латински и сирски, Новый Завѣтъ з толкованми именъ вівлійныхъ, въ Антверпіи типомъ изданная,—и събесѣдованми мене же и прочіихъ славенская Вивліа исправленная издати възжделевъ, святѣйшаго Мелетіа, патріарху алексвндр., писмены съ дары моляше, да послетъ ему Вивлію еллински 70 толк. типомъ или перомъ начертанную, токмо подписомъ руки своей, яко чиста есть отъ блудовъ и измѣнъ иновѣрцовъ, свидѣтелствованную. Между же сими понуди и мене, аще и проста, но туюжде ревность имуща, реченія и имена славенская избирати, аки не у сущу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентіа Зизаніи, тогда дидаскала, нинѣ же пресвитера, его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди: оттуду убо начало възёмъ азъ, егда смрътъ моего благодѣтеля тѣмъ и мною запятъ, отъ различныхъ книгъ и трудовъ, паче же отъ толкованіа преп. Максима святогорца, Мануила ритора и инѣхъ. Еще же по мно-

зѣхъ лѣтѣхъ, призванъ къ исправленію Бесѣдъ Посланій Апостолскихъ въ типографію, и въ ней дволѣтіе нощеденствуя прилежавъ, произволники, на краехъ тамо оставленные, здѣ съ числомъ до листа и нетолкованны нѣкіе вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣдъ Дѣяній Апостолскихъ,—сей Лексиконъ събрахъ и съвокупихъ. Видя же отъ могущихъ трудъ сей презираемъ, не инамо, но въ поощреніе искуспѣйшимъ и въ ползу спудеемъ, благодати Христовой и молитвамъ любви же благодателей ми и презѣлныхъ вручився, зане много разорителей и хулниковъ къ сему обрѣтая, помощниковъ же и зидателей, якоже нѣгде речеся, велми мало: къ сему отъ благородныхъ ми въспріатіа худости моея дому не мало истрошивъ, се типомъ, отъ многихъ кратко събравъ издаю, яко множайшая оставихъ, утѣшаяся онѣмъ св. Хрисостома: нѣсть, рекша, нѣсть исчерпати когда ума Писаній, источникъ бо нѣкій есть не имѣяй конца"... Въ посвященіи составитель замѣчаетъ: „Назвиска речій и имена власныи людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ, розмаитыхъ діалектовъ: сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашего словенскаго вкупу, хоть то не такою, якая бы належала, широкостью згромадивши, и тую працу мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю хотю Лексиконъ, по словенски Реченникъ, а по латини Дикціонаръ, назвавши, працею усердною и коштоиъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпущаю"...

Въ числѣ источниковъ, которыми пользуется Берында, первое мѣсто принадлежало *Лексису* Зизанія,—какъ указываетъ и самъ Берында. „Лексисъ" дѣйствительно вошелъ, какъ уже замѣчено, въ „Лексиконъ" почти сполна. Берында очень рѣдко заимствуетъ буквально: обыкновенно заимствуемое Берында или значительно пополняетъ, давая болѣе подробныя и обстоятельныя толкованія, или вообще измѣняетъ редак-

цію. Нѣкоторыя слова пропускаетъ. Очень нерѣдко Берында пользуется и двумя извѣстными древне-славянскими упоминавшимися словарными статьями *Толкованіями неудобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчей,* 1282 и 1431 гг. Главные же источники „Лексикона“ Берынды — самостоятельныя выборки авторомъ изъ различныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ. Эти послѣднія Берында указываетъ самъ. Въ „Лексиконѣ“ Берынды цитируются: книги св. Писанія,—Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Кн. Іис. сына Сирахова, Іереміи,—творенія отцовъ церкви: Кирилла Іерусалимскаго (col. 39. 131. 167), Василія Великаго (col. 15), Григорія Богослова—слово на смерть Василія Великаго (col. 195), Ефрема Сирина (col. 89), Іоанна Златоустаго (col. 40. 45), Іоанна Кассіана Римлянина—„Коллоквій“ (col. 339), Кирилла Александрійскаго (col. 236), Іоанна Лѣствичника (col. 101. 131. 154. 167. 172), Андрея Критскаго—Слово на рождество пр. Богородицы (col. 100. 138), Каллиста, „еп. рымск.“ (col. 140), Дороѳея (col. 236), Ѳеофилакта (col. 390), Іоанна Дамаскина (col. 29, 155). Кромѣ того цитируются: Іоаннъ экз. Болгарскій (col. 89), Никонъ Черногорецъ (col. 100. 169. 172),—печатныхъ изданія и рукописи: *Уставъ* (col. 108), *Книжица акафист* (col. 188), *Еванг. Учит. тип. Крилос.* (col. 197), *Прологъ*, (col. 217. 229), *Номоканонъ* 1620 г. (col. 230), *Нѣкіи повѣсти* (col. 101), *Скитскій Патерикъ* (col. 341. 352), *Патерикъ солов. чуд.* (col. 98), *Маргаритъ* (col. 240), *Четь-Минеи* Макарія (col. 365), *Подлинникъ* („з Подлѣники“, col. 332), дѣлаются ссылки на Ѳукидида (col. 235), Аристотеля (col. 235), *книгу* Арменопула, и нѣк. др. сочиненія. Содержаніе „Лексикона“ гораздо обширнѣе „Лексиса“. Объясненія иностранныхъ словъ выдѣлены въ особое прибавленіе и представляютъ какъ-бы вторую часть. Объяс-

ненiй энциклопедическаго характера здѣсь еще больше... *Лексикономъ* Берынды пользовался между прочимъ составитель Алфавита XVII в., находящагося въ рук. Рум. Муз. [№ 2]: онъ заимствуетъ изъ него многiя объясненiя словъ, въ тѣхъ же самыхъ выраженiяхъ, какъ и у Берынды, перелагая ихъ только иногда съ западно-русскаго языка на церковно-славянскiй. Составитель Алфавита не скрываетъ своего источника, и нерѣдко ссылается на „Лексиконъ" [Любопытный западно-русскiй *словарь* находится при Острожской Библiи 1581 г., въ экземплярѣ о. архим. Леонида, и напеч. имъ въ Чтенiяхъ Моск. Общ. ист. и древн. росс., 1884, кн. 2, стр. 1—18].

Для нагляднаго сличенiя трехъ памятниковъ—приводимъ параллельно нѣсколько отрывковъ изъ *Лексиса* Зизанiя, *Лексикона* Берынды и *Азбуковника XVII в.*, изданнаго Сахаровымъ:

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Этого слова нѣтъ.	А—двойственное число, ихъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Этого слова нѣтъ.	Авель, чрезъ алефъ: плачъ, скорбь, жалость, плачъ великiй, жалованe; мѣсто, которое 12 миль отъ Гадаровъ, на всходъ солнца лежитъ (*цитаты изъ Библiи*)... Есть и село въ седмомъ филяделфiи каменю, гдѣ Iефѳай съ Аммонитами валчил Авея (*цитаты*). Авель черезъ ге на початку: суета, прожность, албо дыхане; або сирски пара, або кадженe, дымъ, або марность	Авель—пара.

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
	(препутіе), або нѣкчемность. Сынъ Адамль (*цитата*). Евель или авела: плачъ. Имя мѣсту (*цитата*), которое и Авель, зри выше тылко ге есть придано до порушеня.	
Акриды—вершки деревяные, путя и тыжъ коники.	Акриды: трава, або зеле, котрого корень въ коло себе иныхъ зелій смак притягает, вдячный до вкушеня и трвалый въ сытости естъ. Тожъ зри и пружіе. а прузи тогож имене, коники за подобообразіе цвѣта и корене оного зеля. О сем чти книгу реченную Корнукопіе (*далѣе цитаты изъ Толк. Апок. и Библіи*). И пруги единоименность зелію (*цитата*), гадъ птичныхъ различна рода.	Акриды—Пружіе или Чессы наричутъ Саранча; еже есть и трава ея, же Соломонъ наричетъ капарою; нѣцій глаголютъ зелію быти пругомъ, иніе глаголютъ вершіе дуба; есть же и овощь дикой.
Этого слова нѣтъ.	Акростихисъ, краегранъ: рожай верша такъ зложеныи, же на вышшіи литеры и головныи имя якое, або мову замыкаютъ, презъ главы вершовъ переходячи.	Акростихида, краестрочіе, краеграненіе. Аростихъ, начало строчное, рекше начальное словцо стиха.
Этого слова нѣтъ	Аллигоріа: иновѣщаніе, или иносказаніе (*цитаты*); фигура, гды иное розумом, иное словы оказуется (*цитата*).	*Этого слова нѣтъ.*

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Этого слова нѣтъ.	Ариѳметика: числителнаа; художество, яж счисляти число; наука личбы; хитрость мѣры; фортел рахованя. Пятая наука вызволенаа.	Ариѳмосъ—число.
Этого слова нѣтъ.	Артемида: пріятна жрътва или цѣла, лат. Діана, отъ дня названа есть, для того же маетъ ясность подобную дневи; и мѣсяць тым именем зовут. Імя богинѣ албо идола въ Ефесѣ, той Артемидѣ прообразно, луна. (*ссылка на гл. и ст. Библіи*).	Артемида была богиня въ Ефесѣ, а толкуется прахъ.
Этого слова нѣтъ.	Асіа — калистаа, мут. болот ти, вязнучаа, плюгав. Меншаа часть Асіи, котраа за третюю часть свѣта бываетъ розумѣна; тыи въ собѣ замыкает дръжавы: Фригію, Памфилію, Киликію, Ликаонію, Галатію, Корію и иншіи и Ефесъ таа опроч всходней части, котраа до Каппадокіи и Сиріи поступует отвсюду морем ест окружена. Тую розумѣют тепер же Туркію зовет. Таа часто ея поминает в Дѣа. ап. (*ссылка на гл. и ст. Дѣяній*).	*Этого слова нѣтъ.*
Этого слова нѣтъ.	Аспида—ужъ малый, ѣдовитый змѣй (*ссылка на Псалт.*) або зміа (*ссылка на кн. Левитъ.*).	Аспидъ камень есть зеленъ, обрѣтается на устьи Фермодаты рѣки и на Аманійстей рѣцѣ,

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		требѣ же есть въ Пилитіи.
		Аспидъ есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота. А въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ. Живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа. Видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камени. Обоянницы, пришедше обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ, и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжегаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрясется горѣ и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю, и другое заткнетъ хоботомъ, и начинаетъ битися. Человѣцы-же, ухватившe ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи ни едины, но двои и трои, и такъ сожжена клещами умираетъ.
Этого слова нѣтъ.	Астрономіа — звѣздозаконіе, албо звѣздочетнаа семаа наука вызволенаа.	Астрономія — звѣздозаконіе.
Благоденствую — счаститъ ми ся.	Благоденствую — щастит ми ся.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Благочестіе—богобойность, побожность, набоженство.	Благочестіе—богобойность, побожность, доброе о Богу розумѣнье, и доброе его хвалене, набоженство, релѣа (*ссылка на гл. и ст. Ев. Марка*).	
Этого слова нѣтъ.	Богъ—от богатства, ижъ всебогатный всѣхъ обогачуючій. Богъ есть по любомудрцѣхъ внѣшнихъ умъ, по богословцѣхъ-же духъ. От *Патер:* рече един от от: яко аще вѣсть инок мѣсто имѣющее успѣяніе, и потребъ ради тѣлесных не хощет ити тамо, съй не вѣрует яко естъ Богъ.	
Вёдро—погода.	Ведро—погода (*ссылка на гл. и ст. изъ Ев. Мар.*).	*Этихъ словъ нѣтъ*
Взвѣщеніе—оповѣданье, умъ вперяю; розумъ якъ трозлегъ чаю, албо тонко размышляю.	Възвѣщеніе—отповѣданье.	
Взываю—закликаю.	*Этого слова нѣтъ.*	
Воинъ—жолнеръ.	Воинъ—рицеръ, жолнеръ.	
Воинство — жолнерство.	Воинство — жолнерство, войско.	
Воинствую —жолнерствомъ ся бавлю.	Воинствую — жолнерскою ся бавлю, воюю.	
Время—часъ.	Время—часъ, филя.	
Временный — дочасный.	Временный— дочасный.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
Этого слова нѣтъ.	Геометріа — землемѣріе (*ссылка*).	Геометрія—Планидная книга.
Господь—панъ.	Господь—панъ, то естъ маючій поважность, зацный, непосполитый, особливый, κύριος, dominus. Съ титломъ пишется.	*Этого слова нѣтъ.*
Гусли—арфа, лютни, скрыпица.	Гусли—скрипица; обще дудка; метафор: то ест образующе, толкуется мысль.	*Этихъ словъ нѣтъ.*
Глумъ—подражненье.	Глумъ — подражнене, смѣхъ, жартъ; въ глумъ —на смѣхъ, на жарт.	
Демонъ—бѣсъ, чортъ.	*Этого слова нѣтъ.*	
Дѣльма—дѣля.	*Этого слова нѣтъ.*	
Дѣло—учинокъ.	Дѣло—учинокъ, справа, робота, скутокъ.	
Дѣтище—дитя.	Дѣтище—дитя, хлопецъ, або дѣвчина. Средне бо есть, або немовятко, пеленчатко: албо рожай, плодъ, поколѣня, албо потомство. Дѣтищъ, значитъ быти лѣт 7.	
Животъ—мешканье и тыжъ скарбъ, гроши.	Животъ—живот, богатство, мешканье, албо брухъ, албо жолудокъ, также матиця, и тыжъ: скарбъ, грошѣ.	
Этого слова нѣтъ.	Жилицѣ — маленкіи жилки, албо артиріи, т. е.	

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
	стежки духа, огорнене духа (*ссылка*).	
Этого слова нѣтъ.	Землемѣріе или землемѣрство, з еллинскаго: геометріа, сирѣчъ размѣрителнаа. Естъ сіе художество зѣло полезно къ размѣренію градовства, и путій, и къ инымъ вещем паче болшим.	*Этихъ словъ нѣтъ.*
Извергъ—дитя мертвонароженое.	Извергъ—недоносокъ, выпергъ, албо дитя мертво нароженое, выпоротокъ. (*ссылка*).	
Извитіе — хитрость, штука, извитіе словесъ, штучное мовленье, хитрость въ мовѣ.	Извитіе — хитрость, штука. Извитіе притчъ—штучныи приповѣсти. Извитіе словесъ—штучное мовенье, хитрость в мовѣ.	Извитіе словесъ — хитрословіе.
Извѣтъ—доводъ.	Извѣтъ—причина, замовка, любъ правдиваа, любъ неправдиваа вымовка, видъ, оказіа, т. е. приступъ, погода ку яковой речи. Извѣтъ—доводъ, причина.	*Этого слова нѣтъ.*
Изящство — выборность.	Изящество — знаменитость, превышанье, выборность, крѣпость (*ссылка*).	*Этого слова нѣтъ.*
Искуство — умѣетность, свѣдомость.	Искуство — мудрость, умѣетность, досвѣдченье, свѣдомость.	*Этого слова нѣтъ.*

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Этого слова нѣтъ.	Исторіа — свѣдокъ всѣхъ вѣковъ, албо дѣи, правдивое выписане прошлыхъ речый (*ссылка на Ев. Марка*).	Исторія,—книга содержащая въ себѣ иже въ древнихъ бывшихъ дѣяній исповѣданіе, подобно Хронографу, кромѣ лѣтняго числа времени. Хронографъ бо наричется, понеже не токмо дѣянія бывшая въ древнихъ родѣхъ повѣдаетъ, но и числа лѣтъ тѣхъ временъ въ себѣ объемлетъ, еже въ кое отъ Адама лѣто бысть вещь та и та. Исторія же не тако, но точно въ древнихъ родѣхъ бывшая повѣдаетъ; лѣто же, еже въ кое число бысть, сего не содержитъ. Тѣмъ-же разумно отъ сего всѣмъ да будетъ, яко иное есть лѣтописецъ, ино исторія. Аще и наричутъ нѣцыи и пишутъ исторію лѣтописцемъ, то невѣдѣніемъ.
Кощунство—жартъ.	Кощунство—жартъ, блазенство, трефнидтво.	*Этого слова нѣтъ.*
Ликъ—танецъ.	Ликъ — зестье, албо згромажене спѣваковъ: любъ грачовъ, или танецъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Неясыть — по грецку пелеканъ, птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови.	*Этого слова нѣтъ.*	Неясыть —есть птица подобна журавлю, а творитъ собѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ, или камнѣхъ, или столбѣхъ,

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		а клюетъ змѣй, и того ради зміи враждуютъ на ню. И егда узрятъ ея отлетѣвшу отъ гнѣзда, тогда возлезе на древо и убиваютъ дѣти ея смертоноснымъ ядомъ. Она же видѣвше дѣти своя мертва, ставши надъ ними, проклюкавъ ребра своя, испущаетъ на нихъ кровь свою, и кровію ея паки оживляются птенцы.
Этого слова нѣтъ.	Нощный вранъ — слѣповоронъ, птица си плачлива естъ, и на нырищихъ и на здѣхъ, ту любитъ сѣдати.	*Этого слово нѣтъ.*
Нырище—съ песку домокъ, ямка.	Нырище — съ песку домокъ, ямка, гнѣздо.	Ныръ — столбъ каменнъ.
Этого слова нѣтъ.	Олимпіа — тризнище еллинское, отъ 4-хъ 1-е. Въ немъ подвижникомъ побѣжднымъ даваху вѣнецъ от маслины (*ссылка на Гр. Бог.*).	*Этого слова нѣтъ.*
Онокентавръ—звѣрь нѣякій, отъ головы якъ человѣкъ, а отъ ногъ яко оселъ, по словенску китоврасъ.	Онокентавръ—китаврусъ, звѣрь от головы якъ чловѣкъ, а отъ ногъ оселъ (*ссылка на Гр. Бог., надгроб. Вас. Вел. кн. Исаіи*).	Онокентавръ—звѣрь китоврасъ, иже отъ головы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки оселъ.
Онокроталъ—птахъ подобный кшталтомъ лебедеви, который носокъ	Онокроталъ — росгупало, птахъ подобный лебедю (*ссылка на кн.*	Онокроталъ есть птица, подобна лебедю и вложивши носъ въ во,

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
уложившій въ воду, гукитъ якъ оселъ; гупачъ, гуковище.	*Лев. и Соф.).*	ду, гукаетъ аки оселъ.
Этого слова нѣтъ.	Палестина—покропленое, попелом або порохомъ, або упадокъ приложеный, або двоякій, або упадку напой, або упавъ пьючій. Еврейски: пелесе, краина Сиріи, въ котрой Іерусалимъ. Филистими тож тлк (*ссылка на гл. и ст. Библіи*), люде, котрых толковницы аллофилус, то ест чужеземцами, зовут. Сл. иноплеменници (*ссылка на гл. и ст. Библіи*).	Палестина—Іерусалимская земля.
Папа—тато, отецъ, попъ,	Папа — попъ, тато, отецъ, папежъ, зацный отецъ; албо отецъ отцевъ многихъ. Называлися перше тымъ именемъ папасъ всѣ духовныи, или гдѣ весь причетъ церкве, и литургіа повся дни, число 362 исполняется [П͠ А͠ П͠ А͠ С͠]. А особливе патріархъ александрійскій называется папа Зри въ именехъ папа.—Здѣсь, подъ сл. папа читаемъ: тато, отецъ (*ссылка*).	Папа—дивный, превышній чинъ.
Этого слова нѣтъ.	Перунъ—громъ.	*Этого слова нѣтъ.*
Позорище—мѣстце, гдѣ ширмуютъ, албо куншты или комедію справуютъ.	Позорище—пляцъ, шранки, гдѣ ся игрискомъ присмотруютъ.	Позоръ—еже что бываетъ со удивленіемъ зримо, или безъ удивленія. Егда человѣкъ со

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		человѣкомъ боряся одолѣетъ единъ другаго, се нѣсть позоръ; видимаго бо видимый одолѣ. Егда же видимый человѣкъ боряся съ невидимымъ врагомъ и одолѣетъ его, се есть съ удивленіемъ зримо.
Этого слова нѣтъ.	Поприще—миля (*ссылка*); въ той замыкается 1000 кроковъ, або осмь стадій, стаіовъ, гоновъ; зри стадіонъ. А верста—пятаа часть милѣ полской; по инѣхъ миля астрономскаа кроковъ 4000, чверть милѣ 1000 кроковъ, крокъ 4 стопы, стопа 4 долони, долонь 4 палцѣ.	Поприще—верста, и имать саженей 750. Сице о семъ пишется въ *Златой Цѣпи*; иніи же глаголютъ, яко поприще имать 1000 саженей.
Прузи—коничики пружіе, вершки деревяные, пучя и тыжъ коники.	Прузи, пружіе—конички, кобылки, саранчя; вершки дерева, зѣля, або трава, единоименна саранчи, бо на тую цвѣтъ еи подобенъ, але смаку вдячного и трвалого корень еи. Пружіе, лѣторослькы з дерева, вершки древяныи, пучя, си естъ; овощіе дивіе (*ссылка на гл. и ст. Еван. Тип. Крилос*).	Пружіе—трава, зеліе, вершіе дуба, овощь дивій, акриды. Прузи—коники травные, поѣдаютъ траву и всякъ плодъ земный, скачутъ до высоты и паки падаютъ на землю.
Этого слова нѣтъ.	Роженица — (*ссылка на Быт.*) матиця, породѣля, пороженица.	Рожаницы, тако еллинстіи звѣздословцы наричутъ седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. И кто въ кую планиту родится, той по той планитѣ любо-

въ Лексисѣ:	у Берынды:	въ Азбуковникѣ:
		прется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коимъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождшагося въ планиту Аррисъ, они мнятъ быти нравомъ яра и гнѣвлива и дерза въ бранѣхъ. Рождшагося въ планиту Афродиту мнятъ быти сластолюбца. Сице и о прочихъ планитахъ толкуютъ.
Селеніе Кидарское—домъ татарскій, иже есть сугубъ единъ на колесницы, а другій въ земли ископанъ.	*Этого слова нѣтъ.*	Кидаръ языческая страна. Въ писаніи бо глаголется: вселихся съ селы Кидарскими. Въ грамматикіи толкуется: домы татарскіе, иже суть сугубы единъ на колесницѣ, другой въ землѣ ископанъ. Иніи толкуютъ кидаръ—тма, мракъ, а индѣ митра, еже еврейскіе архіереи пошаху на главѣ своей вмѣсто вѣнца, еже индѣ увязломъ наричется, а индѣ тою митру клобукомъ зовутъ.
Этого слова нѣтъ.	Стихіа—початки, элемента, якъ земля, вода, воздухъ, огень, с которыхъ то иншее створенье сътворено ест. А называются тежъ стихіами и лѣтеры азбучныи, ижъ з нихъ всѣ книги суть написаны. Стихіа небесныя —съставы въздушныя, небесныи живіолы.	Стихія—вещь, небо и земля, солнце и луна, вода и воздухъ.

въ Лексисѣ:	**у Берынды:**	**въ Азбуковникѣ:**
Храбрый — мужный, дужій.	Храбрый — моцный, дужій, военный, мужный, валечный, богатыръ, сталый, гойный, хоробрый.	*Этого слова нѣтъ.*
Уена—есть двѣрь дикій, окрутный, которій пришедши до пастуховъ притосовуетъ своей голосъ до чоловѣчого, и перевыкаетъ имена пастушіи, и на змордованыи псы нападши, поядаетъ ихъ.	Оуена—звѣря окрутное, безъ обернення шыи.	Уена—медвѣдица, рысь.
Художество—ремесло.	Художество—умное, хитрость, ремесло, умѣстность, наука книгъ.	Художество—хитрость ремесла. Худогъ—мудръ.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, очень скоро возникшая литература обращается и къ своей главной задачѣ—полемикѣ съ католичествомъ и защитѣ православія. Этотъ отдѣлъ по преимуществу содержанія богословскаго, отчасти церковно-историческаго и обрядового. Историка литературы онъ можетъ интересовать не главнымъ своимъ предметомъ, исключительнымъ и спеціальнымъ, а пріемами изслѣдованія предмета, внутреннимъ настроеніемъ полемиста, подборомъ источниковъ, которыми пользуется послѣдній, ихъ характеромъ и объемомъ,—словомъ тѣмъ общимъ интеллектуальнымъ складомъ и характеромъ, съ которыми выступаютъ въ этихъ сочиненіяхъ ихъ авторы. Для историка литературы особенно важнымъ здѣсь является научный элементъ этого рода сочиненій, указывающій на степень образованія и подготовки авторовъ; въ глазахъ историка литературы это—наиболѣе важная и существенная сторона западно-русскихъ полемическихъ

сочиненій. Полемика и съ той и съ другой стороны безпощадна, рѣдко соблюдаетъ безпристрастіе, очень часто придирчива и мелочна, но она хорошо рисуетъ различные фазисы научнаго роста своихъ дѣятелей,—полную безпомощность на первыхъ порахъ западно-русскихъ православныхъ, не имѣющихъ у себя еще никакихъ средствъ для борьбы и принужденныхъ постоянно обращаться къ помощи своихъ греческихъ единовѣрцевъ, снабжающихъ ихъ своими „листами“ и „посланіями“, нерѣдко даже выписывать съ дальняго Востока самыя рукописи и книги, необходимыя для борьбы,—смутную, нѣсколько сбивчивую въ началѣ богословскую мысль православныхъ полемистовъ, ихъ безсознательныя уклоненія то въ сторону протестантовъ, то католиковъ, различныя невольныя ихъ „ереси“ и „злохуленія“,—наконецъ, быстрый ростъ среди нихъ серьезнаго научнаго образованія, быстрое ознакомленіе съ массой первостепенныхъ источниковъ, богословскаго, историческаго и каноническаго содержанія, на почвѣ основательнаго знакомства съ которыми они начинаютъ уже серьезную борьбу съ своими учеными врагами. Въ виду широкаго общественнаго интереса происходившей борьбы, эта сторона разсматриваемаго отдѣла полемическихъ сочиненій была особенно важна: путемъ горячей полемики—въ средѣ западно-русскихъ православныхъ незамѣтно возникало и росло научное образованіе, распространялись серьезныя научныя знанія, крѣпла и развивалась критическая мысль. Съ этой точки зрѣнія, такія спеціально-полемическія сочиненія, какъ *Апокрисисъ* Христофора Филалета, *посланія* Іоанна Вишенскаго, *Өриносъ* Мелетія Смотрицкаго, *Палинодія* Захарія Копыстенскаго, *Λίθοσ* Петра Могилы и др. п.—являются въ высшей степени цѣнными литературными произведеніями... Въ этомъ отношеніи весьма любопытно сравнить болѣе раннія западно-русскія рукописныя „обличительныя писанія противъ жидовъ и латинянъ“ перв. пол. и се-

редины XVI вѣка [къ сожалѣнію, очень мало сохранившіяся до насъ], или даже наиболѣе раннія печатныя произведенія, такія, какъ напр. труды острожскаго клирика Василія, Іоанна Вишенскаго, Стефана Зизанія, неизвѣстнаго автора *Перестроги*—съ позднѣйшими трудами конца XVI в.,—нач. XVII вв., Христофора Филалета, Копыстенскаго, Петра Могилы: первые—простые начетчики сравнительно съ послѣдними, нерѣдко поражающими обширностью и основательностью знаній...

Отмѣчаемъ главнѣйшіе факты литературной борьбы православныхъ съ католиками.

Прежде всего нельзя не отмѣтить группы упомянутыхъ сейчасъ полемическихъ сочиненій рукописныхъ,—сохранившихся случайно и встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ рукописныхъ сборникахъ лишь изрѣдка, но бывшихъ повидимому довольно многочисленными: сочиненія эти представляютъ собою наиболѣе раннюю ступень западно-русской полемики съ католичествомъ,—когда полемика эта стояла еще всецѣло на старой древне-русской почвѣ „обличительныхъ писаній“ „на богомерзкую“, „на поганую латину“,—и велась совмѣстно „противъ жидовъ и латинянъ“... Наиболѣе раннимъ и важнѣйшимъ центромъ этой начальной западно-русской полемической дѣятельности былъ повидимому Супрасльскій монастырь, находившійся въ перв. пол. XVI в. въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Памятниками, уцѣлѣвшими до насъ, отъ этой полемики—служатъ напр. рукописныя произведенія, находящіяся въ извѣстномъ, обслѣдованномъ А. Н. Поповымъ, *сборникѣ XV в. на обличеніе и на посрамленіе ляховомъ и латынямъ*, а также рядъ подобныхъ же произведеній, читаемыхъ въ другомъ такомъ же обслѣдованномъ имъ же Супрасльскомъ сборникѣ 1578—1580 гг., наконецъ, въ недавно найденномъ Кіево-Михаиловскомъ сборникѣ нач. XVII в., списанномъ со сборника XVI вѣка. Найдутся, можетъ

30*

быть, и другіе. Въ послѣднемъ сборникѣ находятся слѣдующія полемическія сочиненія:

Посланіе до латынъ изъ ихъ же книгъ, 1581 года (издано сполна проф. Петровымъ, въ „Трудахъ" Кіев. Дух. Акад., 1894). „Посланіе" направлено противъ книги Скарги „О единствѣ церкви Божіей". Памятникъ этотъ между прочимъ любопытенъ потому, что представляетъ собою въ развитіи западно-русской полемической литературѣ „новый шагъ", —когда эта литература стала основываться „уже не на легендарныхъ и сомнительныхъ смутахъ и толкахъ о римской церкви и ея исторіи, а на серьезномъ изученіи ея, по ея же источникамъ"... Въ этомъ послѣднемъ отношеніи разсматриемое „посланіе" является какъ бы предшественникомъ извѣстнаго „Апокрисиса",—показываетъ и объясняетъ историческую возможность появленія у православныхъ этого замѣчательнаго произведенія. „Посланіе до латынъ" доказываетъ, что „Апокрисисъ" не долженъ быть считаемъ какою то неожиданностью въ западно-полемической литературѣ XVI вѣка, что онъ былъ естественнымъ завершеніемъ общаго роста всей западно-русской православной литературы, — завершеніемъ прежнихъ полемическихъ опытовъ въ этомъ родѣ, къ которымъ принадлежало и „Посланіе до латынъ". Послѣднее имѣло не маловажное значеніе и въ дальнѣйшей полемикѣ западно-руссовъ съ католиками: этимъ „посланіемъ" между прочимъ пользовался авторъ упоминаемаго ниже „Ключа царства небеснаго",—имъ же пользовался несомнѣнно и авторъ одного полемическаго сочиненія 1597 года и т. п.

На богомерзкую, на поганую латину, которыи папежи, хто что въ нихъ вымыслили въ ихъ поганой вѣрѣ, сказаніе о томъ. Нѣсколько безграмотное заглавіе едва ли не принадлежало кому-либо изъ позднѣйшихъ списателей: самое содержаніе много его толковѣе... Сказаніе направлено отчасти противъ той же книги Скарги и, можетъ быть, прналежало

тому же автору, что и „Посланіе до латынъ“. Не вступая открыто въ полемику съ ученымъ католическимъ писателемъ, доказывавшимъ „еретичество“ многихъ константинопольскихъ патріарховъ и вообще православнаго духовенства,—авторъ „Сказанія“ дѣлаетъ попытку фактически платить тою же монетою, и приводитъ съ своей стороны длинный перечень „еретиковъ“ въ ряду римскихъ папъ—еретиковъ до 25-ти, т. е. еще гораздо больше, чѣмъ сколько насчиталъ „еретиковъ“ въ Царьградѣ Скарга...

Поученіе новосложенное во Литваніи нарицаемымъ Цоззлшъ Логоветовъ. Поученіе повидимому составлено въ періодъ 1595—1602 гг.; тайнопись Ц о з з л ш з, находящаяся въ заглавіи и означающая очевидно имя автора—не поддается прочтенію. „Поученіе“ не имѣетъ исключительно полемическаго характера, и заключаетъ въ себѣ не столько полемику съ католиками, сколько вообще наставленія простому народу въ истинахъ вѣры, предостереженія отъ увлеченія католичествомъ и т. п.

Собственно въ печати,—полемика начата была іезуитами.

Уже въ 1577 году іезуитъ П е т р ъ С к а р г а написалъ противъ православныхъ книгу: *O jedności Kościola Bożego pod jednym pasterzem i o greckiem od tej jednosci odstąpieniu, z przestrogą i upominaniem do narodów ruskich,*—О единствѣ Церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу“ [Wilno, 1577 г.]. Книга посвящена кн. К. К. Острожскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ давно, и посвящалась ему, конечно, въ видахъ бо́льшаго успѣха ея въ средѣ православныхъ. Въ 1582 г. авторъ издалъ дополненіе къ ней, на лат. и польск. языкахъ—*О заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ римской*

церкви [Wilno, 1582], а въ 1590 году книга сполна переиздана была вторымъ изданіемъ (въ послѣднее время напеч. въ VII т. „Рус. Ист. Б-ки"). Книга Скарги имѣла особенно важное значеніе: она послужила прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, писавшихся потомъ іезуитами и уніатами... Авторъ доказываетъ яко бы догматическія и каноническія отступленія русской православной церкви отъ истинной, первобытной, – сохраненіе преданій послѣдней лишь въ церкви римской, отсюда—необходимость для русской православной церкви соединенія съ римскою... Для православной западно-русской церкви—разсуждаетъ авторъ—нѣтъ и не можетъ быть другого выхода изъ того жалкаго, разстроеннаго положенія, въ какомъ она находится, какъ только возобновить состоявшееся нѣкогда на Флорентійскомъ соборѣ (1439) соединеніе съ католическою церковью подъ главенствомъ римскаго первосвященника, съ удержаніемъ своихъ восточныхъ обрядовъ. Греки безсильны оказать ей какую либо помощь, ибо и сами, находясь въ неволѣ, страдаютъ тѣми же нестроеніями, главное же погрязаютъ въ невѣжествѣ. Восточные патріархи никогда не заботились о русской церкви и намѣренно не знакомили русскихъ съ науками, чтобы удобнѣе обирать ихъ. Истинная наука и просвѣщеніе сіяютъ лишь въ римской церкви,—и соединившись съ католиками, православные не только положили бы тѣмъ предѣлъ торжеству надъ собою со стороны еретиковъ-протестантовъ, но привели бы и ихъ самихъ къ общему церковному единенію и тѣмъ способствовали бы совершенному уничтоженію ересей въ польско-литовскомъ государствѣ...—Одновременно издано было іезуитами нѣсколько другихъ книгъ полемическихъ или съ полемическою цѣлью. Такъ, наканунѣ Брестскаго собора, въ 1595 г., неизвѣстнымъ авторомъ, сторонникомъ уніи—предполагаютъ, Ипатіемъ Поцѣемъ—напечатано было сочиненіе: *Унія, альбо выкладъ преднѣйшыхъ артыкуловъ ку згод-*

ноченью грековъ с костеломъ рымскимъ належащыхъ [*Вильна, 1595*]. Подобная же книга была издана въ 1608 году: *Гаръмонія, альбо согласіе въры, сакраментовъ и церемоней св. Восточной Церкви с Костеломъ Ръмъскимъ. Harmonia albo concordantia wiary, sakramentow y ceremoniey Cerkwi S. Orientalney z Kosciołem s. Rzymskim* [въ Вильнѣ, въ 1608 г.], написанная „до чытателя христіанского, такъ русина, яко рымлянина“. Книжка напечатана на западно-русскомъ языкѣ и лишь мѣстами на польскомъ [переизд. въ Рус. Ист. Б-кѣ, Спб., 1882, т. VII]. Содержаніе „Гармоніи“—краткое сопоставленіе ученій восточной-православной и западной-римской церкви,—о членахъ символа, о церкви, о таинствахъ, объ обрядахъ и постахъ и т. д., при чемъ авторъ старается показать сходство между тѣмъ и другимъ ученіемъ... И т. д. Въ опроверженіе этихъ первыхъ полемическихъ сочиненій іезуитовъ со стороны православныхъ были изданы:

Ключъ царства небеснаго, написанный Герасимомъ Даниловичемъ Смотрицкимъ, отцомъ извѣстнаго Мелетія Смотрицкаго и бывшимъ ректоромъ въ Острожкой школѣ,—напечатанный въ 1587 году, вѣроятно, въ острожской типографіи [перепечат. въ прилож. къ изслѣдованію проф. Малышевскаго: Александрійскій патр. Мелетій Пигасъ, II, Кіевъ, 1872, и Голубевымъ, въ Архивѣ юго-западной Россіи, т. VII, часть первая, Кіевъ, 1887]. „Ключъ“ былъ отвѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора Ярославской іезуитской коллегіи: Wiary kościoła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa historya dla jedności. Авторъ „Ключа“, Гер. Д. Смотрицкій, какъ уже замѣчено выше, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени въ средѣ православныхъ юго-западной Руси. Еще будучи городскимъ каменецкимъ писаремъ, онъ пользовался уже громкой ученой извѣстностью,—почему и былъ вызванъ кн. К. К. Острожскимъ въ Острогъ для заня-

тій по изданію *Библіи*. Время этого вызова въ точности не извѣстно; предполагаютъ—еще до 1576 года. Въ Библіи Острожской Г. Д. Смотрицкому принадлежало, какъ мы видѣли, *предисловіе* и *вѣрши*... Стихи Смотрицкаго были плохи; но какъ полемистъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ отъ современниковъ. Въ одномъ *Памфлетѣ* на Мелетія Смотрицкаго,—объ отцѣ его Герасимѣ Смотрицкомъ замѣчается: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именемъ Герасимъ, сынъ Даниловъ, подолинникъ, з Смотрески, благочествивая мудрствуя и многу помощу и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая"... Изъ этихъ полемическихъ „писаній" до насъ дошелъ лишь одинъ „Ключъ". Умеръ Г. Д. Смотрицкій ок. 1594 года.

Особый сборникъ или *книжица* въ 6-ти отдѣлахъ, написанный нѣкіимъ острожскимъ клирикомъ Василіемъ и изд. въ Острогѣ, безъ заглавія, ок. 1588 г. [Первый отдѣлъ надписанъ: *О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распрострѣся.* Въ концѣ пятаго—подпись: „многогрѣшный и хуждшій въ христіанѣхъ убогый Василей"; и далѣе ниже: „написася сія въ лѣто отъ созданія міра 7097, римляномъ же пишущымъ отъ по плоти рожства господня 1588, по отщепенствѣ же ихъ еже отъ насъ въ праздникахъ лѣта 5"]...

Казанье св. Кирилла, патріархи Іерусалимьскаго, о антихристѣ и знакохъ его, з росширеніемъ науки противъ ересей розныхъ. Kazanie s. Cyrylla, patryarchy Ierozolimskiego, o antichryscie y znakoch iego, z rozszyrzeniem nayki przeciw heresyam roznym [изд. въ Вильнѣ, въ 1596 г.]. Это—западнорусская передѣлка 15-го „оглашенія" Кирилла Іерусалимскаго; къ тексту „оглашенія", авторъ присоединяетъ обширныя собственныя дополненія и разсужденія, возражая противъ приписываемыхъ православнымъ римскихъ догматовъ,

—доказывая, что послѣдніе указываютъ на признаки пришествія антихриста, что антихристъ уже пришелъ—въ лицѣ римскаго папы... За эти мысли и за самое изданіе книжки, Стефанъ Зизаній королевской грамотой былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ отечества. „Казанье“ посвящено кн. К. К. Острожскому... Между прочимъ, изъ книжки Зизанія видно, что уже въ это время, въ 1596 году, виленское братство владѣло типографіей съ четырьмя шрифтами: славянскимъ, готическимъ, латинскимъ и греческимъ... Противъ „Казанья“ Зизанія въ томъ же году была напечатана брошюра подъ заглавіемъ: *Hеrеsу Stephanka Zyzaniey heretyka z cerkwi Ruskiey wykletego* (Wilno, 1596),—любопытная между прочимъ потому, что въ ней есть указаніе на другое, вышедшее незадолго передъ этимъ сочиненіе Зизанія и до насъ не сохранившееся—на его *Катехизисъ* [другая польская брошюра приводитъ даже извлеченія изъ этого Катехизиса].

Отписъ на листъ... Ипатіа, володимерского и берестейского епископа, до ясне освѣцоного княжати Костентина Острозского, воеводы кіевского, о залецанью и прехваляныо Восточной Церкви з Заходнымъ Костеломъ унеи або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви острозской въ томъ же року отписаный. Въ концѣ замѣчено: „писанъ у Острогу, у школѣ кгрецкой Острозской“... Здѣсь же особое сочиненіе: *Исторіа о листрикійскомъ*, т. е., *о разбойническомъ, Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списаная* [„Отписъ“ сполна перепечатанъ въ приложеніяхъ къ кіевскому изданію „Апокрисиса“,—Кіевъ, 1869 г.]. Кто былъ этотъ „клирикъ церкви Острожской,—сказать трудно; но во всякомъ случаѣ познѣйшіе изслѣдователи разъяснили, что это не былъ Острожскій пресвитеръ Василій,—съ которымъ смѣшалъ его преосв. Филаретъ въ своемъ „Обзорѣ рус. литературы“... Отвѣтъ на „Отписъ“ И. Поцѣй напечаталъ тогда же, въ 1600 году, при изданіи *Антиррисиса* (Antirrisis, Wilno, 1600).

Книжица въ десяти отдѣлахъ [напеч. въ 1598 г., въ Острогѣ]. Здѣсь помѣщены: *Свидѣтельства вкратцѣ собранныя отъ божественныхъ писаній... о исхожденіи св. Духа отъ единого Отца*,—семь *посланій* александр. патр. Мелетія, присланныхъ имъ въ 1597—1598 гг. къ западно-русскимъ православнымъ, въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Острогѣ,—*посланіе* къ нимъ же кн. К. К. Острожскаго, отъ 24 іюля 1595 года, съ предостереженіемъ противъ готовящейся уніи, и *посланіе* о томъ же отъ иноковъ аѳонскихъ. Книга издавалась—„на пользу и утвержденіе православнымъ христіаннамъ“ [всѣ эти посланія и статьи „Книжницы“ перепечатаны въ изслѣдованіи проф. Малышевскаго, Мелетій Пигасъ и пр., II, въ прилож.].

По поводу Брестскаго собора 1596 года, почти одновременно явились два сочиненія, впрочемъ, не имѣвшія полемическаго характера,—*Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, które się dziäly na partykularnym, to iest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim w Krakowe*, 1597 [Эктезисъ, или краткое изложеніе дѣлъ происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ] и *Synod Brezski i iego obrona* [*Описанье и оборона събору руского Берейстейского*]. Первое написано православнымъ, второе—сторонникомъ уніи. Оба сочиненія излагаютъ исторію Брестскаго собора 1596 года, ходъ соборныхъ засѣданій, сношенія православныхъ съ уніатами и католиками, разсужденія, бывшія на засѣданіяхъ, наконецъ рѣшенія собора. *Ekthesis* извѣстенъ только на польскомъ языкѣ, хотя, вѣроятно, былъ изданъ одновременно и на западно-русскомъ языкѣ; второе сочиненіе издано было отдѣльно на польскомъ и отдѣльно на западно русскомъ языкахъ. Авторъ перваго не извѣстенъ; второе было написано Петромъ Скаргою [*Эктезисъ* перепечатанъ А. Н. Поповымъ, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. 1879, кн. I. *Соборъ Берестейскій*—въ VII т. „Рус. Ист. Б-ки“].

По поводу появленія „Эктезиса", со стороны уніатовъ и католиковъ послѣдовало въ томъ же 1597 году на западно-русскомъ языкѣ *Справедливое описаніе дѣлъ и справы собора Берестейскаго*, до насъ не дошедшее, авторомъ котораго—предполагаютъ былъ И. Поцѣй; книга „Соборъ Берестейскій" вызвала въ томъ же году изъ лагеря православныхъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ — *Апокрисисъ*... „Апокрисисъ" вызвалъ упомянутый выше *Антиррисисъ*, напечатанный въ Вильнѣ, въ 1600 г. Раздраженія автора „Антиррисиса" указываетъ на силу впечатлѣнія, произведеннаго „Апокрисисомъ"... Христофоръ Филалетъ обвиняется въ открытомъ протестантствѣ и въ цѣломъ рядѣ всевозможныхъ „ересей", а вся его книга—въ сплошной лжи. „Самъ дьяволъ, выползши изъ ада, не могъ бы измыслить злѣйшей неправды, чѣмъ Филалетъ", восклицаетъ авторъ Антиррисиса...

Вскорѣ послѣ 1606 года, изъ лагеря православныхъ вышло сочиненіе: *Перестрога* (Предостереженіе)—также одно изъ важнѣйшихъ полемическихъ произведеній времени, особенно характерное и цѣнное въ историческомъ отношеніяхъ. Ранѣе мы приводили нападки автора „Перестроги" на современное высшее православное духовенство въ западной Руси,—на отсутствіе у православныхъ достаточнаго количества школъ, на крайнюю ничтожность вообще въ средѣ православныхъ образованія,—что̀, по мнѣнію автора, главная, наиболѣе существенная причина какъ общаго внутренняго разстройства русской церкви, такъ и отпаденія высшихъ слоевъ въ католичество... Кажется, это западно-русское полемическое сочиненіе нач. XVII в. было передъ глазами у нашего писателя конца XVIII в. Дамаскина Семенова Руднева († 1795), когда онъ въ своей *Библіотекѣ Россійской* говоритъ о крайней недостаточности „училищъ" въ древней Руси... Съ другой стороны—любопытны возраженія ввтора „Перестроги" противъ „мудрости свѣтской", противъ „арис-

тотелевой науки", „поганской философіи" и вообще „внѣшнихъ наукъ"; онъ видитъ особую милость Божію въ томъ, что Богъ „напервѣй мудрость свѣтскую отдалилъ отъ нихъ"... По замѣчанію позднѣйшаго изслѣдователя,—авторъ „Перестроги" здѣсь отчасти повторяетъ З. Любберта, тоже отрицательно относившагося къ Аристотелевой философіи—въ іезуитскомъ ея пониманіи"... По догадкѣ позднѣйшихъ изслѣдователей,—авторомъ „Перестроги" былъ человѣкъ свѣтскій, именно Юрій Рогатинецъ, „одинъ изъ видныхъ членовъ львовскаго братства, который принималъ горячее участіе въ церковныхъ дѣлахъ того времени, и извѣстенъ какъ писатель"... [*Перестрога* нап. въ Акт. Зап. Россіи, т. IV, № 149].

Чрезвычайно типичнымъ эпизодомъ первоначальной западно-русской полемической литературы является литературная дѣятельность Мелетія Смотрицкаго. Главнѣйшими полемическими сочиненіями Смотрицкаго были *Плачъ Ортолога* (1610) и *Апологія путешествія на Востокъ* (1628); первое написано въ защиту православія противъ уніатовъ и латинства, второе—противъ православія, въ защиту уніатской и католической пропаганды. Два эти сочиненія отстоятъ одно отъ другого на 18 лѣтъ: за этотъ періодъ времени, ихъ авторъ изъ горячаго защитника православія сдѣлался столь же горячимъ католикомъ. *Ѳриносъ, т.-е. Плачъ единой вселенской восточной церкви, съ изложеніемъ догматовъ вѣры... Ѳеофила Ортолога*, вышедшій въ Вильнѣ, въ 1610 году на польскомъ языкѣ (*Θρηνοσ*, to est Lament jedyney s. Poswzechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwei z obiasnieniem dogmat wiary, pirwiey z graeckiego na slowienski, a teraz z slowienskiego na polski przełožony przez Theophila Orthologa, tèyže sw. Wschodniey Cerkwie syna, w Wilnie, roku 1610) вызвалъ противъ себя два сочиненія. Знаменитый іезуитъ Петръ Скарга поспѣшилъ въ томъ же году написать *Предостереженіе Руси греческой*

вѣры противъ Плача Θеофила Ортолога, а черезъ два года и Илья Мороховскій, ученый уніатъ, напечаталъ въ Вильнѣ свое *Утѣшеніе, или утоленіе плача Восточной церкви—Θеофила Ортолога* (заглавіе перваго сочиненія: „Na treny y lament Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nadożeństwa przestroga, r. 1610; заглавіе второго: *Παρηγορεῖα*, albo utolenie uszczypliwego lamentu mniem-aniey Cerkwie s. wschodniey, zmyślonego Theophita Orthotoga, Wilno. 1612 г.). Оба автора съ ожесточеніемъ напали на Смотрицкаго, называя его ученикомъ Лютера и Кальвина... Кромѣ литературной полемики, книга Смотрицкаго подверглась и полицейскому преслѣдованію: немедленно польскій король издалъ приказаніе—всѣ экземпляры книги „Θриноса“ отобрать и сжечь, друкарню у виленскаго братства, напечатавшаго „Θриносъ“, взять,—печатниковъ же, автора и самаго корректора посадить въ тюрьму... Отобрать удалось однако лишь всего нѣсколько экземпляровъ книги, найденныхъ въ типографіи, да главный типографъ поплатился, „братскій слуга и писарь Логинъ Карповичъ, шляхтичъ учтивый“: слуги виленскаго бискупа схватили его въ самую великую субботу и засадили въ смрадную тюрьму.,. Указанія Смотрицкаго на греческіе и славянскіе подлинники *Θриноса*—конечно, ничто иное, какъ мистификація. Въ концѣ XVI нач. XVII в. польское правительство—замѣчаетъ изслѣдователь—съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣло на сочиненія, направленныя противъ католической церкви, не безъ основанія видя въ нихъ одну изъ главныхъ причинъ, мѣшавшихъ успѣхамъ уніи. Полемисты поэтому старались всячески скрывать свои имена,—книги издавались ими или анонимно или подъ прикрытіемъ какоголибо псевдонима. Такъ поступили авторы *Апокрисиса, Сборника острожскаго, Книги о вѣрѣ* и мн. др.; также поступилъ, издавая свой *Θриносъ*, и М. Смотрицкій,—но онъ пошелъ по пути мистификаціи еще далѣе: кромѣ псевдонимной подписи, имъ самое

сочиненіе выдавалось за переводъ съ греческаго и славянскаго оригиналовъ... Къ концу 1625 года Смотрицкій вернулся изъ своего путешествія на Востокъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ,—чрезъ годъ (въ 1626—1627) тайно принялъ унію, и въ 1627 году издалъ сочиненіе: *Apologia peregrynacyi do stron wschodnich...* (Львовъ, *1628*). Здѣсь уже открыто высказываются его уніатскія стремленія. „Апологія" Смотрицкаго вызвала новую полемику. Прежде всего была напечатана, въ 1628 г., вѣроятно, въ Кіевѣ *Ἀπόλλεια Апологіи книжки діалектомъ русскимъ написаной, польскимъ засъ ве Львовѣ друкованой, вкоротцѣ а правдиве зсуммованая презъ станъ духовный восточнаго православіа... и до друку на жадане многихъ поданая*—актъ соборнаго проклятія „Апологіи", при участіи самого Смотрицкаго и съ приложеніемъ различныхъ документовъ [сполна изд. Голубевымъ въ приложеніяхъ къ изслѣд. „Петръ Могила", I, стр. 302—316], на которую Смотрицкій—послѣ своего формальнаго признанія на соборѣ—въ томъ же году отвѣчалъ *Протестаціей противъ Кіевскаго собора 1628 года* [Протестація" напеч. въ Львовѣ, въ 1628 г.; переп. у Голубева, „Петръ Могила", I, въ прил.]. Въ томъ же году противъ „Апологіи" выступилъ слуцкій протоіерей Андрей Мужиловскій, издавшій *Antidotum* (*Противоядіе*) *противъ Апологіи*; Смотрицкій изображается, какъ человѣкъ двуличный, безпокойный и крайне непостоянный, перешедшій къ уніи только по своекорыстію и гордости. „Антидотумъ" вышелъ изъ печати не позже начала 1628 года: въ апрѣлѣ этого года Смотрицкій уже издалъ свое опроверженіе на него—*Экзетесисъ или Росправа между Апологіею и Антидотумомъ* [1628]; здѣсь Смотрицкій нападаетъ съ бранью не только на самого Мужиловскаго, но и на всю православную церковь,—константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса называетъ кальвинистомъ, всѣхъ юго-западныхъ православныхъ архіереевъ „еретиками", „наемниками",

„совершенными невѣждами“ и т. п., и въ заключеніе обращается къ православнымъ съ убѣжденіями принять унію—„для ихъ собственнаго блага“... Противъ „Апологіи“ со стороны православныхъ позднѣе была еще написана *Antapologia* Диплица (псевдонимъ Евстафія Киселя), напечатанная въ 1632 году.—Послѣ „Апологіи“ и *Протестаціи* (1628), Смотрицкій написалъ еще нѣсколько *писемъ* къ Борецкому и другимъ (1628), *Паренесисъ* (*увѣщаніе*) *къ Виленской братіи* [напеч. въ Краковѣ, въ 1629 г] и др.; всѣ они развивали мысли, положенныя въ „Апологіи“,—о заблужденіяхъ и ересяхъ Восточной церкви и о необходимости для русскаго народа соединиться съ Римомъ... Въ „Паренесисѣ“ между прочимъ любопытны укоры, которые Смотрицкій дѣлаетъ виленской братской школѣ,—въ крайней ничтожности ея просвѣтительныхъ результатовъ... Не смотря на множество издержекъ и не недостатокъ трудящихся въ ней,—она представляетъ изъ себя „узкую щель“, черезъ которую едва протискиваются ученики,—отъ этой школы, какъ отъ камня, въ теченіе столькихъ лѣтъ ни воды, ни огня“... „Нужно имѣть въ виду, замѣчаетъ позднѣйшій изслѣдователь,—о результатахъ школьной дѣятельности виленскаго братства Смотрицкій судилъ по сравненію съ дѣятельностью іезуитскихъ коллегій, въ которыхъ училось по нѣскольку сотъ человѣкъ и которыя, дѣйствительно, выпустили немало ученыхъ богослововъ и философовъ и еще больше шумѣли о своихъ успѣхахъ. Виленская школа на эффектъ не била и, не крича о себѣ, скромно шла къ своей главной цѣли—отвратить русское общество отъ того самого Рима, къ единенію съ которымъ привлекалъ Смотрицкій въ своемъ Паренесисѣ,—обѣщая, что оно и школы подниметъ, и семинаріи откроетъ, и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ, Катехизисы и пр... Ниже мы увидимъ, продолжаетъ изслѣдователь, насколько Римъ осуществилъ эти ожиданія Смотрицкаго, но теперь не можемъ не замѣтить, что

просвѣтительной и ученой дѣятельности виленьскаго братства очень повредилъ самъ Смотрицій: будучи настоятелемъ монастыря, онъ свободно пользовался братской библіотекой,—перейдя въ унію, онъ присвоилъ себѣ книги, бывшія у него на рукахъ, какъ и другое имущество братства. Хотя послѣднее занесло протестъ въ луцкія городскія книги и хотя Смотрицкій обѣщалъ возвратить все взятое имъ, онъ этого не сдѣлалъ, какъ видно изъ свидѣтельства Синопсиса"...

Къ 20-мъ годамъ XVII столѣтія относится обширный полемическій трудъ Захарія Копыстенскаго: *Палинодія или книга обороны каѳолической святой Восточной церкви*,—направленная противъ *Обороны уніи*, изданной въ 1617 году виленскимъ уніатскимъ архим. Львомъ Кревзою, и опровергаетъ послѣднюю въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ та написана. Книга Копыстенскаго—трудъ огромный; въ предисловіи авторъ перечисляетъ массу писателей и книгъ, которыми онъ пользовался, на греческомъ, латинскомъ, польскомъ, славянскомъ и западно-русскомъ языкахъ. По своему времени, сочиненіе это было необыкновенно ученымъ, и съ этой стороны имѣетъ сходство съ Апокрисисомъ. Книга Кревзы, какъ сейчасъ замѣчено, вышла въ 1617 году; предполагаютъ, что Копыстенскій тотчасъ же сталъ писать и „Палинодію",—по крайней мѣрѣ, въ ноябрѣ 1621 года Палинодія не только была уже составлена, но и прочитана, исправлена и одобрена людьми „мудрыми и во святомъ писаніи бѣглыми",—которымъ посылалъ ее авторъ для просмотра... Книга однако осталась почему-то не напечатанной, почему—неизвѣстно [въ послѣднее время, Палинодія издана въ IV т. „Рус. Ист. Библіотеки"].

Въ 1642 году Касіанъ Соковичъ, нѣкогда православный, но потомъ перешедшій въ унію,—издалъ въ Краковѣ на польскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: *Ἐπανόρθωσις, или Изображеніе заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской*

Того же автора:

Нилъ Сорокій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1882.

В. А. Жуковскій. Первые годы его жизни и поэтической дѣятельности Казань, 1883.

Древнеславянское Евангеліе, принадлежащее Обществу археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Каз. университетѣ. Воронежъ, 1883.

Театръ до-Петровской Руси. Историко-литературный очеркъ. Казань, 1884.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Историко-литературный очеркъ. Спб., 1884.

Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка. Изданіе Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности. Спб., 1884.

Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. Писанія. Казань, 1885.

Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи (до изд. «Полн. Собр. Рус. Лѣт.»). Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Приложеніе къ брошюрѣ: «Свв. Кириллъ и Меѳодій» и пр. Библіографическія замѣтки. Казань, 1885.

Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей. Воронежъ, 1886.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Историческій очеркъ. Кіевъ, 1886.

Пушкинъ въ его произведеніяхъ и письмахъ. Казань, 1887.

Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв. Москва, 1888.

Новый трудъ о Жуковскомъ (изъ «Ж. М. Н. Пр.»).

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Обозрѣніе рукописнаго матеріала. Спб., 1888.

Творенія отцовъ церкви въ древнерусской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій. I—IV. Казань, 1889—1891.

С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество (изъ «Рус. Обозр.»).

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань, 1895.

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка. Казань, 1894.

Григоровичъ и русская литература 40-хъ гг. Казань, 1894.

Памяти Н. С. Тихонравова. Ученые труды Тихонравова въ связи съ болѣе ранними изученiями въ области исторiи русской литературы. Казань, 1894.

Русскiй театръ XVIII в. (изъ «Рус. Обозр.»).

Zur Geschichte des deutschen Lucidarius. Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur, herausgegeben von E. Schrreder und G. Roethe. Sonder-Abdruck. Berlin, 1885.

Къ исторiи нѣмецкаго и чешскаго Луцидарiусовъ. Казань, 1897.

Отчетъ о научныхъ занятiяхъ во время заграничной командировки. Казань, 1897.

Болгарскiй Пѣснивецъ 1337 года (изъ «Извѣстiи II Отд. И. А. Н.»).

Изъ лекцiй по исторiи русской литературы. Исторiя литературы, какъ наука. Варшава, 1897.

Программа лекцiй по исторiи русской литературы, съ указанiемъ источниковъ и пособiй. Казань, 1898.

Новый трудъ по исторiи руской литературы. По поводу книги А. Н. Пыпина, Ист. рус. лит., т. I, Спб., 1898 (изъ «Ж. М. Н. Пр».).

Изъ лекцiй по исторiи русской литературы. Образованiе и литература Московскаго Государства. Казань, 1898.

Пушкинъ въ Казани. Казань, 1899.

Ѳ. И. Буслаевъ и его «Воспоминанiя». Казань, 1899.

А. С. Пушкинъ, какъ народный поэтъ. Казань, 1899.

Два слова о сл. «былина», Спб., 1898 (изъ Извѣстiй II Отд. И. Ак. Н.).

Къ исторiи древнерусскаго Луцидарiуса. Казань, 1899.

Къ исторiи южно-славянской апокрифической литературы. Спб., 1899 (изъ Извѣстiй II Отд. И. Ак. Н.).

Академическое изданiе сочиненiй Пушкина. Варшава, 1900.

Изъ лекцiй по исторiи русской литературы. Наканунѣ христiанства и письменности. Варшава, 1901.